

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н. М. Мартьянова»

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

Выпуск 5

Минусинск
2023

УДК 94(57):001.891
ББК 63.3(253):72.4(253)
У91

Рецензенты:

Н. И. Дроздов — директор Сибирского института ОЧУВО «Международный инновационный университет», доктор исторических наук, профессор;

М. Д. Северьянов — зав. кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, доктор исторических наук, профессор

Руководитель проекта:

С. А. Борисова, директор музея

Редакционная коллегия:

И. Л. Решетникова – ответственный за выпуск

В. Г. Чернышёва – редактор

М. Г. Зарко – корректор

У 91 Учёные записки Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартянова: [текст] / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова» ; ред. В. Г. Чернышёва. – Минусинск, 2023. – Вып. 5. – 204 с. : ил.

ISBN 978-5-0060-6989-3

Печатается по решению научно-методического совета МБУК МКМ

В сборник вошли статьи исследователей, занимающихся изучением истории и культуры Южной Сибири.

Книга будет полезна как учёным, исследователям Саяно-Алтайского региона, так и читателям, интересующимся различными аспектами истории Сибири.

УДК 94(57):001.891
ББК 63.3(253):72.4(253)
ISBN 978-5-0060-6989-3

© МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова»

Отпечатано в ООО «Издательские решения»

РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 903.21

В. И. Молодин

О ДИАГНОСТИКЕ БРОНЗОВОГО КЕЛЬТА-ЛОПАТКИ ИЗ СОБРАНИЯ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА

Аннотация. Статья посвящена анализу культурно-хронологической диагностики оригинального кельта-лопатки, экспонируемого в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова.

Рассматривается морфология изделия, делается попытка определения возможного круга аналогий. Обосновывается вывод, что этот предмет не может быть отнесен к изделиям карасукской культуры (или времени), а более всего сопоставим с кельтами-лопатками сейминско-турбинского типа. Предлагается вероятный центр проникновения изделия в Минусинскую котловину из района северо-восточного Синцзяна и примыкающей территории Монголии.

Ключевые слова: кельт-лопатка, карасукская культура, сейминско-турбинский феномен, окуневская культура.

ON THE STUDY OF A BRONZE SHOVEL-LIKE CELT FROM THE COLLECTION OF THE MINUSINSK MARTYANOV MUSEUM

Abstract. The article is devoted to the analysis of the cultural and

chronological features of the original shovel-like celt, exhibited in the Minusinsk Martyanov Museum.

The artifact's morphology is considered; the paper also makes an attempt to determine the possible range of analogies. The conclusion is substantiated that this object cannot be attributed to the items of the Karasuk culture (or period), but is most of all comparable to the shovel-like celts of the Seima-Turbino type. A probable center of infiltration of this tool type into the Minusinsk Basin from the region of northeastern Xinjiang and the adjacent territory of Mongolia is proposed.

Keywords: shovel-like celt, Karasuk culture, Seima-Turbino phenomenon, Okunevo culture.

Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова основан в 1877 году и является одним из старейших музеев Сибири. В нём собраны, прекрасно хранятся и экспонируются великолепные образцы предметов, полученные благодаря раскопкам, а также случайные находки, поступившие в его фонды преимущественно с территории Минусинской котловины – настоящей Мекки сибирской археологии.

В 2022 году, благодаря любезному приглашению директора музея Светланы Анатольевны Борисовой и его сотрудников, мне посчастливилось познакомиться с экспозицией музея и получить в подарок прекрасный каталог бронзовых предметов, хранящихся в музее, недавно подготовленный вместе с китайскими специалистами Цзилиньского университета и опубликованный в Китае, снабжённый качественными фотографиями и пояснительными текстами на трёх языках [Сокровища..., 2021, с. 302].

При осмотре экспозиции музея моё внимание привлёк массивный бронзовый кельт достаточно оригинальной формы. Во всяком случае, полных аналогий этому предмету мне до сих пор неизвестно. Перед нами, несомненно, уникальный образец бронзового орудия, нуждающийся в специальном рассмотрении.

Кельт поступил в музей до 1917 года (инвентарный номер МКМ А ОФ-676) и происходит из Минусинского уезда Енисей-

ской губернии, села Усинское [Там же, с. 242, рис. 82]. Изделие было отнесено при хронологической и культурной идентификации к разделу IV, Карасукская культура [Там же, с. 234, 242]. Однако, ничего похожего среди кельтов периода поздней бронзы, и в частности карасукской культуры, обнаружено не было [Грязнов, 1941; Членова, 1972; Хаврин, 1999].

Надо сказать, что изделие было опубликовано Ю. С. Гришиным в «Своде» металлических изделий Сибири эпохи энеолита и бронзы [Гришин, 1971, табл. 9–7], однако оно квалифицируется автором как «лопата» [Там же, с. 19], что не может быть принятым, хотя бы по реально недостаточно большим размерам для такого инструмента. К тому же в работе Ю. С. Гришина опубликовано только фото изделия без масштаба и указаний реальных размеров.

Очевидно, что рассматриваемый предмет обладает яркой индивидуальностью, а это требует его специального рассмотрения.

По форме изделие в плане более всего напоминает кельт-лопатку по классификации, разработанной Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых [1989], однако и среди небольшого набора этих изделий, не имеющих абсолютных аналогий, аналогии минусинскому предмету отсутствуют. По метрическим параметрам – 147 x 103 мм (вес 827 г) [Сокровища..., 2021, с. 242] – рассматриваемое орудие вполне сопоставимо с кельтами-лопатками разрядов К-30, К-32 и К-34 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 60–63] (по типологической разработке Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых).

Рассматриваемый кельт из Минусинской котловины имеет правильную трапециевидную форму с плавно расширяющимися к рабочей части гранями, закруглённым лезвием и круглой в сечении втулкой (рис. 1). Последняя отчётливо выражена. Лопасти лопатки начинаются по всей длине непосредственно от его втулки. В верхней части кельта имеется горизонтальный, рельефно выраженный валик, оконтуривающий два круглых сквозных отверстия, проделанных в лопастях лопатки и вплотную примыкающих к втулке. Поверхность кельта не орнаментирована.

Индивидуальность анализируемого кельта не позволяет одно-

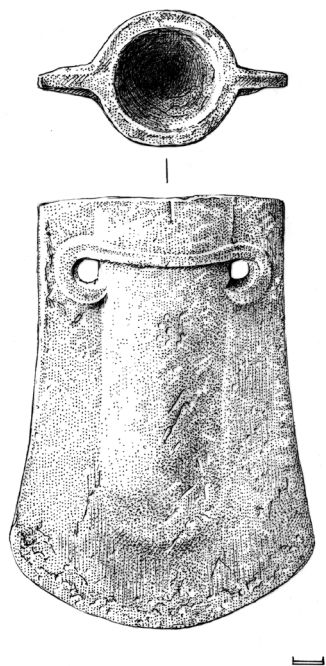

Рис. 1. Кельт-лопатка из собрания Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.

значно отнести его к какому-либо из разрядов кельтов-лопаток, разработанных Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых. Определённые черты сходства прослеживаются с разрядом К-30 и К-34. [Черных, Кузьминых, 1989, с. 63]. Несомненная близость кельта из Минусинской котловины прослеживается с кельтом-лопаткой из Семипалатинска [Там же, с. 60, рис. 22, 5]. Их роднит ярко выраженная втулка, к которой примыкают лопасти. Уместно, впрочем, отметить, что Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых условно относят это изделие к разряду К-30 [Там же, с. 63]. Мне уже приходилось отмечать [Молодин, 2019, с. 13], что, в свою очередь, к кельту-лопатке из Семипалатинска близок

кельт-лопатка из музея Xinyuan County в Синьцзяне, лопатки которого украшены в стиле предметов сейминско-турбинского типа [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016, p. 390, fig. 5], весьма сопоставимые по орнаменту с кельтом-лопаткой из могильника Ростовка в низовьях реки Оми [Матющенко, Синицына, 1988].

Однако, пожалуй, наибольшая близость рассматриваемого предмета прослеживается с кельтом из Гоби-Алтайского аймака в Монголии [Черных, Кузьминых, 1989, с. 63]. На момент разработки указанной учёными типологии это была «самая юго-восточная находка металлического орудия сейминско-турбинского типа» [Там же]. По их классификации кельт из Монголии относится к разряду К-34 – кельт-лопатка двуушковый, украшенный пояском-лесенкой и крупными, вписанными друг в дру-

га, треугольниками. С изделием из Минусинского музея этот кельт сближает (помимо того, что и в том, и в другом случае перед нами кельт-лопатка) имеющая место особенность, заключающаяся в том, что характерные для сейминско-турбинских кельтов сквозные ушки столь глубоко утоплены в тело кельта, что их правильнее называть уже псевдоушками. Напомню, что в рассматриваемом в статье изделии симметричные отверстия утоплены в тело кельта ещё глубже (рис. 1).

Рассматриваемый в данной работе кельт-лопатка имеет несомненное сходство с предметом из Чуйской долины Киргизстана, найденным случайно в предгорной части, в районе Шамшинского ущелья и опубликованным С. С. Ивановым [Иванов, 2015, с. 508–512]. Отличительной особенностью изделия из Киргизстана является отсутствие отверстий в теле изделия. Автор публикации полагает, что формирование подобной формы следует относить к сейминско-турбинскому времени с истоками в верховьях Иртыша [Там же, с. 511], с чем нельзя не согласиться.

Таким образом, всё вышесказанное позволяет сближать анализируемое изделие с кельтами сейминско-турбинского типа, но никак не с карасукскими.

В специальной статье [Молодин, 2022, с. 123–130] мне уже приходилось, учитывая исследования ряда специалистов (Г. А. Максименков, Н. Л. Членова, Н. В. и С. Н. Леонтьевых и др.), однозначно связывать кельты сейминско-турбинского типа с комплексами окуневской культуры Минусинской котловины. В настоящее время обнаружены уже объекты, в которых зафиксировано сочетание в одном комплексе классических кельтов сейминско-турбинского типа с керамикой окуневской культуры. Речь идёт о памятнике в бассейне р. Кизир на территории деревни Верхняя Мульга [Леонтьев Н., Леонтьев С., 2006]. Учитывая наибольшую близость формы анализируемого в данной работе кельта-лопатки из Минусинского музея монгольскому образцу, можно предполагать южный коридор их проникновения в регион с запада, намеченный в своё время Н. Л. Членовой: «вероятно через Монголию» [Членова, 1977, с. 110].

Таким образом, в заключении данной работы можно сделать однозначный вывод, что перед нами ещё один достаточно своеобразный образец кельта-лопатки, по сути единственный в своём роде, относящийся к пласту сейминско-турбинских бронз и, возможно, связанный с носителями окуневской культуры развитого бронзового века Минусинской котловины.

Список литературы

Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Археология СССР. Свод археологических источников. – М., 1971. – Вып. В3-12. – 88 с. + 18 табл.

Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. – 1941. – Т. 1. – С. 245–270.

Иванов С. С. Уникальный кельт-лопатка эпохи бронзы из Чуйской долины // Древний Тургай и великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвящённый 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина. – Костанай-Алматы, 2015. – С. 508–512.

Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. – СПб., 2006. – С. 228–234.

Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Из-во ТГУ, 1988. – 136 с.

Молодин В. И. Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 3. Археология и этнография. – С. 9–16.

Молодин В. И. Окуневская культура и сейминско-турбинский феномен (историографические заметки) // Археологические вести. – СПб: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2022. – Вып. 34. – С. 123–130.

Сокровища бронзовых изделий Минусинского регионально-го краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова / Под ред. Ян

Цзяньхуа и Борисовой С. А. – Цзимянь, 2021. – 302 с. (На кит., рус. и англ. яз.)

Хаврин С. В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб.: Изво Государственного Эрмитажа, 1999. – Т. LXIII. – С. 32–35.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М. Наука, 1989. – 320 с.

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. – М., 1972. – № 182. – С. 248.

Членова Н. Л. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., Наука, 1977. – С. 96–112.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient culture in Xinjiang. Along the Silk Road. – Urumchi, 2016. – 431 p. (in Eng. and Chin.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Молодин Вячеслав Иванович

академик РАН, д. и. н.; профессор

Институт археологии и этнографии СО РАН

г. Новосибирск, Россия

molodin@archaeology.nsc.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Molodin Vyacheslav Ivanovich

Academician of RAS, Doctor of Science (History); Professor

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

molodin@archaeology.nsc.ru

УДК 903.25

О. В. Минор

ГОЛОВНОЙ УБОР АНДРОНОВСКОГО (ФЁДОРОВСКОГО) НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО- МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Аннотация. На территории Хакасско-Минусинской котловины эпоха средней бронзы представлена андроновской (фёдоровской) культурой (XVII–XV вв. до н. э.). В статье рассмотрены погребения с остатками плетёной шерстяной ткани и кожи. На основе их анализа мы пришли к выводу, что мужчины и женщины в прохладное время года носили шерстяные шапочки. У женщин парадным головным убором мог быть кожаный венчик. К украшениям головного убора нами отнесены височные кольца: проволочные, трубчатые, кольца с раструбом и бляшки, к украшениям причёски – костяной гребень, найденный в единственном экземпляре. Декор фёдоровского головного убора Южной Сибири не отличается своим многообразием. В статье приведены аналогии андроновских украшений за пределами Хакасско-Минусинской котловины. Это территория Южного Зауралья, Казахстана и Западной Сибири. Часть этих украшений ещё долго будет известна в степях Среднего Енисея в послеандроновское время, в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Ключевые слова: андроновская (фёдоровская) культура, погребения, головной убор, украшения, шерстяная ткань, кожа, Хакасско-Минусинская котловина.

Minor Olesya V.

HEADDRESS OF THE ANDRONOV (FEDOROV)
POPULATION OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN

Annotation. The Middle Bronze Age is represented by the Andronov (Fedorov) culture (XVII–XV centuries BC) on the territory of the Khakass-Minusinsk basin. The article deals with its burials with the remains of woven woolen fabric and leather. Based on their analysis, we came to the conclusion that men and women wore woolen hats during the cool season. For women, a leather rim could be a ceremonial headdress. We attributed temporal rings to headdress decorations (wire, tubular, rings with a bell and plaques), and to hairdressing decorations – a bone comb found in a single copy. The decor of the Fedorov headdress of Southern Siberia is not distinguished by its diversity. The article presents analogies of Andronov jewelry outside the Khakass-Minusinsk basin. This is the territory of the Southern Trans-Urals, Kazakhstan and Western Siberia. The part of these decorations will be known for a long time in the steppes of the Middle Yenisei in the post-andronov period, in the late Bronze age and the early Iron Age.

Keywords: Andronov (Fedorov) culture, burials, headdress, decorations, woolen fabric, leather, the Khakass-Minusinsk basin.

Андроновская культура распространена от Урала до Енисея. Она охватывает всю территорию Казахстана и Западной Сибири, высокогорье Тянь-Шаня и Памира, пустыни и оазисы Средней Азии [Кузьмина, 1994, с. 13]. Однако впервые андроновская культура была открыта на среднеенисейском материале ещё в начале XX в. В 1914 г. А. Я. Тугаринов раскопал у деревни Андроново несколько курганов. Здесь были обнаружены горшки, бляшки, деревянная ложка-черпак, остатки шерстяной ткани [Тугаринов, 1926, с. 158; Максименков, 1978, с. 9]. Материал из могильника Андроново послужил основанием С. А. Теплоухову назвать культуру андроновской [Теплоухов, 1929, с. 43].

На сегодняшний день в степях Среднего Енисея раскопано более 50 памятников андроновского периода. Большая их часть представляет собой могильники. Для своего исследования нами был изучен и проанализирован материал 21 могильника Хакасско-Минусинской котловины. Все они относятся к фёдоровской культуре. Среди них: Андроново, Орак, При-

стань I, Солёноозёрная I, Сухое Озеро I, Батени Ярки II, Ярки I, Усть-Ерба, Каменка II, Тепсей, Ашпыл, Ужур, Устье Бири IV, Лебяжье I, Косоголь III, Потрошилово II и др. [Вадецкая, 1986; Вадецкая, Субботин, Красиенко, 2018; Максименков, 1978; Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2006; Леонтьев, 1996; Рахимов, 1965; Комарова, 1961; Киселёв, 1935; Грязнов, Комарова, Завитухина и др., 1979; Тугаринов, 1926]. Малое количество известных на сегодня могильников можно объяснить непродолжительным периодом раскопок андроновских памятников на Среднем Енисее. Масштабные раскопки датируются 1960–1970 гг., и связано это с расположением памятников в зоне затопления ложа Красноярского водохранилища. После чего раскопки стали сходить на нет, интерес к андроновским памятникам угасал [Минор, 2020, с. 11].

Последнее исследование по датировке андроновской культуры установило время её распространения в Южной Сибири: XVII–XV вв. до н. э. [Поляков, 2019, с. 163, 170], что не противоречит датам андроновских памятников Западной Сибири и Восточного Казахстана.

С момента изучения андроновской (фёдоровской) культуры в минусинских степях наблюдается отсутствие работ по исследованию костюма, реконструкции способов использования украшений в погребальной практике населения. Мы решили немного устранить этот пробел. Поэтому данная работа посвящена выявлению категорий украшений головного убора и его гипотетической реконструкции. В нашем случае для восстановления головного убора отсутствуют достоверные источники (письменные и изобразительные материалы). Модель в таком случае строится на обоснованных материалах предположениях. Такая реконструкция носит название гипотетической [Куприянова, 2008, с. 82–83; Доде, 2008, с. 21].

За основу был взят материал захоронений, в которых зафиксированы украшения, остатки ткани, кожи, плетёной тесьмы и определён пол погребённых. Если половозрастные характеристики отсутствуют (например, в силу фрагментарности

костей), но украшения в них обнаружены, такие погребения мы не обходили стороной. Это объясняется тем, что категории украшений в них позволяют воссоздать общую картину их использования в погребальной практике андроновского населения. По той же причине нами брались во внимание разрушенные погребения (таковых большая часть) со скудным инвентарём или представленным фрагментарно. Нами рассмотрены как одиночные, так парные и коллективные (до четырёх человек) погребения.

Одной из распространённых категорий украшений андроновской (фёдоровской) культуры на Енисее являются бронзовые височные кольца. Они представляют собой изделие из проволоки круглого или овального сечения (рис. 1: 2). Встречаются кольца с несомкнутыми или заходящими друг за друга концами из бронзового листа. Фиксируются кольца несколько иной формы – с раструбом (рис. 1: 1, 3–4). Они встречаются как из бронзы, так из бронзы, обложенной золотой фольгой. Следующей категорией являются бронзовые бляшки круглой, овальной и квадратной форм. В большинстве случаев они выпуклые в середине. По краям имеют два отверстия.

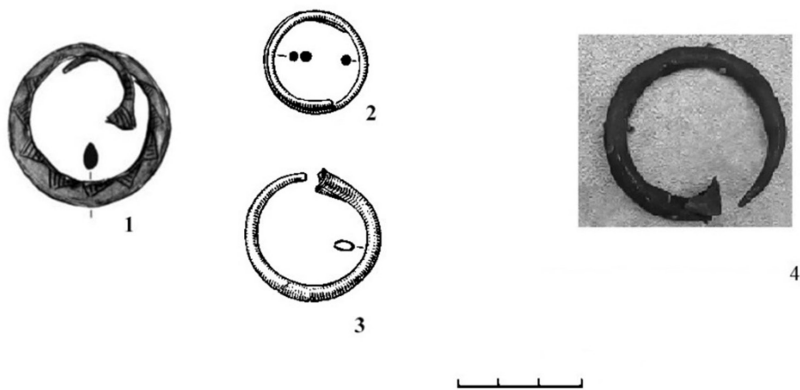

Рис.1. 1 – Солёноозёрная I мог. 4 (по: [Макаров, 2022]); 2, 3 – Сухое Озеро I кург. 617 мог. (по: [Максименков, 1978]); 4 (фото) – Потрошилово II мог. 10 (МРКМ НВФ А11976). 1, 4 – бронза, 2 – золото, 3 – золотая фольга на бронзовой основе.

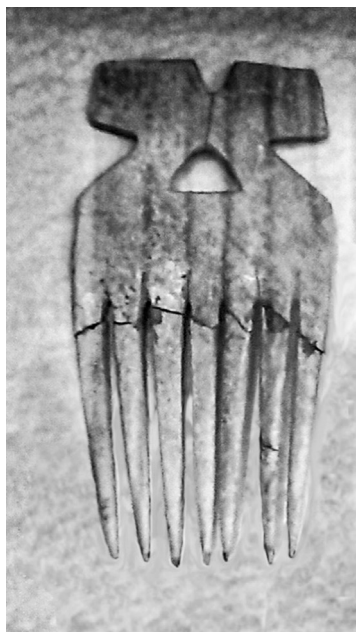

Рис. 2 (фото). Потрошилово II
мог. 10 (МРКМ НВФ А11975).
Кость.

Встречаются экземпляры орнаментированные пуансоном по краю. К самой многочисленной категории украшений можно отнести бусины. Они фиксируются в виде колечек и бочонковидные. Изготовлены из бронзы, кости и камня. Категорию амулетов [Куприянова, 2008, с. 31–33] составили подвески из клыков кабарги, кабана с отверстиями и альчики. К единичным экземплярам относится костяной гребень (рис. 2). По мнению авторов раскопок могильника Потрошилово II, он найден впервые в андроновской культуре Хакасско-Минусинской котловины [Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2006, с. 34]. К сожалению, на этом список андроновских категорий украшений территории минусинских степей

можно закончить. Для реконструкции способов использования украшений в погребальной практике населения нами применены аналогии андроновских экземпляров за пределами Хакасско-Минусинской котловины. Это территория Южного Зауралья и Казахстана.

Понятие «костюм» очень широкое, особенно если речь идёт о костюме традиционных обществ. В него входит одежда, головной убор и обувь [Доде, 2008, с. 21]. Своё исследование андроновского головного убора мы начнём с его украшений. В него входят: височные проволочные и трубчатые кольца, кольца с раструбом, бронзовая бляшка. Все они фиксируются на черепе (у лобной, скуловой и височной кости, под челюстью). Необходимо отметить, что в название категорий украшений была положена технология их изготовления.

Височные проволочные кольца являются в головном уборе

самой многочисленной категорией. Они изготовлены из проволоки круглого сечения. Были ли они согнуты в 1 или 1,5 оборота либо имели несходящиеся концы, трудно сказать. Хорошо сохранилось лишь одно золотое кольцо в 1,5 оборота (Сухое Озеро I кург. 617 мог.) и принадлежало оно взрослому человеку (рис. 1: 2). В большинстве случаев кольца найдены в обломках. Проволочные кольца встречаются у скуловых дуг, на височных костях, около нижней челюсти, на черепе, между черепом и рёбрами, около ушного отверстия, с двух сторон черепа.

Нельзя согласиться с Г. А. Максименковым, утверждавшим, что проволочные кольца обнаружены только у детей [Максименков, 1978, с. 72]. Кольца зафиксированы в погребениях женщин и детей, в мужских они не обнаружены. Мы можем только предположить, что могилы, где захоронены дети и найдены кольца, принадлежали девочкам [Комарова, 1961, с. 50]. Видимо, данное украшение не имело возрастных ограничений и являлось женским. Различия проявляются в размере колец. Диаметр детских экземпляров составляет около или чуть больше 1 см.

Другие изделия из андроновских (фёдоровских) погребений Среднего Енисея — это так называемые трубчатые кольца. Они изготовлены из тонкого листа, свернутого в полую трубочку на органической основе [Аванесова, 1991, с. 56]. Концы их заострены, чаще всего они несходящиеся. Фиксируются они на скуловой кости, с двух сторон черепа и около ушного отверстия. Кольца обнаружены у женщин, причём возраст одной известен — 20–25 лет. Автор раскопок памятника Орак Г. П. Сосновский указывает на дополнительный элемент у одного из найденных во время раскопок колец: остатки узенькой тесёмки, завязанной в узел [Сосновский, 1934, с. 93]. Это важная деталь для изучения и восстановления облика среднеенисейского андроновского (фёдоровского) костюма.

Ещё одно украшение, входившее в головной убор, — кольцо с раструбом. Это круглое кольцо, один конец его заострён, а другой — полый в виде раструба, служил замком. Оно

изготовлено из прута, круглого в сечении. Один конец ковки заострён, другой расплюсчен в форме треугольника и свёрнут в конический раструб. После чего прут сворачивали в кольцо. Заострённый конец входил в раструб, как в замок [Аванесова, 1991, с. 50–51] (рис. 1: 1, 3–4). Встречаются бронзовые кольца с раструбом, обложенные золотой фольгой (Ашпыл мог. 21, Сухое Озеро I кург. 617 мог.) [Вадецкая, Субботин, Красниенко, 2018, с. 75; Максименков, 1978, с. 30] (рис. 1: 3). В мог. 4 памятника Солёноозёрная I кольцо с раструбом имело гравированный орнамент в виде заштрихованных треугольников (рис. 1: 1). Фиксируются кольца с раструбом на височных костях, в заполнении могилы, среди костей. Их находят в погребениях женщин (в парной могиле женщины и ребёнка кольцо находилось у женщины на височных костях), причём возраст одной нам известен — 18 лет, и по одному случаю у ребёнка и мужчины.

Другая категория украшений головного убора – бронзовая бляшка (Каменка II огр. 8 мог.) [Максименков, 1978, с. 41; Рахимов, 1965, с. 66]. Единственное, что сообщает о ней Г. А. Максименков, это её форма – четырёхугольная [Максименков, 1978, с. 72]. Найдена она около лба женщины 20– 5 лет.

Украшения, обнаруженные у черепа погребённых, можно связывать не только с головным убором, но и с головой (причёской) [Куприянова, 2008, с. 57]. Эти украшения являлись самостоятельными, т. е. их носили отдельно без головного убора [Усманова, 2010, с. 17]. К ним мы отнесли гребень. Эта находка единична на Среднем Енисее среди андроновского погребального инвентаря. Обнаружен он в погребении взрослой женщины памятника Потрошилово II мог. 10 [Леонтьев, 1996, с. 34]. Изготовлен гребень из кости. Он имеет семь длинных зубьев. Его длина около 13 см (рис. 2).

К сожалению, это все категории украшений, составляющие андроновский головной убор и причёску. Они не разнообразны и не многочисленны. Многие из них имеют аналогии за пределами Хакасско-Минусинской котловины. Распространенным украшением на западном и восточном ареале андроновской

культуры являются височные трубчатые кольца [Куприянова, 2008, с. 26]. В синташтинской культуре височные кольца встречаются довольно редко, а вот для петровской и алакульской являются распространённым украшением. Некоторые экземпляры обернуты золотой фольгой [Куприянова, 2008, с. 26]. Кольца с раструбом, найденные в погребениях андроновского времени на Среднем Енисее, широко распространены к западу от него: на Верхней Оби, в Северном и Восточном Казахстане [Максименков, 1978, с. 72; Комарова, 1961, с. 49]. М. Н. Комарова считает такие изделия сугубо фёдоровскими и не местными, а импортными с сопредельных территорий [Комарова, 1961, с. 50]. По мнению Э. Р. Усмановой, распространены они в восточных районах андроновской культуры: Алтай, Минусинская котловина, южные казахстанские территории [Усманова, 2010, с. 144–145]. Действительно, в памятниках синташтинского, петровского алакульского времени их не обнаружено [Усманова, 2010, с. 144]. Н. А. Аванесова отмечает кольца с раструбом этнографической особенностью «фёдоровцев» и их происхождение выводит из Средней Азии [Аванесова, 1991, с. 51–53]. Височные провололочные кольца, по мнению Г. А. Максименкова, — вполне этнографическая черта андроновского енисейского населения [Максименков, 1978, с. 72]. В Хакасско-Минусинской котловине они будут распространены в следующих эпохах, после андроновской: в эпоху поздней бронзы, где будут представлять собой височные кольца из проволоки в 1–3 оборота [Минор, 2017, с. 61–65], раннего железа [Аванесова, 1991, с. 56]. В доандроновское время на Енисее они известны в памятниках окуневской культуры [Минор, 2017, с. 65]. Бронзовые бляшки получили широкое распространение на всей территории бытования андроновской культуры. Они известны как в урало-казахстанских, так и западносибирских, и енисейских памятниках. Свою известность они продолжают в эпоху поздней бронзы, где будут достаточно многообразными [Минор, 2017, с. 89–90]. Гребень, видимо, не был популярен среди андроновского населения. В Южной Сибири он един-

ственный. В минусинских степях подобные изделия получают известность среди населения эпохи поздней бронзы [Леонтьев, 1996, с. 34] и раннего железа [Вадецкая, 1986, с. 91]. Таким образом, часть минусинских украшений широко использовалась в андроновскую эпоху на всей территории её распространения. Другие экземпляры являлись своеобразным маркером фёдоровского населения на Среднем Енисее или, говоря словами Г. А. Максименкова, этнографической чертой [Максименков, 197, с. 72]. Часть украшений ещё долго будет известна в Южной Сибири в послеандроновское время.

Несмотря на скудность погребального инвентаря андроновских (фёдоровских) захоронений в Хакасско-Минусинской котловине, отсутствие разнообразных категорий украшений, есть один важный момент, который необходимо отметить. Речь идёт о найденных кусочках ткани и кожи возле/на черепе погребённых. Они представляют собой небольшие фрагменты, в некоторых случаях истлевшие. На наш взгляд, эти находки очень важны для восстановления облика головного убора андроновского населения. Для начала обозначим могильники с зафиксированными в них остатками ткани и кожи. В погребальном памятнике Андрово (у Г. А. Максименкова это могила 4 [Максименков, 1978, с. 9]) встречены остатки шерстяной ткани [Тугаринов, 1926, с. 157-158]. Один кусок представляет собой кольцо, шириной около 4 см, и сплётён в виде конуса. Диаметр одного края несколько уже, другого – шире. К этому кольцу с одной стороны прикреплены концентрические кольца. В одном месте, с нижнего края, к нему прикреплён в форме языка обрывок ткани, заканчивающийся нитками, связанными в узлы [Тугаринов, 1926, с. 158]. Автор раскопок могильника Андрово А. Я. Тугаринов не сомневается, что это остатки головного убора, а спускающийся вниз обрывок ткани в форме языка не что иное, как наушник. Материалом плетения является толстая шерстяная нитка [Тугаринов, 1926, с. 158]. М. Н. Комарова считает эти кусочки ткани вязаной шапочкой [Комарова, 1961, с. 51]. Одна из могил памятника Орак (мог. 35) характеризуется находкой

кусочка кожи, лежащего под черепом женщины в парном погребении [Комарова, 1961, с. 43]. И ещё одной яркой находкой, на наш взгляд, являются остатки шерстяной шапочки из этого же памятника (мог. 37). Они найдены на черепе мужчины с правой стороны [Комарова, 1961, с. 43–44]. Г. П. Сосновский сообщает, что благодаря плотно прилегавшей каменной плите перекрытия ящика, ткань лучше сохранилась, чем в других могилах, слегка была засорена и имела следы плесени [Сосновский, 1934, с. 3]. Полоска ткани являлась остатками шапочки в виде полукруга. Он состоял из рубчатой ткани (рубчики идут под углом один к другому, образуя ряд острых углов, вся полоска ткани представляет собой «ёлочку»). По наблюдению автора раскопок, полоска связана крючком из кручёной шерстяной нити (способ тамбурного вязания). С внешней и внутренней стороны около полоски идёт шнурок. Он изготовлен путём перекручивания от руки двух нитей и такой же нитью пришит к краю. Он служил для декора и придания большей крепости вязанию. Материалом шапочки являлась шерсть овец [Сосновский, 1934, с. 94]. В огр. 7 мог. 4 памятника Пристань I на черепах мужчины и женщины найдены остатки шерстяных головных уборов [Максименков, 1978, с. 12]. Возможно, местный климат или состав почвы Южной Сибири позволяют сохраняться коже и шерстяным тканям в погребениях.

Есть ещё два случая обнаружения остатков шерстяных тканей у погребённых: Сухое Озеро I кург. 243 мог. и Усть-Ерба огр. 1 [Максименков, 1978, с. 23, 40]. Остатками чего они являются (верхней одежды, обуви или головного убора), определить не представляется возможным, так как зафиксированы они среди костей в разрушенных грабителями погребениях. В своей статье Н. И. Шишлина, О. В. Орфинская, Н. Ю. Петрова и О. В. Кузнецова в результате анализа шерстяных тканей Южной Сибири сообщают, что фрагмент тесьмы из Усть-Ербы выполнен диагонально-саржевым плетением. В тесьме выявлены волокна, в результате спрядённая нить была более прочной. Возможно, часть волокон была окрашена. Н. И. Шишлиной

и др. удалось определить: фрагменты ткани из могильника Усть-Ерба изготовлены из руна овец степной зоны [Шишлина, Орфинская, Петрова, Кузнецова, 2019, с. 257–258].

За пределами Хакаско-Минусинской котловины в андроновских погребениях зафиксированы находки шерстяных нитей и остатков кожи. Так, например, в памятнике Лисаковский I огр. 1 погр. 1 в кольцах в 1,5 оборота обнаружены остатки шнура из шерстяных нитей [Усманова, 2005, с. 11]. В Кытманово мог. 17 у женщины (?) на височных костях найдена обойма с остатками ремешков внутри, в мог. 24 и 30 под черепами захороненных женщин — мелкие кусочки ткани и бусины с остатками тонкого сыромятного ремешка [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 14]. Авторы раскопок могильника Черноозерье I сообщают, что в мог. 51 у ребёнка около 2 лет под черепом найдены возможные фрагменты шапочки [Генинг, Стефанова, 1994, с. 14]. В женской мог. 50 Еловского II бронзовое кольцо с остатками кожи лежало в области черепа [Матющенко, 2004, с. 73, рис. 96, 2]. В послеандроновское время, в эпоху поздней бронзы, на Среднем Енисее найдены шерстяные детали головных уборов (могильник Уйбат мог. 3) [Шишлина, Орфинская, Петрова, Кузнецова, 2019, с. 257].

Теперь, когда мы рассмотрели андроновские категории украшений причёски и головного убора, провели аналогии с украшениями западного ареала андроновской культуры, думается, что можно приступить к восстановлению облика головного убора и способа использования головных украшений. К ним мы отнесли украшение причёски — гребень. Несмотря на то, что он был найден у стенки погребения взрослой женщины, и не даёт точной информации о способах его использования, мы отнесли это изделие к украшению волос или причёски (рис. 2).

В андроновских (фёдоровских) захоронениях Южной Сибири нам известны находки, представляющие собой остатки шерстяного изделия. А. Я. Тугаринов, Г. П. Сосновский и М. Н. Комарова говорят о шерстяных шапочках, в которых были захоронены умершие [Тугаринов, 1926, с. 158; Сосновский,

1934; Комарова, 1961]. Могильник Андроновое является не только эталонным памятником, в честь которого названа культура средней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, а затем и на других территориях. Это ещё и первый памятник, в результате раскопок которого были обнаружены остатки шерстяной ткани — шапочки. По мнению М. Н. Комаровой, кусочки этой ткани сохранились лучше, чем в других памятниках [Комарова, 1961, с. 51]. Действительно, судя по описанию А. Я. Тугаринова, это изделие является головным убором со спускающимся вниз наушником [Тугаринов, 1926, с. 158, Сосновский, 1934, с. 93; Комарова, 1961, рис. 4]. По всей видимости, этот убор представлял собой шапочку, как и в Ораке мог. 37. Следует отметить, что реконструкция головного убора из Андронového сделана М. М. Герасимовым в скульптурном портрете женщины из Алексеевского могильника (погреб. № 21). По черепу погребённой женщины был восстановлен её портрет [Кривцова-

Рис. 3. Могильник Алексеевский погр. 21. Реконструкция головы (по: [Кривцова-Гракова, 1948]).

Гракова, 1948]. Однако никаких следов шерстяных изделий в её погребении не обнаружено (рис. 3).

А. Я. Тугаринов сообщает о своей находке (шапочке) как о кольце, сплетённом на «конус», Г. П. Сосновский – о полоске, связанной крючком [Тугаринов, 1926, с. 158; Сосновский, 1934, с. 94]. Можно предположить, что шапочка из Андроново была изготовлена следующим образом. Из толстой шерстяной нити (возможно, кручёной) сплетена или связана длинная полоска. Судя по фотографии [Сосновский, 1934, с. 93, фото], полоска, представляла собой рубчатую ткань. Рубчики шли под углом один к другому. Таким образом, она была сплетена или связана в «ёлочку». Другая шапочка, из могильника Орак, тоже представляет собой полоску, сплетённую или связанную из крученной шерстяной нити, с рубчиками на поверхности. Узор на полоске — ёлочный. Связана она тамбурным способом, по мнению Г. П. Сосновского [Сосновский, 1934, с. 94]. Нижняя часть шапочки была обрамлена шнурком. Скорее всего, он не позволял головному убору распускаться снизу и служил дополнительным декоративным элементом. Если судить по фотографии Г. П. Сосновского в его статье [Сосновский, 1934, с. 93], то такой же шнурок можно разглядеть на остатках шапочки, обнаруженных во время раскопок могильника Андроново.

В связи с вышеизложенным, теперь следует остановиться на изготовлении головного убора — шапочки. Здесь, на наш взгляд, целесообразно обратиться к опыту Э. Р. Усмановой. Она давно занимается проблемой реконструкции женского костюма андроновского времени на территории Казахстана. Большое количество её работ посвящено реконструкции женского головного убора, в том числе накосных украшений и челюстно-лицевых подвесок. Для начала рассмотрим способ изготовления тесьмы. По мнению автора реконструкции, тесьма андроновского времени была сплетена из шерстяных нитей. Исследователь даёт следующее определение плетению: «это способ ручного соединения нитей, при котором каждая из них проходит попеременно то сверху, то снизу других, под

прямым или косым углом. Изделие плели из нитей, которые соединяли на одном конце в узел и закрепляли на каком-либо устойчивом предмете» [Усманова, 2010, с. 107]. Эксперимент показал, что для плетения тесьмы длиной 9 м требуется около 65 часов [Усманова, 2010, с. 108, фото 30–32]. В заключение сплетённую тесьму укладывали спиралью в конус на болванке и сшивали по краям [Усманова, 2010, с. 108, фото 33]. Кстати, нужно подчеркнуть, что для Э. Р. Усмановой подсказкой изготовления казахстанских андроновских головных уборов стало технологическое заключение изготовления головного убора из Андроново: плетёная тесьма, уложенная спиралью и сшитая в конус [Усманова, 2010, с. 107]. Скорее всего, способом плетения был изготовлен и наушник у шапочки погребённого из Андроново. По сообщению А. Я. Тутаринова, на одном из фрагментов шапочки с нижнего края был прикреплён к нему небольшой конец в форме языка [Тутаринов, 1926, с. 158]. Если обратиться к этому описанию и фотографии остатков шапочки [Сосновский, 1934, с. 93, фото], то вывод напрашивается такой: судя по размерам этого кончика в форме языка, наушник был небольшим и, вполне вероятно, соответствовал ширине плетёной тесьмы. Скорее всего, он был чуть меньшего размера, чем наушник на шапочке у алексеевской женщины на скульптурном портрете, выполненном М. М. Герасимовым (рис. 3). Сплетённый наушник был пришит к низу шапочки. На самом его конце нитки были связаны узлом. На наш взгляд, здесь может быть рассмотрено два варианта. Первый: в самом низу наушник распускался и во избежание этого нити были связаны. Второй вариант: для изготовления наушника плетённую тесьму отрезали определённой длины и пришивали к шапочке. Торчащие нитки из тесьмы завязывали узлом, чтобы тесьма дальше не распускалась. Благодаря связанному узлу, он имеет листовидную форму. И ещё один важный момент. Скорее всего, судя по фотографии остатков шапочки из Андроново [Сосновский, 1934, с. 93, фото], прежде чем плетённую тесьму укладывали спиралью для сшивания, её края обрамляли шнурком,

очевидно, для большей крепости, и, следовательно, для долгого ношения. Возможно, шнурок служил и для декорирования. Он представлял собой перекручивание двух нитей и был пришит такой же нитью [Сосновский, 1934, с. 94]. Видимо, этим же способом была изготовлена шапочка из Орака. Возможно, её тесьма (полоска) была тоже сплетена, затем обрамлена шнурком из таких же соображений, и после этого её укладывали спиралью в конус и сшивали по краям. На это нам указывает наличие шнурков с внешней и внутренней стороны полоски, найденной в погребении. Если предположить, что вся шапочка была связана крючком, тогда только низ её мог быть обрамлён шнурком, а значит, в таком случае он находился бы с одной стороны полоски, чего мы явно не наблюдаем. Г. П. Сосновский чётко пишет в статье о шнурке с внешней и внутренней стороны полоски [Сосновский, 1934, с. 94]. Следовательно, эта шапочка изготовлена из плетёной полоски, уложенной в спираль.

Следует отметить, что в андроновских погребениях от Урала до Енисея никаких следов инструментов для вязания (например, крючков) не зафиксировано. Либо они были изготовлены из органического материала, который не сохранился до наших дней, либо попросту андроновское население не было знакомо с вязанием. Логично предположить, что андроновские племена, хорошо владеющие мастерством обработки металла, скорее всего, инструменты для вязания изготовили бы из него, а не из органики. В пользу этого говорят бронзовые шила и иголки, обнаруженные в андроновских погребениях.

Нам представляется, что для суровых сибирских морозов такой головной убор, как шапочка из плетёной тесьмы, не совсем приемлем. Он не был достаточно тёплым, а его наушники не закрывали полностью ухо. Поэтому мы склонны считать, что такие шапочки носили в осенне-весенний период. Возможно, в андроновскую эпоху климат на Среднем Енисее был значительно теплее, чем сегодня, хотя в этом можно усомниться. Э. Б. Вадецкая утверждает, что в зимний период хоронили редко. Дело в том, что на территории минусинских

степей встречаются так называемые зимние погребения. К ним относятся цисты. Они сложены почти на поверхности земли [Вадецкая, 1986, с. 43]. Г. А. Максименков их насчитывает 13 [Максименков, 1978, с. 57]. Все это говорит о том, что зимой в Хакасско-Минусинской котловине почва глубоко промерзала, отчего и встречаются зимние погребения. Отсюда следует, что зимы были холодными. И наше предположение о шерстяных шапочках, которые носило андроновское население осенью и весной либо в период оттепели, является здравым. Стоит уточнить, что погребения, где они были обнаружены, к зимним не относятся [см. Комарова, 1961, с. 43–44; Максименков, 1978, с. 14]. Возможно, в более холодный период согревались меховыми изделиями.

Помимо шерстяных тканей, зафиксирован случай находки кусочка кожи. В данном случае мы обратились к опыту Е. В. Куприяновой. Её работы посвящены реконструкции женского костюма синташтинской, петровской и алакульской эпох Южного Зауралья и Казахстана [Куприянова, 2008]. В ходе своих исследований она пришла к выводу, что головным убором могла быть не только шапочка. Погребальный костюм традиционно соотносился с праздничными и свадебными нарядами. По традиции праздники и свадьбы проводились в тёплое время года, значит, используется летний головной убор [Куприянова, 2008, с. 50]. Мы склоняемся к утверждению исследователя о том, что у молодых и взрослых женщин андроновской эпохи парадным головным убором мог быть венчик. Он представлял собой неширокую полосу из кожи. Кожа в отличие от других материалов более эластична и плотно прилегает к голове [Куприянова, 2008, с. 51]. Кусочек кожи найден под черепом женщины во время раскопок памятника Орак мог. 35. Как нам представляется, она была захоронена в кожаном головном уборе. И, скорее всего, это была шапочка. На такое умозаключение нас подтолкнули другие находки из этого погребения: кусочки плетёной шерстяной ткани на челюсти, у плеча и около пяточных костей. Если предположить, что этими

кусочками являлись остатки одежды и обуви (а, возможно, чулок или гольфов), значит, речь идёт о прохладном времени года. Следовательно, в данном случае головным убором никак не мог быть венчик. Им могла быть кожаная шапочка.

Теперь, когда мы выяснили наличие у андроновского населения головных уборов, на наш взгляд, следует остановиться на их декоре. Необходимо уточнить, что все перечисленные ниже кольца, скорее всего, крепились/нашивались на венчик. Дело в том, что рядом с черепами, на которых обнаружены остатки шерстяной ткани, кольца не зафиксированы. Возможно, сама шапочка являлась своеобразной частью костюма, его «верхушкой» и декора не требовала. Однако есть одно исключение. В парном погребении женщина и мужчина (Пристань I огр. 7 мог. 4) явно захоронены в шерстяных шапочках. Обнаруженное у женщины одно кольцо с разрубом, видимо, служило украшением головного убора. Напрашивается небольшой вывод: если у погребённых женщин фиксируются шерстяные или кожаные шапочки, то на/возле черепа отсутствуют украшения. На сегодня исключение составляет одно погребение (Пристань I огр. 7 мог. 4).

Наше исследование даёт нам возможность предположить, что самым распространённым украшением головного убора у женщин и детей были височные провололочные кольца. Их пришивали или крепили в области висков. Нам неизвестно, как изначально выглядели провололочные кольца, имели ли они сходящиеся или несходящиеся концы, во сколько оборотов были закручены. Большинство найденных экземпляров дошли до нас обломанными. Достаточно полно сохранилось золотое провололочное кольцо из могильника Сухое Озеро I. Оно представляет собой изделие в 1,5 оборота из проволоки круглого сечения (рис. 1: 2). Мы считаем, что, скорее всего, кольца продевали в кожаный венчик и прокручивали их в один оборот. Видимо, венчик был нешироким, и носили его над верхней частью ушей, а в области висков крепились провололочные кольца. Возможен другой вариант. Кольца на шерстяной тесёмке (нити) или кожаном

ремешке подвешивали к венчику. Как и Е. В. Куприянова, мы склонны думать, что шапочки обязательно носили маленькие дети, чтоб не подвергаться простудам [Куприянова, 2008, с. 50]. В большинстве случаев проволоочные кольца найдены у детей, в одном случае у ребёнка, не достигшего одного года. С. Н. Шилов и А. А. Богатенкова реконструировали детский и женский костюмы эпохи средней бронзы по материалам Алакульского могильника. На их реконструкции детский костюм включал в себя шапочку, в области висков к которой крепились кольца [Шилов, Богатенкова, 2003, с. 261, рис. 1].

Височные трубчатые кольца мы тоже отнесли к декору головных уборов. Как и проволоочные, они крепились к венчику. Скорее всего, минусинские экземпляры так же, как петровские и алакульские, были приострены, или в некоторых случаях заходили друг за друга, или, возможно, заходили друг в друга при наличии на одном конце небольшого трубчатого расширения. Точно сказать об этом сложно, так как чаще всего минусинские трубчатые кольца найдены с обломанными или несходящимися концами. Видимо, как и проволоочные экземпляры, их крепили или нашивали на венчик в области висков либо подвешивали на шерстяной нити или кожаном ремешке к венчику. Они могли висеть у висков, скул, ушей или нижней челюсти. Ведь именно здесь их находят у погребённых. Интересная находка происходит из памятника Орак мог. 32. С обеих сторон черепа женщины найдены трубчатые кольца. На одном из них лежала узенькая тесёмка, завязанная в узел [Сосновский, 1934, с. 93]. Мы предполагаем, что тесёмка проходила сквозь кольцо и была завязана в узел для его фиксации, затем прикреплена или нашита на головной убор – венчик. Стоит обратить внимание на следующий момент. Все трубчатые височные кольца на Енисее найдены исключительно в женских погребениях. У одной из них возраст достигал 20–25 лет (Орак мог. 32). Из чего мы можем предположить, что кольца носили женщины, очевидно замужние, периода фертильности.

Е. В. Куприянова реконструирует головной убор женщин

эпохи средней бронзы Южного Зауралья и Казахстана как венчик с нашитыми на виски подвесками и трубчатыми кольцами [Куприянова, 2008, с. 56]. И. В. Шевнина провела реконструкцию женского алакульского костюма по материалам могильника Джангильды V. Она пришла к выводу: одним из способов ношения височных колец является подвешивание их на конец шнура. Она предполагает, что шнур мог крепиться к шапочке или вплетался в косу [Шевнина, 2002, с. 116].

Другие кольца, декорировавшие головной убор, – кольца с раструбом (рис. 1: 1, 3–4). Так как один конец их острый, а другой имел расширение в виде раструба, то после продевания кольца в кожаную полоску острый конец заходил в раструб. Кольцо, таким образом, застегивалось и не позволяло владельцу его потерять. Предположительно, кольца с раструбом носили на головном уборе в области висков, скул, нижней челюсти и ушного отверстия.

Г. А. Максименков в своей монографии отмечал неравномерное количество колец в погребениях. По его мнению, у взрослых женщин в одиночном и парном (мужчина и женщина) захоронениях фиксируются два кольца. У девочек-подростков и молодых женщин встречается одно кольцо [Максименков, 1978, с. 72]. Нельзя с уверенностью утверждать, что наличие одного кольца в погребении можно рассматривать как результат ограбления или работы грызунов. Скорее всего, здесь мы имеем дело с асимметрией, присущей древнему человеку. Этот феномен был замечен О. А. Поздняковой при реконструкции головных украшений из андроновского могильника Фирсово XIV: количество украшений необязательно могло быть одинаковым и парным с обеих сторон [Позднякова, 2002, с. 110]. Е. В. Куприянова при изучении женского костюма тоже выявила асимметрию. По её мнению, в андроновских сложных наборах украшений, состоящих из мелких изделий, симметрия отсутствует. Асимметричное расположение украшений в костюме можно считать нормой [Куприянова, 2008, с. 124–125]. В могильнике Орак в пяти погребениях прослеживается асимметричное

расположение украшений. В одном из женских погребений (мог. 1) височное кольцо и низка бус располагались с правой стороны [Комарова, 1961, с. 34–44]. В связи с этим можно сделать вывод, что асимметрия была присуща андроновскому населению на всей территории распространения этой культуры. Возможно, в андроновских захоронениях на Енисее таких случаев гораздо больше, но проследить их очень сложно из-за почти полной разрушенности могил.

В одном случае украшением, декорировавшим головной убор, была четырёхугольная бляшка. Она имеет два отверстия по краям, вероятно, служившие для пришивания. Зафиксирована бляшка около лба погребённой женщины. Мы смеем предположить, что она была нашита на головной убор посередине лба.

Конечно, говоря о головном уборе, нельзя не упомянуть о его значимой роли в патриархальных обществах. В этнографии известен его знаковый статус в костюме. Он являлся оберегом и указывал на положение, занимаемое его носителем в обществе [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 71]. Функции головного убора – социальная и магическая. Женские головные уборы указывают на социально-половое положение владелицы [Гаген-Торн, 1933, с. 78]. Н. И. Гаген-Торн, описывая головные уборы женщин Поволжья XIX–начала XX вв., отмечает их отличие у незамужних девушек и замужних женщин. Так, головные уборы девушек, которыми были венец-повязка, маленькая полусферическая шапочка и проч., надевались всегда на волосы. Их не стремились спрятать. Волосы всегда оставались снаружи. Замужняя женщина, наоборот, волосы укрывала, прятала [Гаген-Торн, 1960, с. 151–205]. Очевидно, андроновское население тоже придавало большое значение головному убору. Если его остатки (кусочки кожи, шерстяные ткани) не встречаются в погребениях, это, видимо, не означает его отсутствие у умершего. Скорее всего, такой факт можно объяснить плохой сохранностью органики в почве. Украшения, обнаруженные в погребениях возле черепа/на черепе, видимо, свидетельствуют о сопровождении го-

ловного убора в «мир мёртвых». Головной убор воспринимается гипотетично как деталь одежды, которая могла носиться при жизни, а не быть предназначенной только для сопровождения умершей женщины «в иной мир» [Усманова, 2010, с. 62].

Таким образом, все категории украшений, входившие в андроновский (фёдоровский) головной убор на Среднем Енисее, описаны. Восстановлен его облик (насколько это возможно). В результате, можно отметить наличие у андроновского населения головного убора в виде кожаного венчика, шерстяной и кожаной шапочки. У женщин и детей уборы декорировались бронзовыми изделиями. Одну категорию украшений мы отнесли к самостоятельным. Это головные украшения: причёски. Но, несмотря на проделанную нами работу, неоспоримым остаётся факт малочисленности украшений в составе головного убора. Конечно, первая причина заключается в ограблении могил. Вторая, очевидно, связана с фёдоровскими костюмными традициями, «организацией» стиля костюма, частью которого является головной убор. Опыт реконструкции алакульских и фёдоровских головных уборов, в том числе накольников, челюстно-лицевых подвесок позволил Э. Р. Усмановой утверждать, что фёдоровский убор заметно отличается от алакульского своим убранством и малым количеством деталей [Усманова, 2010, с. 51].

Проанализированный нами материал позволяет согласиться с исследователем. Фёдоровский среднеенисейский головной убор не столь «богат» на украшения, как алакульский Южного Зауралья и Казахстана. Но это не означает, что фёдоровское население не любило ярко выглядеть, «модно» одеваться. В Южной Сибири население средней бронзы не было знакомо с накольниками (в том числе наблюдается отсутствие косоплёток) и челюстно-лицевыми подвесками. Тем не менее, «фёдоровцы» предложили свои ювелирные традиции, свой путь развития моды, своё новшество в ювелирном деле и мастерстве. Они акцентировали внимание в головном уборе на височных кольцах: проволочных, трубчатых и с раструбом. Зафиксированы случаи нахождения двух разных колец в одном погребении. Так,

в могильнике Сухое Озеро I обнаружено кольцо с раструбом, обложенное золотой фольгой, и золотое проволочное кольцо (рис. 1: 2–3). В погребальных памятниках Боровое и Кытманово в одной могиле присутствует трубчатое кольцо и кольцо с раструбом [Усманова, 2010, с. 145]. Такого многообразия колец нет в западном ареале андроновской культуры. Напрашивается вывод. Андроновское (фёдоровское) население Южной Сибири не было знакомо с косоплёткой и накосником. Имея в наличии кольца (проволочные, височные, с раструбом), они попытались максимально ими декорировать головные уборы, а гребнем – причёску.

Список литературы:

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1991. 200 с.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград: Наука, 1986. 179 с.

Вадецкая Э. Б., Субботин А. В., Красниенко С. В. Ашпыл – некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб., 2018. 296 с.

Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. М., 1933. № 5–6. С. 76–88.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. 229 с.

Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург, 1994. 67 с.

Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина [и др.]. Андроновская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 29

Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII – XVII веков (реконструкция этносоциальной истории): автореф. дис. ...д-ра истор. наук. М., 2008.

Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск: Челяб. ун-т, 1990. С. 66–80.

Киселёв С. В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // Советская этнография. М., 1935. № 4–5. С. 206–210.

Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 3. С. 32–72.

Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 57–172.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. Москва: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 462 с.

Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Могильник андроновской культуры Устье Бири IV // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 66–78.

Леонтьев С. Н. Могильники андроновской эпохи Устье Бири IV и Потрошилово II // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тезисы докладов к XXXVI РАСК. Иркутск, 1996. С. 33–35.

Макаров Н. П., Вадецкая Э. Б. и Максименков Г. А. Научное наследие исследователей и археологические коллекции Красноярского музея // Археологические вести. СПб., 2022. № 34. С. 332–339.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 191 с.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. Ч. II. 468 с.

Минор О. В. Украшения эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины (по материалам погребений). LAPLAMBERT Academic Publishing, 2017. 276 с.

Минор О. В. К вопросу об андроновской культуре в Южной Сибири // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2020. № 4 (34). С. 10–14.

Позднякова О. А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово-XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 103–112.

Поляков А. В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской

(Фёдоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2019. № 20. С. 163–173.

Рахимов С. Памятник андроновской культуры – Каменка II // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: Наука, 1965. С. 61–70.

Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 92–96.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы этнографии. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 41–62.

Тугаринов А. Я. Андроновские могилы // Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. I (V). С. 153–158.

Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2007. 132 с.

Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск, 2005. 232 с.

Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкции. Лисаковск-Караганда, 2010. 176 с.

Шевнина И. В. Опыт реконструкции женского погребального костюма по материалам эпохи бронзы Джангильды V // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 113–118.

Шилов С. Н., Богатенкова А. А. О реконструкции детского и женского костюма эпохи средней бронзы (по материалам алакульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 260–262.

Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Петрова Н. Ю., Кузнецова О. В. Шерстяные ткани бронзового века Южной Сибири // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 257–258.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Минор Олеся Вячеславовна,

кандидат исторических наук

инженер-исследователь Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: lesya-minor@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Minor Olesya Vyacheslavovna,

Candidate of Historical Sciences,

Research engineer of humanitarian research laboratory of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

E-mail: lesya-minor@yandex.ru

УДК 902/904

А. Л. Заика, Д. А. Гурулев, Ю. А. Гревцов

**ПЕТРОГЛИФ «НИЖНИЙ БРАТ» НА РЕКЕ БИРЮСЕ
(РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021 ГОДА)**

Аннотация. В статье дана характеристика петроглифов «Нижний Брат» на р. Бирюсе (бассейн р. Ангары), рассмотрены вопросы датировки наскальных изображений на основе результатов исследований 2021 года. Основной сюжет петроглифов – лоси, выполненные в ангарской и минусинской изобразительных традициях в эпоху неолита — ранней бронзы.

Ключевые слова: Ангара, наскальное искусство, петроглифы, минусинский и ангарский стили, неолит, ранний бронзовый век.

A. L. Zaika, D. A. Gurulev, Yu. A. Grevtsov

**PETROGLYPH «NIZHNIY BRAT» ON THE BIRYUSA RIVER
(2021 RESEARCH RESULTS)**

Annotation. The article gives a description of the petroglyphs «Nizhniy Brat» on the Biryusa river (the basin of the Angara river). The issues of dating rock carvings based on the results of research in 2021 are considered. The main plot of the petroglyphs is moose, made in the Angara and Minusinsk pictorial traditions in the Neolithic — Early Bronze Age.

Keywords: Angara, rock art, petroglyphs, Minusinsk and Angara styles, Neolithic, Early Bronze Age.

Введение

Объект археологического наследия «Петроглиф Нижний Брат» расположен в Тасеевском районе Красноярского края на левом берегу р. Бирюсы (левый конfluence р. Тасеевой — левого

притока р. Ангары), в 10 км к северо-востоку от п. Усть-Кайтым (рис. 1, № 2), напротив нижней границы порога «Нижний Брат» (70 км от устья). Окружающая местность представляет собой таёжную зону Приангарского плато.

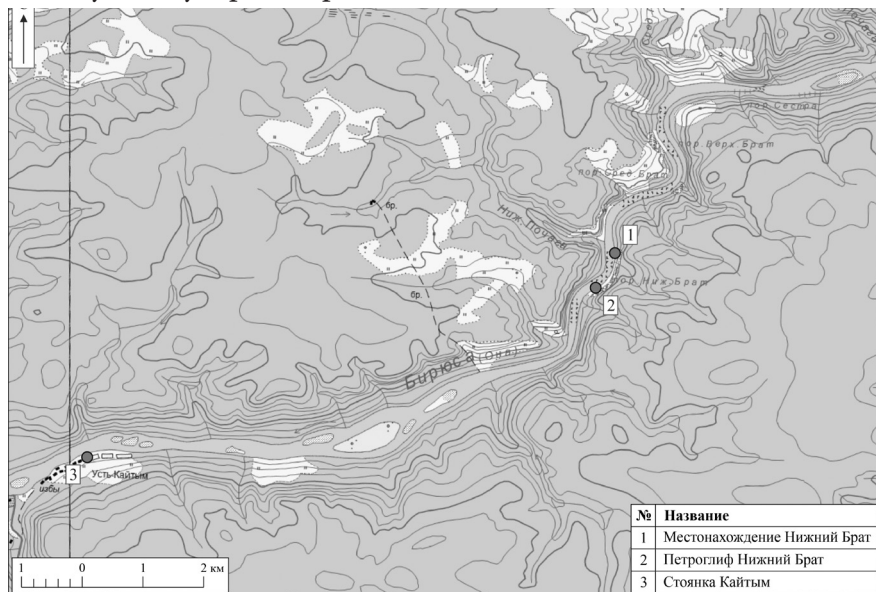

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников на р. Бирюсе.

Памятник был открыт отрядом Комплексной Археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института (КГПИ, совр. КГПУ им. В. П. Астафьева) под руководством В. Г. Буторина в 1988 г. [Буторин и др., 1988]. В. Г. Буториным был составлен паспорт объекта под наименованием «п. Усть-Кайтым. Петроглиф Нижний Брат». Размеры памятника составляли: по линии запад-восток 15 м, по линии север-юг 15 м [Паспорт..., 1988]. Законом Красноярского края «Об объявлении вновь выявленных археологических объектов охраняемыми памятниками истории и культуры» от 24.06.1997 № 14-526 объект был объявлен охраняемым памятником истории и культуры под наименованием «Петроглиф Нижний Брат».

В 1988 году на скальных выходах предпорожной части (550 м выше по течению) на высоте 2–3 м от уровня воды были обнару-

жены отщепы (30 ед.) и «обработанные желваки кремня» [Буторин и др., 1988, с. 103]. При выходе из порога на левом берегу на базальтовых плитах были выявлены две композиции с изображениями лосей. Первая композиция расположена на горизонтальной плите, на высоте 1,5 м от уровня воды. Она представляет собой одиночное изображение лося, выполненное отчётливо двойным желобком. Туловище имеет подпрямоугольную форму с горбом под лопатками. Голова зверя с рогами, опущена вниз. Внутри фигуры изображена так называемая «линия жизни» с овальным расширением на конце — сердцем. Вторая композиция расположена на вертикальной плите в 3 м западнее композиции № 1 и представляет собой четыре парциальные головки лосей, у каждого из которых отчётливо изображены губы (рис. 2). Изображения расположены вертикально друг над другом. Местонахождение было датировано эпохой неолита [Буторин, 1988, л. 6, 17, 33, 34, рис. 1, 2.].

Рис. 2. Петроглиф «Нижний Брат». Фото 1988 года.

Осенью 2000 года отрядом по паспортизации памятников археологии КГПУ им. В. П. Астафьева под руководством А. Л. Заики во время повторного обследования местонахождения было выявлено ещё семь вертикальных плоскостей с изображениями, что значительно расширило границы памятника [Заика и др., 2000]. Неблагоприятные погодные условия не позволили произвести полноценную фотосъёмку и копировку наскальных изображений (рис. 3). Вместе с тем, полученные материалы позволили сделать вывод, что данные петроглифы относятся к одним из наиболее древних наскальных рисунков в Нижнем Приангарье [Заика, Ключников, 2001].

Рис. 3. Петроглиф «Нижний Брат». Фото 2000 г.

В сентябре 2021 г. по заданию Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края совместным отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева, ООО «Красноярская археология новостроек» и НПО «Археологическое проектирование и изыскания» были проведены работы по инвентаризации памятника: получены уточнённые сведения о месте расположения объекта, его датировке, современном состоянии и степени его сохранности, характеристике территории, а также границах и предмете охраны объекта. В результате работ было зафиксировано 11 плоскостей с петроглифами, проведена их фотофиксация и копировка на прозрачные материалы. Также, с использованием

современных цифровых технологий, плоскости с наскальными рисунками фиксировались бесконтактным способом.

Характеристика петроглифов

Протяжённость обследованного участка составила: по линии ЮЗ–СВ 350 м, по линии СЗ–ЮВ 50 м. Рисунки сконцентрированы на трёх участках скальных выходов, обособленных территориально (рис. 4). На поверхности ступенчатых скальных

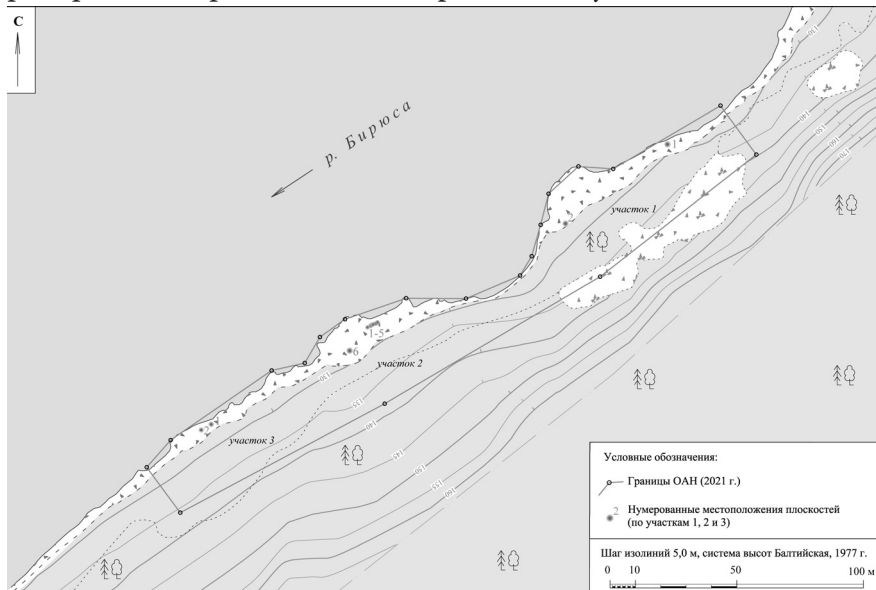

Рис. 4. Петроглиф «Нижний Брат». Топографический план. 2021 г.

выходов базальта, обращённых к реке, выявлены изображения животных, личины, знаков и чашевидные углубления (рис. 5). Плоскости с петроглифами обращены на север, северо-запад и северо-восток. Выполнены рисунки в технике выбивки и выбивки с последующей шлифовкой.

Участок 1 находится на северной (верхней по течению) оконечности памятника и имеет протяжённость с ЮЗ на СВ 60 м. Изображения выявлены на двух плоскостях, расположенных на расстоянии 51 м друг от друга, в 1,5 и 6,5 м от берега на высоте 2,3–2,7 м от сентябрьского уреза воды, они обращены на север и северо-запад.

Рис. 5. Петроглиф «Нижний Брат». Фото общего вида. 2021 г.

Плоскость 1 (0,55х0,55 м) расположена на торце каменного блока высотой около 2 м, в центральной его части, на высоте 0,9 м от подножия. Она сравнительно ровная, вертикальная, под небольшим отрицательным углом (-5°) обращена на север (аз. 90°). Выявлена горизонтальная дуга шириной 2–3 см, выполненная в технике выбивки с последующей шлифовкой (рис. 6: 2).

Плоскость 2 (0,5х0,5 м) находится на отдельном каменном блоке высотой 1,2 м, в нижней его части, на высоте 0,15 м от подножия. Поверхность плоскости неровная, бугристая, испещрена мелкими сколами и вертикальными трещинами. Она вертикальная, обращена на СЗ (аз. 50°). Выявлен контур череповидной личины, выполненной в технике выбивки, нижняя часть контура («подбородок») дополнительно шлифована (рис. 6: 1).

Участок 2 протяжённостью с ЮЗ на СВ 20 м расположен в 80 м ниже по течению, где сконцентрирован основной комплекс петроглифов на семи плоскостях. Плоскости 1–5 смежные, разделены между собой трещинами, находятся в 2,3–4,5 м к ЮВ от берега на высоте 2,5 м от уреза воды. Все они распо-

ложены на одном скальном фризе с горизонтально покато́й вершиной (-10°) длиной 5 м и высотой 1,2 м. В подножии фриза находится каменный приступок шириной 1,8–3 м и высотой 1,3 м, отвесно обрывающийся к воде.

Плоскость 1 высотой 0,3 м и шириной 0,7 м крайняя левая, расположена в левой верхней части вертикальной грани камня на высоте 0,65 м от подножия. Она сравнительно ровная, с неглубокими горизонтальными трещинами, под небольшим отрицательным углом наклона (-5°) обращена на ССЗ (аз. 265°). Выявлено парциальное изображение контура головной части копытного животного, ориентированного в правую сторону (вниз по течению реки). Показана передняя часть спины, вертикальное ухо, приотстрённая мордочка животного (рис. 7, 2). Над ним находятся два чашевидных углубления диаметром 2 см и 3 см, глубиной 0,4 см. Изображения выполнены в технике выбивки с незначительной подшлифовкой. Наиболее тщательно прошлифована передняя часть мордочки животного.

Плоскость 2 высотой 1 м и шириной 1,5 м расположена в 0,7 м правее плоскости 1, разделена с нею широкой трещиной. Она сравнительно ровная, вертикальная, на высоте 0,4 м от подножия обращена на СЗ (аз. 65°), в центре её находится вылом

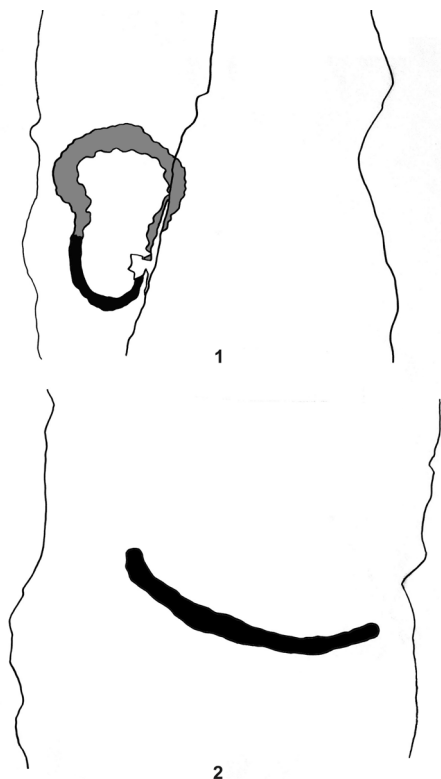

Рис. 6. Участок 1. Копии рисунков. 1 – плоскость 2, 2 – плоскость 1.

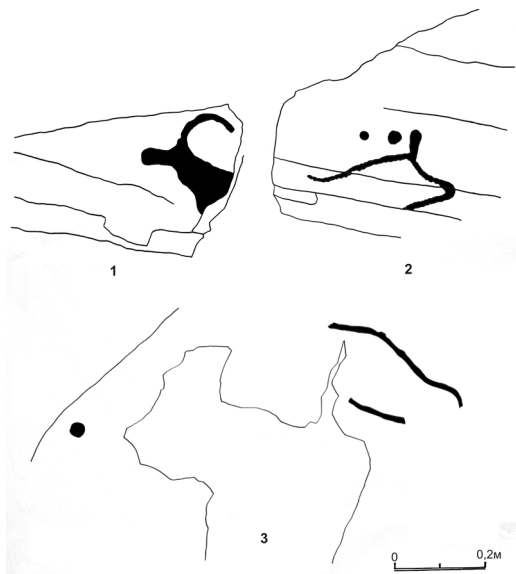

Рис. 7. Участок 2. Копии петроглифов. 1 – плоскость 2/3, 2 – плоскость 1, 3 – плоскость 2.

глубокой средней частоты выбивки (рис. 7, 3).

Плоскость 2/3 высотой 0,25 м и шириной 0,5 м расположена на треугольном блоке камня с неровной поверхностью, над правым краем грани камня с плоскостью 2, разделена с нею горизонтальной трещиной. На высоте 0,8 м от подножия она под небольшим отрицательным углом наклона (-5°) обращена на СЗ (аз. 245°). В правой части плоскости выявлено изображение передней части копытного животного – козла (рис. 7: 1). Показана широкая, зауживающаяся к голове шея с подшейным плавным выступом. Голова с высоким лбом и вытянутой вперед узкой немного расширяющейся мордочкой. Увенчана голова крутой дугообразной линией рога. Рисунок выполнен в технике глубокой частой выбивки.

Плоскость 3 высотой 0,45 м и шириной 0,9 м находится в 0,3 м правее плоскости 2/3 за трещиной и участком вылома скальных пород на наклонном блоке камня, ограниченном трещинами.

скальных пород. Слева от вылома, на краю плоскости находится чашевидное углубление диаметром 3 см и глубиной 1,2 см, выполненное в технике выбивки с подшлифовкой. Правее вылома и немного над ним выявлен незаконченный контур туловища животного, обращённого в левую сторону (вверх по течению). Зафиксирована линия спины с выделенным выступом горба и короткая горизонтальная линия живота, выполненные в технике не-

На высоте 0,6 м от подножия она под небольшим отрицательным углом наклона (-8°) обращена на СЗ (аз. 245°). Поверхность плоскости сравнительно ровная, верхняя часть её частично отслоилась на глубину 1 см. В левой части плоскости выявлены линейные фрагменты контура фигуры копытного животного, обращённой в левую сторону. Вертикальной линией показана задняя часть туловища, горизонтальной – передняя часть спины. Дугой оформлена передняя часть живота и поднятая вверх шея. Выявлена также развилка приострѐнных на концах прямых передних ног. Головная часть представлена в виде двух, обращѐнных концами вверх, параллельных дуг (рис. 8: 1). В правой нижней части плоскости зафиксирована передняя часть контура другого копытного животного, ориентированного в правую сторону. Выявлена линия спины с выделенным выступом горба, показана узкая шея. Реалистичный силуэт головы с пятном естественной поверхности камня увенчан парой вертикальных ушей. Снизу к голове примыкает вертикальная линия (подшейная «серьга», линия другой фигуры?). Изображения выполнены в технике выбивки с последующей подшлифовкой.

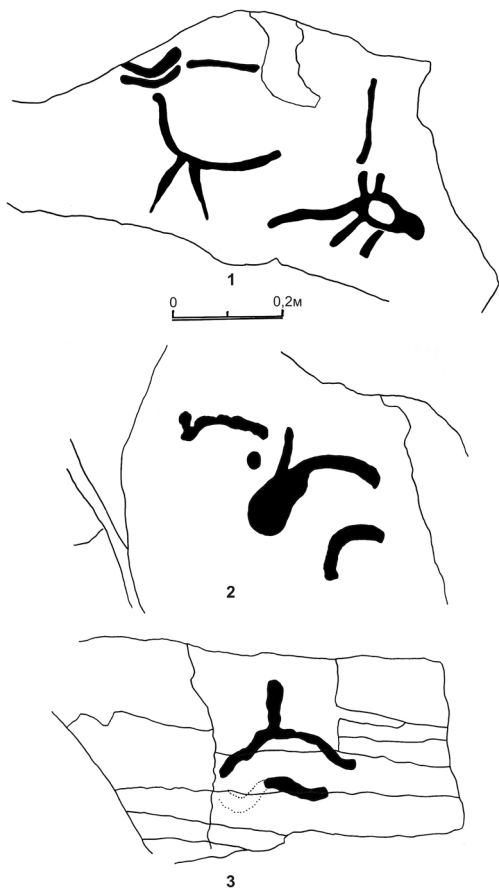

Рис. 8. Участок 2. Копии петроглифов.
1 – плоскость 3, 2 – плоскость 4, 3 – плоскость 5.

Плоскость 4 высотой 0,7 м и шириной 0,5 м расположена в 0,15 м правее плоскости 3 за трещиной и участком вылома скальных пород на соседнем каменном блоке, правая часть которого отслоилась на глубину 0,1–0,2 м. Плоскость находится на сохранившемся левом участке камня, на высоте 0,4 м от подножия, под небольшим отрицательным углом наклона (-7°) обращена на СЗ (аз. 245°). Поверхность плоскости сравнительно ровная, немного бугристая. В центре плоскости выбивкой с последующей тщательной шлифовкой выполнен силуэт параболоидной головы животного, опущенной вниз (рис. 8: 2). Обращена она в левую сторону (вверх по течению). Показаны также вертикальное ухо и дуга контура передней части спины животного. Ниже, параллельно абрису головы и спины животного в той же технике нанесена дугообразная линия (фрагмент живота и передней конечности?). Перед головой зафиксировано чашевидное углубление диаметром 2,5 см и глубиной 0,4 см. В левой части плоскости выбивкой нанесена горизонтальная линия с крючком на левом конце.

Плоскость 5 высотой 0,45 м и шириной 0,7 м находится в 0,4 м правее каменного блока и плоскости 4 за участком вылома скальных пород в верхней части соседнего блока камня, ограничена краями камня, снизу — горизонтальной трещиной. Вертикальная, на высоте 0,75 м от подножия обращена на СЗ (аз. 250°). Поверхность плоскости сравнительно ровная, немного бугристая, повреждена выломами, продольными и поперечными трещинами. В центре плоскости выбивкой с последующей тщательной шлифовкой нанесены: дугообразная линия с вертикальным линейным выступом посередине. Под ней — горизонтальная линия (голова животного?) (рис. 8: 3).

Плоскость 6 высотой 0,35 м и шириной 1,5 м расположена в 9 м к ЮЗ от плоскости 5 на отдельном каменном блоке (2,3х2,0х1,2 м) в глубине берега, на расстоянии 14 м от его кромки, на высоте 3 м от уреза воды. Она является нижней частью торцевой грани камня, на высоте 0,3 м от подножия под небольшим отрицательным углом наклона (-10°) обращена на СЗ (аз. 240°).

Поверхность плоскости сравнительно ровная, мелкобугристая, частично повреждена отслоениями скальной корочки, в верхней части — продольными трещинами. В центре плоскости выявлен незаконченный контур копытного животного (лось?) (рис. 9: 1). У него показаны линии спины, шеи, задней части туловища, вытянутая вперед голова параболической формы с высоким лбом, который оконтуривает округлый выступ глаза. Ухо немного прижато к шее, выделены спинной горб и плавный выступ подшейной «серьги». Нижняя часть туловища и конечности не обозначены. Правее расположен незаконченный параболический

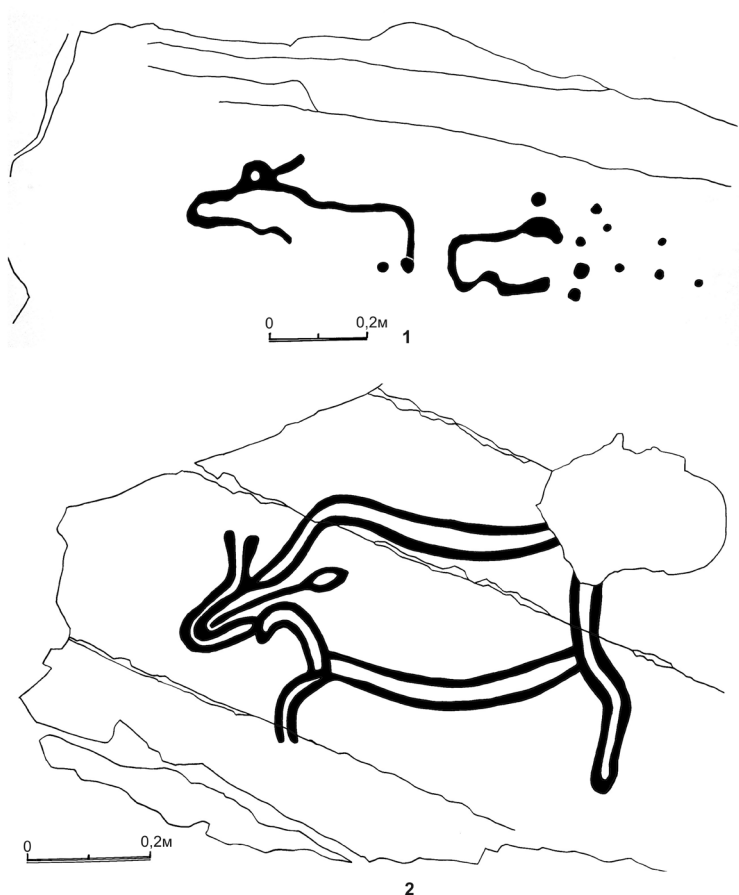

Рис. 9. Копии рисунков. 1 – плоскость 6 (участок 2), 2 – плоскость 2 (участок 3).

контур головы другого животного (лось?). У него реалистично подчеркнут лобовой выступ и крутым прогибом выделена граница между скулой и нижней губой животного. Вокруг него зафиксировано 10 чашевидных углублений, и ещё два находятся в задней части левого животного. Диаметр их варьируется от 1 см до 3 см, глубина — от 0,3 см до 1,2 см. Выполнены петроглифы в технике выбивки с последующей шлифовкой.

Участок 3 протяжённостью с ЮЗ на СВ 10 м расположен в 60 м ниже по течению от участка 2 и включает две плоскости с петроглифами, находящиеся на расстоянии 3,5 м друг от друга.

Плоскость 1 вертикальная, высотой 1 м и шириной 1,2 м обращена на ЗСЗ (аз. 215–220°), находится на северо-восточной оконечности участка, в 1,8 м от берега, в верхней части каменного блока высотой 1,4 м и шириной 1,2 м, на высоте 0,4 м от подножия и 2,4 м от уреза воды. Поверхность плоскости сравнительно ровная, немного бугристая, повреждена мелкими кавернами, по центру рассечена продольной трещиной. По левую сторону трещины контурно изображены копытные животные, по правую сторону зафиксированы чашевидные углубления (рис. 10).

Животные расположены друг над другом. У верхнего животного, обращённого в левую сторону, узкая параболоидная голова с ямкой глаза увенчана развилкой прямых ушей, плавно переходит в покатую линию спины, которая соприкасается с головой нижнего животного. Нижний образ обращён в противоположную сторону. У него приострённая голова подтреугольной формы с развилкой более мелких ушей, короткая широкая шея, прямая спина с выступом горба. Шея внизу крутым выступом груди отделена от горизонтальной линии живота, к которой снизу примыкают вынесенные вперёд две линии ног. Задняя часть туловища вместе с конечностями не прослеживаются. Линию живота пересекает развилка ушей третьего животного, которое реалистично передаёт образ лося, ориентированного в другую, левую, сторону. У него силуэтно показана голова, длинная полость рта, которая ограничена вытянутой петлёй контура верхней и отвисшей линией нижней челюстей. Выделены кру-

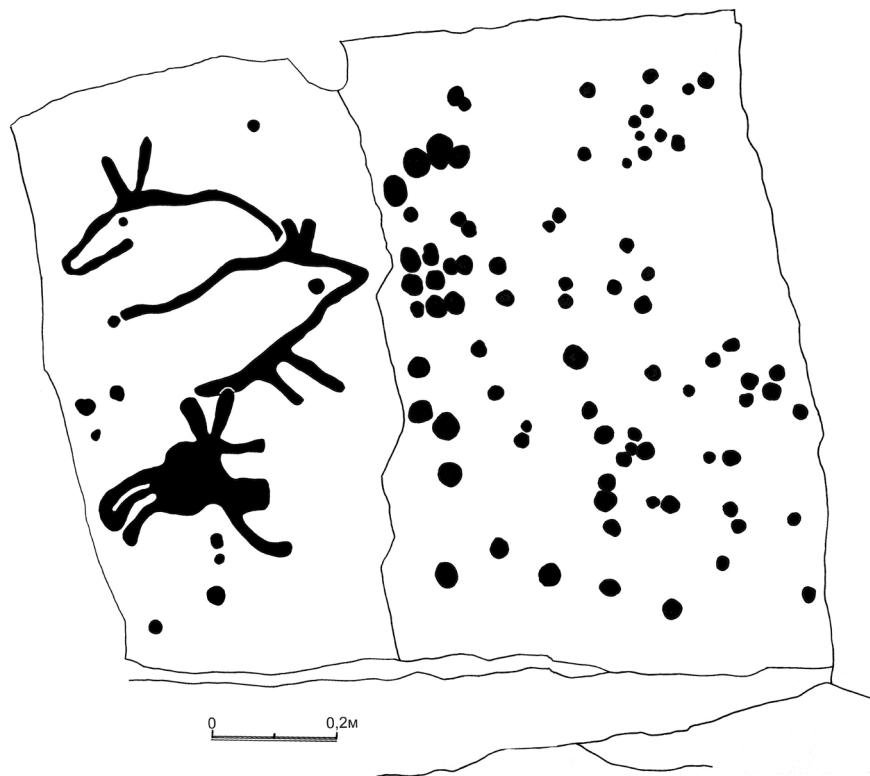

Рис. 10. Участок 3. Плоскость 1.

той взъём лба и округлый выступ скулы. Короткой горизонтальной линией сверху и наклонной вниз обозначена широкая шея, по центру которой к силуэту головы примыкает короткая широкая линия. Животные выполнены в технике выбивки с последующей шлифовкой.

Вокруг животных зафиксировано 10 лунок. Ещё 82 чашевидных углубления хаотично расположено по правую сторону трещины. Часть их природного происхождения — каверны, часть — с последующей доработкой, часть выполнены в той же технике, что и животные. Диаметр лунок 6,1х3,5 – 1,3х1,0 см, глубина 0,6–2,4 см.

Плоскость 2 длиной 1,5 м и шириной 1 м расположена к ЗЮЗ

от плоскости 1 на уровне её подножия, в 2,6 м от берега и является горизонтальной, слегка наклонной (-10°) верхней гранью камня. На высоте 1,7 м от уреза воды, она обращена вверх по течению на северо-восток. На поверхности камня выявлена фигура копытного животного (лосиха?), выполненная в технике выбивки с последующей шлифовкой. Обращено животное головой на запад, вниз по течению реки, ногами — к берегу. Контур фигуры выполнен двойным желобком. У животного показано массивное туловище подчетырёхугольной формы, хорошо шлифован характерный горб и отвисший живот (рис. 9: 2). Голова на короткой шее вытянута вперёд, немного опущена вниз. Показана развилка коротких ушей и двойным желобком — подшейная кисть. Внутри контура фигуры прямой линией обозначена аорта («линия жизни»), оканчивающаяся приострѐнным овалом — «сердцем».

Вследствие эрозийных процессов петроглифы разрушаются: плоскости растрескиваются и осыпаются. Многие композиции сохранились фрагментарно. Практически все рисунки пострадали во время паводков и ледохода. Общее состояние памятника оценивается как аварийное.

Заключение

Основной сюжет петроглифов — лоси. Причём основной акцент сделан на головной части животных. Большинство их обращено в левую сторону (вверх по течению реки), выполнено в технике выбивки с последующей шлифовкой. Интерес представляет фигура лося (лосихи), расположенная на горизонтальной плоскости (участок 3, плоскость 2). Уникальным для таёжной местности является изображение головной части горного козла с ярко выраженной крутой дугой линии рогов (участок 2, плоскость 2/3). В отличие от других фигур данный петроглиф выполнен мелкоточечной выбивкой, без последующей шлифовки. Изображения копытных животных исполнены в ангарских неолитических традициях, некоторые из них — в «минусинском стиле», характерном для южных районов Среднего Енисея и датируются периодом новолитического

века. Несколько обособлено от основного комплекса рисунков находится изображение антропоморфной личины с череповидным контуром (участок 1, плоскость 2). Выполнена она в технике выбивки, линии нижней части её контура дополнительно прошлифованы. На том же участке (плоскость 1) выявлена горизонтальная дуга, которую можно трактовать, как фрагмент абриса нижнего контура антропоморфного лика. Данные петроглифы, надо полагать, маркируют окуневские изобразительные традиции и могут быть отнесены к эпохе ранней бронзы, что не противоречит общим направлениям в наскальном искусстве региона на примере антропоморфных образов [Заика, 2006, 2012].

Нуклеидные изделия и отходы каменной индустрии, обнаруженные выше по течению (рис. 1, № 1), имеют неолитический облик. На стоянке Кайтым, расположенной в 9,5 км ниже по течению (рис. 1, № 3), зафиксирован один культурный слой, который содержит большое количество бифасиально обработанных форм, орудий на отщепах. Учитывая отсутствие в каменном инвентаре микронуклеусов и пластин, стратиграфические условия залегания находок, данный памятник можно соотнести с поздненеолитическими — бронзовыми комплексами Приангарья и Прибайкалья (вторая половина IV – начало I тыс. до н. э.) [Гурулев, 2021].

Судя по сюжету и стилю, учитывая технику исполнения рисунков, привлекая датированные изобразительные аналогии и материалы археологических исследований ближайших древних стоянок, следует сделать вывод о том, что объект археологического наследия «Петроглиф Нижний Брат» датируется на широком временном интервале от эпохи неолита до периода ранней бронзы (V–II тыс. до н. э.) и представляет интерес как памятник наскального искусства древнего населения Нижней Ангары.

Список литературы

Буторин В. Г. Отчёт о разведочных работах в Абанском и Тасеев-

ском районах Красноярского края, проведённых в 1988 г. Красноярск, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3288.

Буторин В. Г., Гревцов Ю. А., Тарасов А. Ю., Ригин М. В. Исследования на реке Бирюсе // Палеоэтнология Сибири: тезисы докладов XXX Региональной археологической студенческой конференции (Иркутск, 29–31 марта 1990 г.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. – С. 102–103.

Гурулев Д. А. Отчёт о проведении работ по определению предмета охраны объекта археологического наследия «Стоянка «Кайтым» // Архив ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания». – Красноярск, 2021. Б./н.

Заика А. Л., Березовский А. П., Емельянов И. Н., Ключников Т. А., Тарасов А. Ю., Гревцов Ю. А. Петроглифы р. Бирюсы (по итогам работ 2000 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 122–123.

Заика А. Л., Ключников Т. А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам работ 2000 г.) // Историко–культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 432–435.

Заика А. Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник. Культура и её окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 330–342.

Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1(49). – С. 62–75.

Паспорт объекта культурного наследия «п. Усть-Кайтым. Петроглиф Нижний Брат» от 15.01.1990 // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Б/н.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Заика Александр Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, заведующий музеем археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного образовательно-

го учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск, Россия.

E-mail: zaika_al@mail.ru

Гурулев Дмитрий Александрович,

старший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск, Россия.

E-mail: dm-gurulev@yandex.ru

Гревцов Юрий Анатольевич,

старший научный сотрудник Общества с ограниченной ответственностью «Красноярская археология новостроек», г. Красноярск, Россия.

E-mail: urga66@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Zaika Alexander Leonidovich,

Candidate of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev», Associate Professor of the Department of National History, Head of the Museum of Archaeology and Ethnography, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: zaika_al@mail.ru

Gurulev Dmitry Alexandrovich,

Senior Researcher, Autonomous Non-Commercial Organization «Archaeological Research of Siberia», Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: dm-gurulev@yandex.ru

Grevtsov Yuri Anatolievich,

Senior Researcher, Limited Liability Company «Krasnoyarsk Archaeology of New Buildings», Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: urga66@yandex.ru

УДК 902 (571.51)

Бутанаев В. Я.

КЫРГЫЗСКИЕ ИЗВАЯНИЯ И КАМНЕРЕЗНОЕ ИСКУССТВО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Аннотация. Статья посвящена средневековым каменным изваяниям долины Среднего Енисея и памятникам кыргызского рунического письма, которые ныне хранятся в Минусинском и Хакасском краеведческих музеях. Автор по-новому сделал интерпретацию уйбатского памятника и сделал открытие, что он принадлежит кагану, известному по китайским источникам как «Ажо».

Ключевые слова: кыргызы Енисея, древнетюркская руническая письменность, Хонгорай (Хакасия).

Butanaev V. Ya.

KYRGYZ STELES AND STONE-CUTTING ART OF RUNIC SCRIPT

Abstract. The article deals with medieval stone steles of the Middle Yenisey valley and monuments with kyrgyz runic script which are now kept in the Minusinsk and Abakan local lore museums. The author made a new interpretation of the Uibat monument and discovered that it is devoted to the kagan known from Chinese sources as azho.

Keywords: Yenisey kyrgyz, old Turkic runic script, Khongorai (Khakassia).

Среди каменных скульптур Хонгорая насчитывается незначительное количество изваяний, относящихся к кыргызскому времени. В Хакасском краеведческом музее

находятся всего три экземпляра, в Минусинском также три скульптуры. Археолог Л. А. Евтюхова отмечала, что в Кыргызском государстве были опытные мастера каменотёсы, создавшие надгробные стелы с высеченными на них надписями и каменные изваяния [Евтюхова, 1948, с. 101].

В степях Хонгорая были известны следующие почитаемые скульптуры средневековья. У подножия скалы Иней-хая по реке Аскиз находилось кыргызское каменное изваяние «иней тас». Рядом с ней была площадка, огороженная плитами и усыпанная песком, где стояли каменные фигуры животных: овец, коз, коров, лошадей. Указанный скот представлял стадо почитаемой «иней тас». Все эти изображения животных, согласно объяснениям хакасов, делали горные духи [Клеменц, 1889, № 12, с. 11].

Во второй половине XIX века ретивые служители христианской церкви разбили каменного кумира, отколотив у него голову. Ныне следы этого бывшего изваяния «иней-тас» не сохранились. Несмотря на такой вандализм, люди продолжали совершать летом ежегодные «золотые жертвоприношения» (алтын тайыг) на его бывшем месте под горой Иней-хая.

На горе Козеелиг-таг по р. Бай в долине Аскиза находилось изваяние «иней кюзее», считавшееся изображением праматери сеока «эчик» (фамилия Саражаковы и Пакачаковы). Согласно преданиям, во времена Всемирного потопа она спаслась на родовой горе Сахчах, а в дальнейшем, спустившись в долину р. Бай, окаменела. Ежегодно Саражаковы совершали жертвоприношения своей праматери «эчик иней кюзее». Ныне нахождение этого изваяния неизвестно [ЦГАРХ. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 11].

В нижнем течении долины реки База стояло средневековое изваяние, известное у хакасов под названием «хам атхан кюзее» — истукан, шаманом застреленный. У фигуры была отбита голова, но на тыльной стороне видна опускающаяся на спину часть головного убора или толстый конец косы. Высота сохранившейся части 109 см. В обеих руках изваяния, согнутых в локте, находился небольшой узкогорлый сосуд с отогнутым

венчиком. Ниже локтей туловище сужается к талии, затем расширяется к бёдрам, что производит впечатление сидящей фигуры [Грязнов, 1950, с. 151].

По хонгорским представлениям изваяние «хам атхан кюзее» изображало местную шаманку, застреленную тувинским камом. Проезжающие мимо путники кормили обезглавленную фигуру снедью и окропляли вином [Бутанаев, 2003, с. 198]. В 1953 г. археолог А. Н. Липский вывез почитаемую скульптуру в музей. Ныне изваяние «хам атхан» находится в выставочном зале Хакасского национального краеведческого музея (ХНKM. № 314/20).

В долине реки Ниня находилось средневековое изваяние «хыргыс иней тас» или «хыргыс иней» — т. е. кыргызская праматерь. Этой каменной статуе ежегодно совершали жертвоприношение представители рода кыргызы, проживавшие по рр. Ниня и Уйбат. Каменная фигура «хыргыс иней» (высота 70 см, ширина 27 см) располагалась на специальном пьедестале в нише горы Иней-таг. Ниша была в виде круглой юрты, обращённой на юг. Изваяние «хыргыс иней» сидело, поджав ноги по-турецки, и держало в руках сосуд с округлым туловом. Лицо статуи, как утверждали информаторы, носило явно выраженные монголоидные черты. Однако в середине XIX века один священник отбил у каменной старухи голову, и отбитый фрагмент пропал [Попов, 1872, с. 57]. Изваяние «хыргыс иней» являлось изображением праматери кыргызов, от которой зависела судьба потомков. При всеобщем благоденствии статуя пребывала в спокойном состоянии. Но если роду кыргызы грозило несчастье, то она поворачивалась в сторону ожидаемого ненастья. Если кто-то из рода должен был погибнуть, то идол падал навзничь на спину.

Согласно мнению исследователей, стиль изображения позы полусогнутых ног, переkreшивающихся на уровне колена, в традиционном культовом искусстве означал позу служителя культа, исполняющего функции посредника между мирами. Ниже изображения фигуры находится сцена ритуальной охоты,

где охотник, вооружённый луком, стреляет в оленя. Ниже перед оленем изображена собака, помогающая хозяину. Выше, справа от охотника, находится голова тотемного зверя, похожего на снежного барса. На ней имеется ритуальная чаша [Августовский, 2016, с. 186–188]. Снежный барс являлся тотемным животным кыргызов. Отсюда следует, что памятник принадлежал кыргызам.

Жертвоприношение кыргызской праматери совершали на новолуние в июле месяце. Ответственными за его проведение назначались главы аальных общин, представлявших сеок кыргыз. Выбранный глава «тёс пазы» отвечал за праздник жертвоприношения «тайыг» в течение трёх лет, а затем опять выбирался по очереди следующий. Накануне моления кыргызской праматери глава «тёс пазы» и его заместитель готовили ритуальную араку и яства у себя дома в юртах.

Утром все представители рода кыргыз отправлялись на моление. Истукану на заклание приносили девять белых барашков с чёрной головой. Животных забивали ритуальным способом «озеп», вспарывая грудную полость и разрывая аорту около сердца. Ответственные разжигали два костра и варили мясо каждый в своём казане. Для участников моления готовая пища раскладывалась на «зелёном столе» (салаачы), сплетённом из ветвей берёзы. На каменном столике перед фигурой кыргызской праматери «хыргыс иней» раскладывали ритуальные приношения: семь бочонков никем не пробованной араки, семь кусков жертвенного мяса, семь хакасских сыров и семь рыб — хариусов. Голову истукана повязывали красным платком, а губы смазывали жирной пищей.

Почтенный чтец благословений «алгысчыл», руководивший молением, обряжался в белый костюм, надевал специальную девичью шапочку «сахпа» с прикреплёнными на макушке зелёными лентами. Возможно, это означало, что он готовится вступить в брак с духами – хозяевами изваяний, для чего и требовался подвенечный наряд. Остальные мужчины головные уборы снимали. Женщины молились поодаль, накрыв

плечи и голову красными платками. Незамужние девушки из рода кыргыз могли находиться рядом со своим родовым кумиром. Молитвы кыргызской праматери начинались с просьбы даровать счастье роду кыргыз и заканчивались настоятельными требованиями обеспечить приплод скота. Благодарили духов — хозяев почитаемой горы Иней-таг. Каждый, кто приносил на заклание овец, получал от окаменевшей прародительницы искомое счастье, и ему гарантировались приумножение богатства, семейное благополучие и рост поголовья скота. Благодаря покровительству своего кумира род кыргыз жил богато и счастливо. [Бутанаев, 2003, с. 244–245] В 1900 г. изваяние было выкопано и увезено в минусинский музей. Ныне скульптура «хыргыс иней тас» находится в галерее Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова (Р.Н. № 39).

В Июсских степях Хонгорая великим почтением пользовалась средневековая статуя «хозан хыс» — букв. «заяц-девушка». Мифы рассказывали, что это окаменевшая принцесса Бурутского хана, душа которой превратилась в зайца.

На юге, за Тувой, находилась Бурутская земля (Северо-Западная Монголия). Согласно мифам, в древние времена хонгорский бег Ир-Тохчын отправился к Бурутскому хану сватать его дочь за своего сына. Добившись согласия, они верхом на конях стали возвращаться в Хонгорай. Бурутский хан в приданое дочери подарил солового коня.

Перевалив Саянские горы, они спустились в долину Абакана, а затем отправились к северным владениям. Когда достигли Июсских степей Хонгорая, бурутскую деву во сне стали преследовать духи земли её отца в образе зайца. Невеста заболела и попросила Ир-Тохчына совершить обряд жертвоприношения, чтобы вернуть духов на родину. Рассерженный Ир-Тохчын отказал, и тогда бурутская дева, потеряв сознание, превратилась в каменное изваяние «хозан хыс», а её душа — в зайца.

Она, проклиная народ Ир-Тохчына, сумела промолвить: «Мой окаменевший образ оживёт в последний день мира.

Я сама приду, когда чёрные концы ушей белого зайца станут белоснежными! С этого времени пусть ваш род называется бурутами. Боясь белых зайцев, вы поставите идолом изображение зайца «хозан тёсь», а солового коня, пришедшего из земли моего отца, будете держать в качестве конного ызыха!».

С тех пор потомки Ир-Тохчына получили имя рода «бурут» и поклоняются бурутскому изваянию «хозан хыс». Их освящаемым конём «ызыхом» стал соловый конь, подаренный бурутским ханом. Через каждые три года буруты заячьему идолу «хозан тёсь», поставив солового ызыха, делали жертвоприношение, благословляя: «ты пришла из именитых бурутов, ты превратилась в белого зайца».

Согласно описанию Д. Г. Мессершмидта в 1722 г., обелиск «хозан хыс» высотой около 170 см был вырублен из красного камня. Он стоял в местности «Кол ойым» повёрнутым лицом на юг, недалеко от горы Хызыл-хая на правом берегу р. Чёрный Июс. В правой руке идол держал чайную чашку, левой ухватился за полу сюртука. «Вокруг туловища он был опоясан, на поясе висели с двух сторон мешочки как кошелёчки... Голова покрыта как бы чепцом, из-под которого видны уши... Усы были похожи как у поляков, а борода на подбородке была довольно длинная и густая, так что можно было видеть, что статуя не женская, а мужская... Кочующие татары очень чтят эту статую, и они никогда не упускают возможность, вследствие своих суеверий, приносить к ней в качестве жертвоприношений съестные припасы: мясо, коренья и тому подобное, рот был намазан маслом и блестел на солнце, как будто покрытый лаком» [Мессершмидт, 2012, с. 110].

В XIX в. исследователи так описывали этот идол: «Истукан из красного песчаника на правом берегу Чёрного Июса, в двух верстах от реки, против юрт Емандыковых. Эта статуя-бюст, имеет длинное плоское лицо с усами и плоским носом, на голове нечто вроде шапки; лоб с боков сильно сжат. Голова не соединена с туловищем, но приставлена и может быть по произволу отнята. На теле пояс, по замечанию Гмелина, братской (бурят-

ской) работы, а на поясе как бы сабля и два или кошелька (кисета), или бляхи. Заметны ещё руки: левая придерживает оружие, а правая — сосуд» [Попов, 1872, с. 58].

Изваянию проводили ежегодные общественные жертвоприношения. Во время моления на голову «хозан хыс» повязывали красный платок, а талию опоясывали красным шёлковым кушаком. Все собравшиеся кланялись, а руководитель «алгысчыл» окроплял истукана молоком, айраном и аракой. Перед ним раскладывали продукты, хлеб и горячее мясо. Руководитель моления «алгысчыл» просил покровительства у «хозан хыс», дабы дети хонгорского народа были здоровыми, а скот умножался. Она оберегала не только сеок «бурут», но и всех жителей долины Чёрного Июса. Мимо идола нельзя было проходить «впустую». Находясь рядом с изваянием, его кормили, обмазывая рот жирной пищей (маслом, сметаной), окропляли вином и табаком.

К сожалению, судьба каменного памятника «хозан хыс» оказалась печальной. Однажды некий крещёный хакас по фамилии Итеменев, из аала Кожаков, решил надругаться над святыней. Он отбил у истукана голову и привез её к себе домой. Ночью он услышал в юрте плач женщины и, испугавшись, отвёз голову «хозан хыс» обратно. Долгое время статуя стояла без головы, а потому прежней силы у неё не стало. Отбитая голова изваяния была приставлена к туловищу.

Окончательно памятник был разрушен шаманистами. Известный кызыльский шаман Аралай-кам решил привезти к идолу «хозан хыс» своего больного сына. Несмотря на моления и жертвы, сын умер. Тогда разгневанный Аралай-кам полностью разбил истукана [Бутанаев, 2003, с. 198–199].

На левом берегу реки Белый Июс, недалеко от аала Батанаков (Криш аалы), в местности «Хоорай кош азии» (букв. перевал Хонгорайских кочевий) между гор Хызыл-хас и Солбан, среди курганов находились два парных изваяния: «тас оол обаа» — т. е. каменный обелиск парня (или «ир сомы Халдама тас» — т. е. мужское изображение каменного хана Халдама) и «тас

хыс обаа» — т. е. каменный обелиск девушки (или «хыс сомы Хан Арыг тас» — т. е. девичье изображение каменной Хан Арыг). В XIX в. исследователи отмечали: «По Белому Июсу в степи, недалеко от дороги близ улуса Батанакон находится камень в 2 аршина, 9 вершков вышины. Посреди него изображены голова, нос, рот, руки. Недалеко от него находится (второй) небольшой камень с такими же изображениями» [Попов, 1872, с. 59]. По сведениям наших информаторов, в советское время в борьбе за атеизм эти два памятника повалили трактором, а затем разбили и оставшиеся плиты сбросили в воды Чёрного озера (Хараколь).

Согласно народным легендам, окаменевший Халдама являлся сыном бывшего правителя Хонгорая по имени Салархан. По наговору его мачехи, второй жены Салархана, могучего претендента на престол бросили в темницу. Во время нашествия монголов Халдаму, обладавшего богатырской силой, выпустили на войну с врагом. Освободив свою родину, Халдама дал зарок не возвращаться в правительственную ставку Салархана. Он и его жена Хан Арыг вышли в местность «Хоорай кош азии» и на берегу Белого Июса превратились в каменные изваяния [Хакас чоны..., 1990, с. 42–59; Бутанаев, 1995, с. 175, 193].

В долине реки Туим в местности «обаалыг озен» когда-то стояла каменная статуя, под названием «Баян-хыс». Она являлась окаменевшей легендарной девой, давшей названия горам и озёрам Июсских степей. Баян-хыс считалась прародительницей рода «соххы».

В древние времена главой народа Июсских степей был Барс-бег. Согласно мифам, богатырская дева Баян-хыс была единственной дочерью Барс-бега, ставка которого находилась в долине Туима. Барс-бег являлся главой народа, живущего в Июсской степи, и хозяином пасущегося там скота. Его несметные табуны состояли из сказочных скакунов — «аранчула», пёстро-барсовой масти. После смерти Барс-бега вместо него стала править народом богатырская дева Баян-Хыс.

На северных отрогах Кузнецкого Алатау по реке Кия

проживали калмаки. Среди них славился удалой конокрад Хулатай. Однажды калмаки во главе с Хулатаем проникли в Июсские степи и украли табун барсово-пятнистых лошадей Хонгорая. Дева Баян-Хыс вместе со своими пастухами бросилась в погоню. Стояла жара, и, чтобы облегчить дыхание, Баян-Хыс расстегнула ворот своей кольчуги. Этим воспользовался Хулатай, поджидавший в засаде преследователей. Он пробил стрелой грудь богатырской девы. Падающую Баян-Хыс подхватили под руки телохранители и повезли назад. Когда богатырская дева достигла берегов реки Туим, силы её покинули. Под горой Оксис-тигей на Туиме она скончалась и превратилась в каменное изваяние, которое стали называть «баян хыс». Представители рода «соххы» считали её своей праматерью. В ранние времена они совершали жертвоприношение богатырской деве Баян-хыс, ездившей на барсово-пёстром коне. Почитая её, проходящие люди окропляли изваяние вином и кормили своей снедью [Бутанаев, 2020, с. 18].

Это туимское изваяние, как сообщалось в литературе, «за три года до посещения его местонахождения Миллером было перевезено в Красноярск, причём голова дорогой отломилась и утрачена. По словам Миллера, видевшего памятник в Красноярске, он «изображал мужскую фигуру, которая как «хозан хыс» в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю». [Грязнов, 1950, с. 150] В Красноярске статуя была потеряна и случайно обнаружена только через двести лет в конце 1970-х гг., при ремонтных работах на церкви по ул. Мира. Ныне изваяние «баян хыс» находится в Красноярском краеведческом музее.

Средневековый памятник под названием «алып кюзее» (т. е. богатырский истукан) находился в долине Абакана в двух километрах от устья р. Есь. Он был высечен из песчаниковой плиты вышиной около двух метров. Изваяние «алып кюзее» имело узкое лицо, в руках, прижатых к груди, держался сосуд, на поясе виднелась сабля [Попов, 1871, с. 59]. Этот памятник во второй половине XIX в. пропал, вероятно, был уничтожен.

Недалеко от него, также на левом берегу Абакана, между сёлами Усть-Есь и Аскиз упоминались два средневековых изваяния, известные по публикациям как: «кижи таш» (каменный человек) и «улуг хыс таш» (каменная большая дева), в виде четырёхгранных песчаниковых столбов.

На лицевой стороне «кижи таша» имелось изображение верхней части фигуры мужчины, держащего в обеих руках сосуд. На правой стороне грани был высечен лук в натянутом виде с наложенной на него стрелой, ниже находился всадник на коне с копьём в руках, на конце которого развевался трёхконечный флаг. Подобные копья с трёхконечными флагами известны на кыргызских писаницах. На левой стороне третьей грани также изображалось копье с трёхконечным флагом.

Второе изваяние «улуг хыс таш» по данным наших информаторов называлось также хакасами «сын кюзее» - маралий истукан, т. е. оленный камень. Он раньше стоял на небольшом перевале горы Кюзеега, расположенной между реками Тёя и Есь. На фронтальной части была изображена фигура человека, держащего в руках сосуд. На левой грани - вереница из шести одnogорбых верблюдов (отождествляемая хакасами с маралами). Для нанесения рисунков использованы три грани, за исключением задней. На боковых гранях мелкие фигуры не связаны с главным фронтальным изображением. По технике изображения, как отмечал М. П. Грязнов, «кижи таш» и «улуг хыс таш» напоминали известные «оленные камни» Монголии. Они в XIX в. долгое время находились на территории села Аскиз, но ныне судьба этих памятников неизвестна [Грязнов, 1950, с. 145–148].

По хакасскому обычаю, проходя мимо изваяний, обязательно повязывали красные флажки «чалама»; маслом, салом или сметаной смазывали уста; лучшую пищу клали у ног, делали возлияние аракой или табаком. Этим хонгорцы выражают уважение далёким предкам, которые должны помогать своим потомкам. При жертвоприношениях головы идолов повязывались красными платками, а поясницы подпоясывались

красными кушаками. Возможно, красный цвет означал кровь, и люди думали, что таким образом вдохнуть в них жизнь.

В VIII–X вв. н. э. древнетюркские государства Центральной Азии пользовались своей рунической письменностью, которая находилась на службе государственного делопроизводства Тюркского, Уйгурского, Тюркешского и Кыргызского каганатов. Кыргызские правители, отправляя своих послов в Китай или Тибет, вручали им свои верительные грамоты и письма. В Китае имелся штат специальных переводчиков древнетюркского письма.

Хонгорай хранит в своей земле значительное количество памятников камнерезного искусства рунического письма, представляя своеобразный очаг древнетюркской руники. Именно здесь они впервые были открыты. В 1721–1722 гг. участник первой академической экспедиции в Сибирь Д. Г. Мессершмидт обнаружил в долине р. Уйбат неизвестные ранее надписи на каменных стелах. Он назвал их «руническими», по сходству со скандинавскими рунами [Кормушин, 1997, с. 13].

В начале VIII в. н. э. у кыргызов существовал обычай устанавливать после смерти государственного деятеля изваяние: делалось намогильное надгробие в виде горных баранов «хосхартас» и памятная эпитафия с описанием его заслуг. В долине Енисея между реками Ерба и Тесь недалеко от д. Знаменка у распадка «Богатырский лог» находилось изваяние «алып обаа». В научной литературе оно известно под названием «тесинский богатырь». Согласно воспоминаниям наших информаторов из бывшего аала Усть-Кокса, скульптура «алып обаа» стояла на невысокой горе «Инек асчан таг» (по-русски «Корова»), которая тянется от д. Троицкой до д. Усть-Ербы, в местности «Обаалыг пил» (седловина с каменным истуканом) по реке Тесь. Изваяние из серого песчаника (высота 170 см, ширина туловища 55 см, ширина головы 43 см) представляло мужскую фигуру с усами и бородой. В обеих руках статуи «алып обаа» был сосуд. С тыльной стороны головы свисала коса [Грязнов, 1950, с. 150–151; Васильев, 1983, с. 28].

По спинной части изваяния «алып обаа» вертикально была вырезана трёхстрочная надпись кыргызским руническим письмом. Надпись гласила:

Транскрипция

1. *ben öltüm türgiş ben çeng beg ben bıçığ.*
2. *Altı otuz yaşıma erti.*
3. *Kara kan ıçregi ben ezgene.*

Перевод:

1. Я умер. Я – тюргеш, Я – Ченг бег. (Это моя) надпись.
2. Я был на тридцать шестом году своей жизни.
3. Я придворный служитель Кара-хана, я – Эзгене.

[Айдын, 2011, с. 11; Малов, 1952, с. 67]

Исходя из содержания этой исторической надписи на памятнике, становится ясным, что скульптура принадлежала тюргешскому князю Ченг-бегу. Тюргешы были юго-западными соседями кыргызов. Тюргешский каганат (704–756 гг.) находился в Чуйской долине на севере современного Кыргызстана и доходил до верховьев Иртыша к западу от Саяно-Алтая. В начале VIII в. н. э. тюргешы выступали союзниками кыргызов против тюрков Восточно-Тюркского каганата. Зафиксированное в памятнике имя тюргешского князя Ченг-бег можно отождествить с Чжэном, младшим братом Согэ-кагана, главой тюргешей. В обиде на Согэ-кагана, Чжэн перешёл на службу к правителям Восточно-Тюркского каганата. По всей видимости, под выражением «придворный служитель Кара-хана», надо понимать Капаган-кагана, главу Восточно-Тюркского каганата. В результате успешных военных походов тюрков в 711 г. военная коалиция кыргызов и тюргешей была разгромлена. Капаган-каган в 711 г. казнил Чжэна как изменника [Бартольд, 1963, с. 484; Кляшторный, 2003, с. 185; Гумилев, 1967, с. 302]. Расплата с опальным тюргешским князем Ченг-бегом произошла на территории покорённого Кыргызского государства. Памятник ему ныне хранится в Минусинском краеведческом музее (МКМ. № 59.).

По всей видимости, Ченг-бег происходил из племени «эзгене».

Можно отождествить название эзгене с созвучным именем племени «адигине» среди современных киргизов Тянь-Шаня [Абрамзон, 1960, с. 63]. Возможно, «адигине» происходят от древних тюркешей из Чуйской долины.

В 1963 г. в долине р. Уйбат недалеко от устья реки Ниня на невысоком холме был обнаружен лежащий памятник кыргызской письменности, привезённый и установленный археологом А. Н. Липским в Хакасском краеведческом музее. С двух плоских сторон песчаниковой плиты (длина 2,6 м, ширина 0,6 м, толщина 0,18 м) в три строки был нанесён текст. Знаки вырезаны, затем протёрты и представляют глубокие желобчатые линии. Одна сторона плиты была обращена кверху, и поэтому на ней надпись плохо сохранилась, некоторые знаки полностью стёрлись.

Согласно существующей регистрации, надпись считается седьмым памятником с р. Уйбат. Впервые его перевод был сделан В. Я. Бутанаевым в 1973 г. Содержание представляет большой интерес для изучения событий средневековой истории Центральной Азии и раскрывает новые страницы на происхождение современных тюрков Саяно-Алтая. В своей книге проф. И. В. Кормушин предложил новое чтение данного памятника [Кормушин, 1997, с. 117–123]. Не отрицая возможность новой трактовки и принимая многие верные поправки текста этим учёным, мы всё же оставляем за собой право нашего чтения и перевода седьмого (по И. Кормушину – шестого) памятника Кыргызской письменности с р. Уйбат. Вырезанные строки рунической надписи читаются нами следующим образом:

Транскрипция

1. *[erdem] er qunçuyun qazğandınız, bökmediniz beg erkime beg;*
2. *bunğ bunğa adırıldınız, açığa qırq erig qanğsız qıld [ınğız];*
3. *Uiğur qan ilin alduqta azıqlığ tonguz teg Tirig beg siz;*
4. *alıç bars Tirig beğim yıta erdemim size;*
5. *[Tüpütke] elçisi ertım şab kök Tırığ beğe;*
6. *[Er] ölürtüm kök bōri qaramağ bağın ölürtüm;*

Перевод

1. [Доблестный] муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!

2. Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (букв. сделали) без отца!

3. При взятии государства Уйгурского хана, Вы Тириг-бег (были) словно клыкастый дикий вепрь!

4. ...мой почитаемый барс Тириг-бег! Увы! Моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!

5. Я был послом [в Тибет], слава божественному Тириг-бегу!

6. ...Я убивал [вражеских мужей-воинов], я уничтожил подразделения [многочисленной] стаи серых волков!» [Кормушин, 1997, с. 122; Бутанаев, 2000, с. 123; рис. 44].

Переходя к исторической интерпретации памятника, необходимо выделить следующие важные факты. Эпитафия посвящена доблестному правителю Тириг-бегу, тотемным животным которого являлся барс. В таком случае, повествование идёт о кыргызском вожде, ибо барс считался тотемом кыргызов. В памятниках кыргызской письменности встречаются подобные обозначения, такие как, например, «Сильный Барс». Имена героев под названием «тириг» — букв. живой (т. е. вечный), неоднократно упоминаются в енисейских текстах. Например - Учин Кулюг Тириг, Кюни Тириг и др. [Малов, 1952, с. 39, 110, 112].

Уйбатская эпитафия повествует о самом важном событии в политической жизни енисейских кыргызов, связанном сокрушительным разгромом в 840 году вражеского Уйгурского каганата. При победной битве над уйгурским ханом Тириг-бег проявил большую доблесть и образ его отождествляется с «клыкастым диким вепрем». В первых наших переводах повествование на этом памятнике об уйгурском хане ошибочно читалось нами как «курыканы» [Бутанаев, 1973, с. 150–152]. В данном случае поправки И. Кормушина оказались более верными и были нами учтены.

Сам Тириг-бег, исходя из контекста памятника, возглавлял гвардию из сорока эров-батыров, для которых он являлся

«родным отцом». Вероятно, он возглавил военный поход против уйгурского кагана и в свирепой битве покорил бывших соседей кыргызов, обитавших на территории Монголии.

В таком случае, правителя Тириг-бега можно отождествить с первым главою Кыргызского каганата, известным по китайским источникам под именем «Ажо».

Период IX–X вв. н. э. занимает особое место в истории енисейских кыргызов. Крупный российский востоковед, академик В. В. Бартольд справедливо назвал эту эпоху «кыргызским великодержавием». Этот период был подлинно звездным часом кыргызской истории. В результате победоносной войны кыргызы смогли разгромить своих южных врагов, уйгуров, подчинить другие кочевые племена Центральной Азии и создать могущественную кочевую державу — Кыргызский каганат.

В 820 г. кыргызский правитель Ажо объявил себя каганом, свою мать, тюркешскую принцессу — вдовствующей ханьшею, а свою жену, дочь карлукского ябгу — ханьшею [Бичурин, 1950, с. 355].

Одновременно с кыргызами войну против уйгуров вели тибетцы. Вероятно, их действия были согласованными, поскольку кыргызы могли совершать посольства в Тибет, маршрут которых пролегал через земли дружественного карлукского государства, правитель которого являлся тестем Тириг-бега – Ажо. Согласно уйбатскому памятнику, Тириг-бег совершил посольскую миссию к тибетскому правителю. Тибетцы поддерживали дипломатические связи с кыргызами. «Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаныцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу» [Бичурин, 1950, с. 355].

Вероятно, с Кыргызским каганатом Тибет заключил мирный договор, и, в связи с этим, воинственные кыргызы разгромили их врагов. На уйбатском памятнике указывается, что Тириг-бег «уничтожил подразделения (многочисленной) стаи серых волков». Вполне возможно, в данном тексте говорится об уничтожении вражеских воинов Восточно-Тюркского и Уйгурского каганатов.

Первый правитель Кыргызского каганата умер в 847 году. За свои доблестные заслуги он получил от императора Китая титул Цзун-ин Хюн-Бу Чен-мин-хан [Бичурин, 1950, с. 357].

Захоронен Тириг-бег в Уйбатской степи недалеко от устья реки Ниня, где были обнаружены остатки посвящённого ему культово-мемориального комплекса, который первоначально состоял из самой могилы, памятника с рунической надписью и надмогильного сооружения. Согласно кыргызским традициям, на могилах знатных полководцев, отличившихся в боях, устанавливались каменные изваяния дикого горного барана или кочкара (архара). В тюркских языках горный баран «кочкар» отождествлялся с вожаком стаи, предводителем племени. [КРС, 1965, с. 410].

Зооморфный надгробный памятник, высеченный из камня, находился в долине реки Ниня, у истоков реки Камышта (Уюк ахсы). Хакасское население называло надгробие «хосхартас», т. е. каменный горный баран. Изваяние представляло высеченную песчаниковую фигуру архара, стоявшего на пьедестале на небольшом перевале «Хосхар биль» [Бутанаев, 1995, с. 178]. Голова скульптуры «хосхартас» имела сильно закрученные рога, высота изображённого стана равнялась одному метру, окружность всей фигуры составляла два метра. Ныне изваяние «хосхартас» хранится в Минусинском краеведческом музее (МКМ. А.С. № 37).

Зооморфный скульптурный памятник «хосхартас» почитался сагайским родом «читы бююр» (букв. «семь волков»). Представители этого рода ежегодно совершали ему жертвоприношения «хосхартас тайыг» [Бутанаев, 1995, с. 178]. Вполне вероятно, что род «читы бююр» относится к потомкам великого кыргызского кагана Тириг-бега.

Среди памятников кыргызской письменности большой интерес представляют две стелы, найденные в 1878 г. около озера Алтын-кель Бейского района Хакасии. Они находились в 10,5 км от д. Иудино (ныне Бондарево) по реке Сос и в 4 км от указанного озера вблизи кыргызских курганов, которых насчи-

тывалось от пяти до шести. Памятники письменности из серого песчаника (длина 138 см и 195 см) располагались в 8 м друг от друга. Верхними, обработанными концами они лежали в сторону востока. Лицевая плоскость имела круговую надпись из двух строчек, разделённых чертою. Камни были подёрнуты тонким слоем почвы, их кромки выходили наружу [Боголюбский, 1890, с. 19–20]. Ныне указанные стелы хранятся в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартянова (МКМ. № 69).

В памятниках Алтын-кёля повествуется о герое, именуемом Барс, происходившем из ханского рода и бывшим послом в Тибет. Герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами в золотой черни Сонга. По мнению С. Г. Кляшторного, стелы Золотого озера поставлены в честь первого кыргызского кагана Барс-бега, погибшего в 711 г. в битве с тюрками Восточно-Тюркского каганата [Кляшторный, 1976, с. 258–267]. По всей вероятности, под «Золотой чернью Сонга» надо понимать сосновые боры долины р. Сос, где находится озеро Алтын-кель (т. е. «золотое озеро»). Не исключено предположение, что топоним «Сос» (в хакасском произношении «Соос») представляет собой стяженную форму от первоначального «Сонга (с)» [Очерки..., 2008, с. 153].

Стелы находились среди камней кыргызского чаатаса, называвшимся хакасами (бельтырами и сагайцами) «мойартас» или «мойас сеок». Древнее слово «мойар» (мойас), вероятно, обозначало священное место. По всей видимости, средневековый могильник со стелами «мойартас» представлял священное, почитаемое погребение.

Вполне возможно, что герою Барс-бегу рядом с могилой был сооружён культово-мемориальный комплекс «мойартас», включавший эпитафию и каменное надгробное изваяние, как и кагану Тириг-бегу. Недалеко от этого чаатаса было найдено на берегу Абакана изваяние из серого песчаника. Ныне этот памятник находится в музее аала Усть-Сос.

Согласно историческим преданиям, четырёхгранные

эпитафии озера Алтын-кель принадлежали легендарному герою Ах-Кобеку. Каменные стелы якобы представляли кремневые камни от его огнива «Ах-Кобек отых тас». Великий хан Ах-Кобек жил в устье реки Сос. Он был главою населения долины Абакана. Ах-Кобек погиб в борьбе за власть с сильным противником Котенханом. Место его гибели находится на горе «Ах Кобек» в верхнем течении реки Сос. Ах-Кобек считается последним богатырём тюрков Хонгорая [Хакас чон..., 1960, с. 60].

Не исключена возможность, что герой стел Золотого озера (Алтын-кель) явился прототипом хакасского фольклорного персонажа Ах-Кобека.

Имя Ах-Кобек восходит к тотемному животному так же, как и имя Барс-бега. Слово «кобек» в тюркских языках значит «собака», «волк» [ДТС, 1969, с. 317].

В Уйбатской степи Хонгорая известна одна небольшая руническая надпись, состоящая из четырёх строк, выбитых на каменной плите кургана «Узун-обаа». Ныне она считается девятой надписью с реки Уйбат.

Высокий авторитет в российской тюркологии проф. С. Г. Кляшторный предложил своё чтение. Согласно его трактовке, текст памятника звучит следующим образом:

Транскрипция.

1. *tatar ıǵ eli*
2. *yeg üçün berür.*
3. 4. *ekimiz küdür.*

Перевод:

1. Татарский враждебный эль
2. ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп).
3. 4. мы оба (этому) радуемся.

В данном случае слово «татар» понимается как исторический этноним восточных соседей древнетюркских народов. По исторической интерпретации С. Г. Кляшторного, татары в начале IX в. являлись союзниками уйгуров. Поэтому враждебные действия кыргызов против «татарского эля» можно отнести к IX в.,

т. е. к периоду уйгуро-кыргызских войн в Центральной Азии и последующих кыргызских походов в Восточный Туркестан.

Поддерживая мнение проф. С. Г. Кляшторного в отношении значения слова «татар», мы в свою очередь предлагаем следующее значение указанного текста памятника:

Транскрипция.

1. *tatar yığı eli*
2. *iğecin beriür.*
3. 4. *ekimiz küdür.*

Перевод:

1. *татарский плачущий народ*
2. *своих сестёр отдаёт.*
3. 4. *наши младшие братья (получая в награду женщин) радуются (этому).*

До сих пор во многих тюркских языках, и в хакасском в том числе, среди родственной терминологии имеются слова «игечи» — старшая сестра (мужа или жены) и «ике» — младший брат [БХРИЭС, с. 31].

В связи с указанной терминологией мы готовы предложить следующую историческую интерпретацию. В древнетюркских надписях татарами обозначались монгольские племена. Например, в 750 г. уйгурский каган Моюн-чур двинул своё войско на восток, где «татар... призвал к ответу» [Малов, 1959, с. 40]. В китайской политической и исторической традиции, начиная с Сунского времени (X в. н. э.) также преобладало наименование монголов татарами («да-да»). После разгрома Уйгурского каганата и захвата территории Центральной Азии в 840 г. кыргызы столкнулись с монголоязычными татарами. Вероятно, в период своего «великодержавия» кыргызы, разгромив враждебных татар, захватили в качестве трофеев их женщин, мужа которых пали в бою. По обычаю, татарские рабыни стали достоянием кыргызских мужчин. Вероятно, такое знаменательное событие и отражает девятая надпись с реки Уйбат [Очерки..., 2008, с. 155-156].

Итак, всего, по нашим подсчётам, в степях Хонгорая отмечено

тринадцать скульптурных изваяний, которые в основном были сооружены во времена кыргызского каганата в VIII–X в. н. э. Все они имели свои легенды и имена у тюрков Хонгорая.

К сожалению, многие из них (семь из тринадцати), не дошли целыми до нашего времени, некоторые были уничтожены служителями православной церкви. В музеях их сохранилось незначительное количество (3 экземпляра в Хакасском и 3 изваяния в Минусинском).

По количеству созданных каменных статуй древнетюркской эпохи территория Хонгорая уступает другим местам Центральной Азии. Например, в соседней Туве насчитывается 58 изваяний (кроме того, по одному памятнику в Минусинском и в Хакасском музеях), на территории Семиречья, Южного Казахстана и Тянь-Шаня, где когда-то располагался Тюркешский каганат, учтено 145 каменных скульптур [Грач, 1961, 53; Шер, 1966, с. 125].

Несмотря на такое большое количество древнетюркских каменных изваяний на территории Тувы, Казахстана и Тянь-Шаня, нигде на них нет следов рунических надписей. Только на скульптурах Хонгорая имеются мемуарные записи, определяющие подвиги знаменитых героев.

Кыргызские руны, при правильном их чтении, помогают раскрыть тайны истории государства южно-сибирских кочевников. Правящим классом военно-политической системы кыргызов являлись беги, которым и посвящены эпитафийные надписи. Их княжеская власть держалась на военной силе дружин, состоявших из потомственного сословия батыров и рядовых воинов — эров. Беги служили своему небесному элю (государству), главой которого был каган. Воспевание в текстах «земного рода барс» связано, как склонны думать учёные, с тотемом кыргызов, который, можно предположить, употреблялся вместо их этнонима. По данным памятников рунического письма, Кыргызское государство активно выступало на политической арене Центральной Азии. Кыргызы вели дипломатические сношения с Китаем и Тибетом, выступали

союзниками Тюркешского каганата, воевали, подчинили уйгуров, враждебных татар и т. д. В результате нашего исследования выяснено историческое имя основателя Кыргызского каганата, «почитаемого барса» Тириг-бега, известного по китайским источникам как «Ажо».

Библиографический список:

Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения северной Киргизии. // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1960. – С. 3–137.

Августовский А. И. Святители горы Иней тас на левобережье реки Ниня. // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвящённых Л. Р. Кызласову. 19–20 ноября 2015 года. Абакан, 2016. – С. 183–192.

Августовский А. И. Древнее искусство наскальных изображений джойского типа и орнаментальная культура хакасов. Абакан, 2020.

Айдын Эрхан. Заметки по поводу названий тюркских племён, встречающихся в енисейских памятниках. // Эпиграфика Востока. XXIX. М., 2011. – С. 3–13.

Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. // Сочинения. Т. 2. ч. 1. М., 1963. – С. 473–547.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.–Л., 1950.

Боголюбовский И. Исследования Красноярского и Минусинского округов 1881, 1882 и 1883 годы. СПб., 1890.

Бутанаев В. Я. Новая Уйбатская сабра. // Учёные зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1973. вып.18, сер.фил. №2. – С. 149–153.

Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского союза». Вып. 3. Хакасы. М., 1990.

Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края. Абакан, 1995.

Бутанаев В. Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. (БХРИЭС) Абакан, 1999.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.

- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010.
- Бутанаев В. Я. Древнее искусство Саяно-Алтая. Учебное пособие. Абакан, 2020.
- Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
- Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись и тамга стелы могильника Уйтаг. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2016. № 16. – С. 31–34.
- Государственный архив Красноярского края. (ГАКК). Ф. 303. Оп. 1. Д. 11.
- Государственный архив Республики Хакасии (ЦГАРХ). Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
- Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследования 1953–1960 гг. М. 1961.
- Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. //СА. XII. М.–Л, 1950. – С. 128–156.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. 1967.
- Древнетюркский словарь (ДТС). Л., 1969.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Киргизско-русский словарь. (КРС). М., 1965.
- Клеменц Д. А. Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа. // Известия В.–С. отдела ИРГО. Иркутск, 1889. Т. 20. № 1. – С. 46–47.
- Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников). //Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. – С. 258–267.
- Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.–Л., 1952.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959.

Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времён до современности). Абакан, 2008.

Попов Н. О каменных бабах Минусинского края. // Известия Сибирского отделения ИРГО. Т. 2. № 2. Иркутск, 1871. – С. 57–70.

Попов Н. О писаницах Минусинского края. // Известия СО ИРРГО. Т. III. № 5. 1872. – С. 274–285.

Хакас чонынын кип-чоохтары. Абакан, 1990.

Шер. Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л., 1966.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бутанаев Виктор Яковлевич,

доктор исторических наук, профессор.

Хакасский государственный университет

им. Н. Ф. Катанова, Институт истории и права,

Республика Хакасия РФ, г. Абакан,

E-mail: astaibeg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Butanaev Viktor Yakovlevich

Doctor of Historical Sciences, Full professor

Katanov State University of Khakassia,

Institute of History and Law

Abakan, Republic of Khakassia, Russia

E-mail: astaibeg@mail.ru

УДК 433

В. С. Волкова

**ОБРАЗ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ»
НА ПЕРЕКРЕСТИИ ТАГАРСКИХ КИНЖАЛОВ
В ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ**

Аннотация. В статье рассматривается художественное оформление на перекрестии тагарских кинжалов в эпоху раннего железа в Хакасско-Минусинской котловине. Раскрывается проблема происхождения зооморфных образов.

Ключевые слова: скифо-сибирский звериный стиль, Хакасско-Минусинская котловина, тагарская культура, зооморфные изображения, кинжал, перекрестие.

V. S. Volkova

**THE IMAGE OF THE “ANIMAL STYLE”
ON THE CROSSGUARD OF TAGAR DAGGERS
IN THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN**

Abstract. The article deals with the decoration on the crossguard of Tagar daggers in the early Iron Age in the Khakass-Minusinsk basin. The problem of the origin of zoomorphic images is revealed.

Keywords: Scythian-Siberian animal style, Khakass-Minusinsk basin, Tagar culture, zoomorphic images, dagger, crossguard.

В настоящее время найдено достаточное количество кинжалов с зооморфными изображениями на перекрестии. Данная тема всегда была интересна для исследователей. Переломный момент произошёл в 1980-е гг. Он связан с именем Н. Л. Членовой и её работой «Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры» [Членова, 1967]. В настоящее время тема также поль-

зуется актуальностью. Например, это работа Е. С. Богданова «Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии» [Богданов, 2006]. Следует отметить такую работу как «Звериный стиль в декоре тагарского оружия и ножей» Н. Н. Моор, в которой она подробно описала большое количество источников и сделала для них классификацию [Моор, 2019]. В изучении скифской эпохи накоплен огромный опыт типологии и классификации кинжалов с зооморфными изображениями. Постоянно пополняется источниковая база. Вследствие этого появляется необходимость в систематизации и анализе новых источников. Несомненный интерес вызывают находки кинжалов на территории Хакасско-Минусинской котловины, декорированных изображениями животных.

Источниковая база представлена зооморфными изображениями на перекрестье кинжалов. Они могут быть из погребальных комплексов тагарского времени, также это могут быть клады. Но основную их часть составляют случайные находки. Находки, рассматриваемые в настоящей работе, хранятся в Государственном Эрмитаже, в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова, Красноярском краевом краеведческом музее, в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова. Также в качестве источников были использованы вышеуказанные публикации Н. Н. Моор, Е. С. Богданова, М. П. Завитухиной [Завитухина, 1983], В. В. Боброва [Бобров, Боброва, 2017], Д. А. Виноградова [Виноградов, 2017].

Изображение волка относят к VI в. до н. э. Оно представлено в редуцированном и полнофигурном виде. Полнофигурное изображение характеризует «припавший к земле хищник». В таком виде образ представлен на перекрестиях кинжалов. Характерно, что ареал кинжалов, которые украшены изображением волка, ограничены Минусинской котловиной [Клейн, с. 285–287]. Для изображения волка характерны: оскаленная пасть, выгнутая спина, глаз чаще миндалевидной или каплевидной формы, заострённое ухо, острые когти [Богданов, с. 90]. Изделия

этой группы обнаружены в окрестностях с. Батой [Завитухина, кат. 202], г. Минусинска [Завитухина, кат. 40], с. Батени [Завитухина, кат. 201], в Минусинском крае [Завитухина, кат. 203]. Все кинжалы железные или биметаллические. Один из вариантов, присутствующий в Хакасско-Минусинской котловине и относящийся к раннему железу, — это схематичные изображения волков: с. Знаменка [Завитухина, кат. 198], около г. Минусинска [Завитухина, кат. 199].

Редуцированные изображения волков – это, как правило, изображение головы хищника. На кинжалах редуцированным изображениям свойственно то, что они находятся в зеркальном отображении. Итак, к первому типу относят четыре парных в зеркальном отображении головы волка, помещённых на перекрестии бронзовых кинжалов: окрестности г. Красноярска [Макаров, рис. 1–5], Андроновое [Членова, табл. 4.9]. На этих перекрестиях головы расположены так, что не соприкасаются друг с другом. На них изображена открытая в оскале пасть, округлённые глаза, уши не прижаты к голове. В какой-то степени этот вариант более реалистичен.

Изображение кошачьего хищника очень популярный мотив в тагарском творчестве. Появляется в первой половине подгорновского этапа. На перекрестии кинжала он представлен в редуцированном виде. Это тип, у которого голова с открытой большой пастью, полукруглый глаз, круглое ухо в виде завитка [МБУК МКМ, инв. № 12080].

Изображение хищных птиц – очень популярный мотив. Они широко распространены на подгорновском этапе тагарской культуры. Изображения представлены в редуцированном виде. Первый тип представлен головами хищных птиц, обращёнными в противоположные друг другу стороны. Это находка у г. Арчекас [Бобров, рис. 5]. Во втором типе есть вариант, найденный в Тисульском могильнике [Мартынов, табл. 40].

Изображение мифического орла представлено исключительно в редуцированном виде. Существует два вида: геральдические и зеркальные композиции. Если первые относятся только

к декору навершия кинжала, то вторые могут присутствовать и на перекрестии. К первому типу можно отнести вариант, у которого глаз оконтурен валиком и имеет каплевидную форму. В другом варианте уши имеют треугольную форму. Это находки у с. Мальцево [МБУК МКМ, инв. № 6787].

В искусстве звериного стиля скифского времени образ лося известен на широкой территории распространения племён скифо-сибирского мира, как западного, так и его восточного вариантов. Появление его изображений связывают с подгорновским этапом [Моор, с. 156]. Они представлены одной группой редуцированных изображений головы на перекрестии бронзового кинжала из Енисейской губернии [Завитухина, кат. 155]. Головы обращены в противоположную сторону. Глаза — круглые отверстия.

Одним из популярных образов в искусстве тагарской культуры являлся образ оленя. В изображении оленя выделены полнофигурные и редуцированные группы. К первой группе полнофигурных изображений относится первый тип — изображения оленей на перекрестии кинжала, обращённые головами друг к другу — Малая Иня [МБУК МКМ, инв. № 868]. Вообще изображение оленя является одним из самых популярных образов животных, передаваемым не только в тагарской культуре, но и в искусстве скифо-сибирского мира в целом. Наиболее узнаваемые черты — это рога и форма морды. Но в большей степени они изображены на ножах и чеканах [Моор, с. 165–166].

Изображения барана в тагарском творчестве немногочисленны и представлены одной редуцированной группой. Т. е. изображение только головы животного. Первый тип — это находка у с. Борки [МБУК МКМ, инв. № 865]. Здесь образ барана передан и на навершии, и на перекрестии. На перекрестии головы направлены в противоположные стороны. Изображения баранов реализованы в двух традициях. Первая восходит к эпохе бронзы, вторая демонстрирует сходство с эпохой ранних кочевников Саяно-Алтая.

Изображение кабана более характерно для восточной области скифо-сибирского искусства, чем для западного, и берёт начало

уже в начале тагарского времени. Изображения на перекрестии представлены редуцированной группой. В первом типе изображены головы, направленные в разные стороны, они имеют общее ухо. Один из вариантов украшает перекрестие кинжалов: между широкими и короткими головами овальное ухо, имеются губы. Это кинжалы, найденные у с. Каменка и у о. Сарат [Завитухина, кат. 88]. Ещё один вариант — у с. Шуваево. Только морда у них узкая и удлинённая [Завитухина, кат. 89].

Таким образом, на перекрестии кинжала в большей степени представлены изображения волка, представленные в виде головы хищника, парных голов: соединённых общей шеей, в зеркальном и антитетическом изображении. Относят эти изображения к V в. до н. э. Однако, были и более ранние изображения, но они отличались от «классических» изображений. Следовательно, можно говорить о смене традиций, так как «классические» варианты соотносят с искусством кочевников Алтая, которые появились в VI–V (IV) вв. до н. э., видимо, благодаря внешнему импульсу. Также очень популярен мотив хищной птицы. А большинство изображений копытных животных на перекрестии кинжала представлены в редуцированном виде. Одним из популярных образов является образ кабана и оленя. Использование этих изображений относят к VIII–VI вв. до н. э.

Список литературы

Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск, 2006. 239 с.

Бобров В. В., Боброва Л. Ю. Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 78–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29356339&> (дата обращения: 25.02.2022)

Виноградов Д. А. Бронзовый кинжал без перекрестия из района Красноярска. // **Международная археологическая школа в Болгаре. 2017. Вып. 4.** С. 69–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30534549> (дата обращения: 23.02.2022)

Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Клейн Л. С. Археологическая типология. СПб, 1991, С. 285–287.

Макаров Н. П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Кемерово, 2012, рис. 1–5.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура Новосибирск, 1972, табл. 40.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (МБУК МКМ), инв. № 12080.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, инв. № 6787.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, инв. № 868.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, инв. № 865.

Моор Н. Н. Звериный стиль в декоре тагарского оружия и ножей. Кемерово., 2019. 400 с.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Волкова Валерия Сергеевна

Студент ФГБОУ ВО «Хакасский

государственный университет

им. Н. Ф. Катанова»,

Абакан, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Volkova Valeria Sergeevna

Student, Khakass State University named after N. F. Katanov

Abakan, Russia

РАЗДЕЛ II. ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК: 569.735.3

Д. Г. Маликов

БОЛЬШЕРОГИЙ ОЛЕНЬ *MEGALOCEROS GIGANTEUS* BLUMENBACH, 1799 – РЕДКИЙ, НО ОБЫЧНЫЙ ВИД МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Аннотация. В статье сделана попытка обобщить все известные данные о распространении гигантских оленей *Megaloceros giganteus* в Минусинской котловине. По размеру гигантские олени позднего плейстоцена котловины были достаточно крупными и массивными животными, близкими *Megaloceros giganteus* юга Западной Сибири. Вид обитал в Минусинской котловине на протяжении всего позднего плейстоцена. Малочисленность остатков, вероятно, обусловлена малой численностью вида в регионе, по причине отсутствия большого количества подходящих биотопов.

Ключевые слова: гигантский олень, морфология, распространение, поздний плейстоцен, Минусинская котловина.

D. G. Malikov

GIANT DEER *MEGALOCEROS GIGANTEUS* BLUMENBACH, 1799 — A RARE BUT COMMON SPECIES OF THE MAMMOTH FAUNA OF THE MINUSINSK DEPRESSION

Abstract. The article attempts to summarize all known data on the distribution of giant deer *Megaloceros giganteus* in the Minusinsk Depression. In terms of size, Late Pleistocene giant deer of the Minusinsk Depression were rather large and massive animals close to *Megaloceros giganteus giganteus* of southern Western Siberia. The species inhabited the Minusinsk Depression throughout the Late Pleistocene. The small number of remains is probably due to the low abundance of the species in the region, due to the lack of a large number of suitable habitats.

Keywords: giant deer, morphology, distribution, Late Pleistocene, Minusinsk depression.

Введение

Большерогие олени, или мегацерини — триба Megacerini Viret, 1961 семейства Cervidae Goldfuss, 1820 — одна из доминирующих групп ископаемых млекопитающих позднего кайнозоя Евразии. Эти олени широко известны благодаря гигантскому, или ирландскому оленю *Megaloceros giganteus* Blumenbach, 1799, обитавшему в Евразии в плейстоцене – начале голоцена. В отличие от представителей Cervini Weber, 1928, процветающих в современных фаунах, разнообразие мегацерин резко сократилось на рубеже плейстоцена и голоцена, и они полностью вымерли в начале голоцена, оказавшись менее приспособленными к новым условиям. Последние *M. giganteus* существовали в рефугиумах в Ирландии, на юге Урала, Западной Сибири и в Приангарье [Вислобокова, 2012; van der Plicht et al., 2015].

В позднем плейстоцене вид *M. giganteus* был широко распространён в Европе и на юге Западной Сибири [Lister, Stuart, 2019]. В позднеплейстоценовых местонахождениях юга Сибири его остатки составляют 1,5–6,7 % от общего количества фаунистических остатков [Shpansky et al., 2016; Васильев, 2005, 2021]. А порой встречаются и находки в виде целых черепов и даже скелетов [Шпанский, 2011, 2014].

Одним из наименее изученных регионов распространения вида *M. giganteus* в Сибири является Минусинская межгорная

котловина. Котловина располагается на юге Средней Сибири и состоит из системы впадин, разделённых поднятиями субширотного простирания. В подавляющем большинстве местонахождений региона, как пещерных, так и аллювиальных и палеолитических, остатки вида полностью отсутствуют [Абрамова и др., 1991; Оводов, 1992, 2009]. А в тех немногочисленных местонахождениях, где отмечены находки *M. giganteus*, они представлены единичными костями [Дроздов и др., 2005; Маликов, 2015]. Первая и до недавнего времени единственная радиоуглеродная датировка по остаткам *M. giganteus* была опубликована только в 2019 году в ходе масштабного обобщения, посвящённого хронологии вымирания вида [Lister, Stuart, 2019]. В предлагаемой работе приводятся данные об известных находках вида в регионе, распространении и радиоуглеродной хронологии гигантских оленей Минусинской котловины.

Материал и методы

В работе обобщены фактические материалы, собранные автором в период экспедиционных работ 2011–2022 гг., музейные и литературные данные по гигантским оленям Минусинской котловины. Музейные материалы изучались в коллекциях Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова (далее МКМ), Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова (далее ХНКМ), Зоологического музея Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (далее ЗМ ХГУ) и Палеонтологического музея Томского государственного университета.

Сравнение черепа (экз. МКМ 7207/65) оленя из Минусинской котловины с черепами из других местонахождений проводилось по методике измерений и расчётов индексов, применённой И. А. Вислобоковой [1990]. Измерение посткраниальных остатков производилось в соответствии с общепринятой методикой [von den Driesch, 1976]. Измерения производились штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. В случае повреждений костей (сломы, погрызы) брались не полные замеры, тогда перед цифровым выражением промера ставился символ “>”. Если кость имеет не-

значительные повреждения и размер взят приблизительно, ставится символ “~”.

Описание остатков гигантских оленей

Род *Megaloceros* Brookes, 1827 – Большерогие олени

Megaloceros giganteus Blumenbach, 1799 – Большерогий олень

Материал и местонахождения. Череп (экз. МКМ 7207/65) и фрагмент основания рога (экз. МКМ 7207/176) — Минусинская котловина, точное место неизвестно. Фрагмент рога (экз. ЗМХГУ 6279) — Красноярский край, Куртак. Фрагмент рога (экз. МКМ 7207/172) и зуб m3 (экз. МКМ 7207/3) — Республика Хакасия, Узунжул. Фрагмент рога (экз. ХНКМ КП НВФ 3387) — Республика Хакасия, п. Заповедная. Фрагмент нижней челюсти (экз. МКМ 9437/23) — Красноярский край, Краснотуранск. Плюсневая кость (экз. ЗМХГУ 6428) — Красноярский край, Новосёлово аллювиальное. Астрагал (ПМ ТГУ 22/103) и пяточные кости (ПМ ТГУ 22/105, 22/121) — Красноярский край, з-в Талгат и п. Черёмушки.

Череп (экз. МКМ 7207/65) хорошей сохранности, отсутствуют носовые и межчелюстные кости. Облитерация лобных и теменных швов полная. На черепе сохранился левый рог и основание правого. Размах рогов составляет примерно 2,15 м (двойное расстояние от кончика сохранившегося рога до лобного шва). Расстояние между основаниями рогов (105 мм) больше, чем у гигантских оленей юго-востока Западной Сибири (*M. g. ruffi* Nehring, 1891 — 75–92 мм; *M. g. giganteus* Blumenbach, 1803 — 68–78 мм [Шпанский, 2014]). Длина зубного ряда у экз. МКМ 7207/65 составляет 165 мм (~33% длины черепа), что близко к значениям, характерным для *M. g. ruffi* (33,6–34,9 %), и заметно крупнее, чем у *M. g. giganteus* (30–30,5 %). Рог у экз. МКМ 7207/65 достаточно крупный, штанга резко загибается назад и вверх на незначительном расстоянии от розетки. Ствол рога переходит в лопату достаточно полого (угол ~180°), только кончик лопаты круто (угол ~105°) загибается вверх. Пальцевидные отростки на лопате длинные и хорошо развитые (сохранилось 5 шт.), расположены по переднему краю, на задней стороне сохранился

только один отросток у основания лопаты. Наибольшая длина рога по прямой, от розетки до конца самого удалённого отростка, составляет 1160 мм, наибольшая ширина лопаты превышает 300 мм. Оценить степень развитости надглазничных отростков не представляется возможным, поскольку оба отростка обломаны у основания.

Для сравнения использованы опубликованные данные по черепам гигантских оленей из разновозрастных местонахождений юго-востока Западно-Сибирской равнины [Шпанский, 2014]. По большинству параметров размерные характеристики черепа гигантского оленя из Минусинской котловины соответствуют оленям подвида *M. g. giganteus* позднего неоплейстоцена Казахстана (табл. 1). Хотя по некоторым параметрам (промеры 5, 7, 22, 26, 30, индексы 5а, 7, 10а) экземпляр МКМ 7207/65 сопоставим с *M. g. ruffi*.

По мнению А. В. Шпанского [Шпанский, 2014], наибольшее различие между подвидами *M. g. giganteus* и *M. g. ruffi* характеризуют промеры 1, 6, 7, 12, 16, 17, 19, 21, 22, 26 и индексы 2, 4, 12а, 16, 17а, 18а, 19а, 20а. Данные показатели демонстрируют два важных признака: удлинение лицевой части и сокращение длины зубного ряда для *M. g. giganteus* позднего плейстоцена, по сравнению с *M. g. ruffi* среднего плейстоцена [Шпанский, 2011]. Поскольку большинство из наиболее показательных индексов невозможно рассчитать для черепа из Минусинской котловины, построение графика по индексам не представляется возможным. Построение кривой по промерам черепа (рис. 1) оленя из Минусинской котловины имеет сходство с обоими подвидами. Но по большинству параметров и общему виду кривой экз. МКМ 7207/65 оказывается ближе к *M. g. giganteus* позднего плейстоцена юго-востока Западной Сибири.

Таблица 1. Размеры черепов *Megaloceros giganteus* с территории Южной Сибири

Промеры (мм)	МКМ 7207/65	Комиссарово, ККМ 51/129	Тригорьевка				Джабул КП 7191
			МП ПП		ПМ ТТУ		
			№582	1175	б/н	№55/1	
			<i>M. giganteus ruffi</i> *				
1. основная длина черепа	>455(~500)	530	510	518	>450(~500)	-	465
2. длина анатомической оси мозгового отдела от basion до interorbitale	210	-	250	265	260	-	-
3. длина анатомической оси лицевого отдела от prosthion до interorbitale	>230	-	320	330	>310(~335)	-	320
4. наибольшая ширина черепа (на уровне глазниц)	255	250	>250	270	>270	-	260
5. наибольшая ширина затылка	175	198	210	200	200	-	210
6. затылочная ширина черепа	185	215	205	212	>190	-	200
7. ширина лицевого отдела в области сужения	~100	101	84	84	90	84	84
8. теменная длина от затылочного гребня до лобного шва	165	-	116	136	130	-	130
9. лобная длина от лобного шва до носовых костей	230	-	190	200	190	-	200
10. высота затылка наибольшая	120	130	120	150	127	-	120
11. высота черепа от sphenobasion до лобного шва	~160	-	160	170	160	-	160
12. высота лицевого отдела от interorbitale до заднего края зубного ряда	~135	-	118	120	132	-	~132
13. высота костного входа в нос	-	-	78	66	71	77	64

14. длина костного входа в нос	-	-	65?	110(158)	>75(~125)	>100	76
15. расстояние от prosthion до передней точки орбиты в области слёзно-скулового шва	>180	-	255	295	>250(~275)	>250	295
16. расстояние от basion до передней точки орбиты в области слёзно-скулового шва	~205	-	215	230	205		200
17. расстояние от альвеолы P2 до prosthion		132	127	139	>117(~170)	>135(~160)	160
18. расстояние от заднего края альвеолы M2 до prosthion		309	302	314	>260(~310)	>237	305
19. длина зубного ряда	165	174	178	174	150	144	142
20. расстояние от хоанальной вырезки до prosthion	-	282	299	302	>250(~300)	>262	295
21. зароговая ширина черепа	111	130	120	114	119	-	114.5
22. расстояние между основаниями рогов внутри	105	92	84?	75	68	-	78
23. поперечный (горизонтальный) диаметр основания рога	70	77/82	69.5	73/78	73/76	-	91
24. длина основания рога по внутреннему краю	35.6	-	44	31	41	-	40
25. высота/ширина выхода затылочного отверстия	-	40/34	45/37	43/41	42/40.5	-	~45
26. ширина затылочных мышечков	103	110	108	106.5	116	-	118
27. размах рогов наибольший	~2150	>1665	>1500	-	-	-	~3500
28. длина рога наибольшая по большей кривизне	1360	-	?	-	-	-	1700

29. длина рога по хорде	1160								
30. диаметр розетки переднезадний/поперечный	129/123								
Индексы (%)									
1. длина мозгового отдела 2:1	~42	-	49.0	51.2	52.0	-	-	-	-
2. длина лицевого отдела 3:1	-	-	62.7	63.7	67.0	-	-	-	68.8
3. соотношение мозгового и лицевого отделов 2:3	-	-	78.1	80.3	77.6	-	-	-	-
4. наибольшая ширина черепа 4:1	~51	47.2	49.0	52.1	54.0	-	-	-	55.9
5a. ширина затылка 5:1	~35	37.4	41.2	38.6	40.0	-	-	-	45.2
6a. заглазничная ширина 6:1	~37	40.6	40.2	40.9	>38.0	-	-	-	43.0
7. ширина морды в области сужения 7:1	~20	19.1	16.5	16.2	18.0	-	-	-	18.1
8a. теменной длины 8:1	~33	-	22.7	26.3	26.0	-	-	-	28.0
9a. лобной длины 9:1	~46	-	37.3	38.6	38.0	-	-	-	43.0
10a. высота затылка 10:1	~24	24.5	23.5	29.0	25.4	-	-	-	25.8
11a. высота черепа в точке bregma 11:1	~32	-	31.4	32.8	32.0	-	-	-	34.4
12a. высота лицевого отдела в interorbitale 12:1	~27	-	23.1	23.2	26.4	-	-	-	~28.4

* – Шпанский, 2014

Таким образом, сравнение размеров и пропорций черепа гигантского оленя с территории Минусинской котловины с оленями юго-востока Западной Сибири показывает его существенное сходство с *M. g. giganteus* из позднего неоплейстоцена местонахождения Джамбул. В то же время наблюдаются и некоторые отличия в размерах и пропорциях этих оленей. Так, при схожих размерах у черепа из Минусинской котловины существенно короче мозговой отдел (инд. 1 = 42 %, у Казахстанского = 52 %), в то время как на лобную часть черепа приходится почти половина его длины (инд. 9 = 46 %; у особей из Григорьевки и Джамбула = 38 и 43 %). Также сам череп менее массивен (инд. 4 = 51 %, 5а = 35 %, 6а = 37 %; Казах-

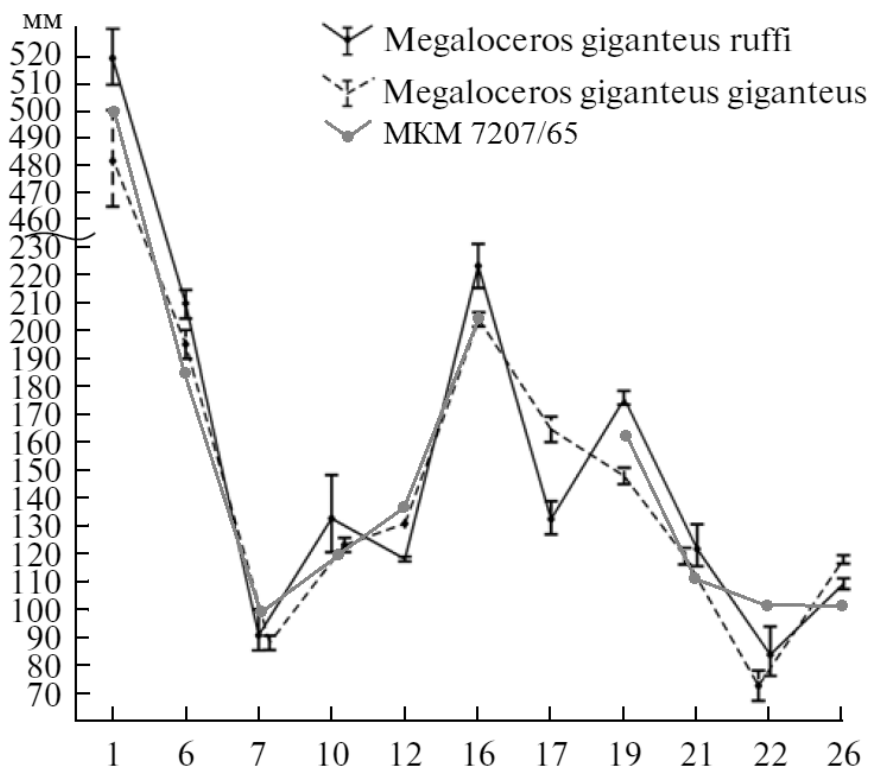

Рис. 1. Сравнение черепов гигантских оленей юго-востока Западно-Сибирской равнины, по промерам, с обобщением для подвигов [по данным: Шпанский, 2014] и для экземпляра MKM 7207/65. Промеры соответствуют таблице 1.

стан: 4 = 54, 55,9 %, 5а = 40, 45,2 %, 6а = >38, 43 %), но обладает более широкой мордой (инд. 7 = 20 %; Казахстан 18, 18,1 %).

Отдельно следует отметить, что череп оленя из Кемеровской области, относимый к подвиду *M. g. ruffi*, по указанным параметрам также отличается от оленей того же подвида из Казахстана (у Кемеровского инд. 4 = 47,2, 5а = 37,4, 6а = 40,6, 7 = 19,1 %; у Казахских 4 = 49, 52,1, 5а = 41,2, 38,6, 6а = 40,2, 40,9, 7 = 16,5, 16,2 %). Возможно, эти отличия носят популяционный характер, и для более северных популяций гигантского оленя характерны более крупные размеры, в сравнении с животными, обитающими в южных регионах. Однако, какие-либо выводы на данном этапе преждевременны.

Также в коллекции имеются три фрагмента рогов. Два — это фрагменты сброшенных рогов (ЗМ ХГУ 6279; ХНКМ КП НВФ 3387), ещё один — это основание рога с фрагментом черепа (МКМ 7207/176). У первого образца (ЗМ ХГУ 6279) сохранилась штанга и основание рога, лопата обломана в месте расширения от штанги. Надглазничный отросток отсутствует, основание отростка уплощённое, располагается непосредственно над розеткой. Рог светло-серого цвета, местами протравлен корневой системой растений. Второй образец (ХНКМ КП НВФ 3387) аналогичного строения и сохранности, но без корневой сетки, что обусловлено его находкой в пещере [Маликов, Митченко, 2022]. Третий образец (МКМ 7207/176) сохранился хуже, вместе с рогом сохранился фрагмент черепной кости, ствол рога обломан непосредственно за надглазничным отростком.

Поверхность штанги рогов покрыта редкими, параллельными её изгибам бороздами. Обхват розетки первого (ЗМ ХГУ 6279) рога составляет 252 мм, передне-задний диаметр розетки — 91 мм, боковой — 62 мм. Обхват розетки второго (ХНКМ КП НВФ 3387) рога — 343 мм, передне-задний диаметр розетки — 110 мм, боковой 100,8 мм. Обхват розетки третьего (МКМ 7207/176) рога — 310 мм, передне-задний диаметр розетки — 105 мм, боковой — 96 мм. Эти рога меньшего размера, чем рог на

черепе МКМ 7207/65. Обобщив информацию по черепу и рогам гигантских оленей Минусинской котловины, можно заключить, что в позднем неоплейстоцене в регионе обитал гигантский олень, относимый к подвиду *M. g. giganteus*, размерные характеристики черепа и рогов у которого были немного больше, чем у оленей, населявших юго-восток Западной Сибири.

Фрагмент правой нижнечелюстной кости (МКМ 9437/23) с сохранившимися m2-3. Зубы сильно стёрты и повреждены, горизонтальная ветвь повреждена, в результате чего сложно оценить её истинную высоту и массивность. Коронки зубов имеют прямоугольные очертания. Ввиду большой стёртости зубов жевательная поверхность выровнена и параллельна альвеолярному краю горизонтальной ветви, а не находится под углом, как у молодых животных. На буккальной стенке m2 имеется небольшой добавочный столбик, не затронутый стиранием. Не исключено, что добавочный столбик был и на m3, однако в этом месте зуб повреждён.

Тело челюсти оленя из Краснотуранска менее широкое, чем у оленей юго-востока Западной Сибири (табл. 2), но челюсть более высокая по сравнению с другими особями вида, поскольку в нижней части кости не хватает значительного фрагмента. Однако полноценное сравнение не представляется возможным, из-за того что образец повреждён. По размерам коренных зубов и ширине горизонтальной ветви образец из Краснотуранска наиболее близок экземплярам казанцевского возраста [Васильев, 2005] из Красного Яра Новосибирской области.

Правая плюсневая кость (ЗМ ХГУ 6428) коричневого цвета, с глубокими следами травления корнями растений. На поверхности кости имеются глубокие трещины, в результате чего кость была сломана пополам, в дальнейшем склеена. Кость длинная и массивная (табл. 3). Проксимальная суставная поверхность субквадратной формы, все фасетки хорошо развиты. Серединный жёлоб на краниальной стороне диафиза хорошо развит, у дистального конца заканчивается отверстием для питательного канала.

Таблица 2. Размеры нижних челюстей гигантских оленей Южной Сибири.

Промеры (мм)	Красноту- ранск МКМ ОФ 9437/23	Шпанский, 2014				Васильев, 2005
		Павлодарская область		р. Кондома (Кемерово- вская обл.)	Красный Яр (Томская обл.)	Красный Яр (Новосибир- ская обл.)
		Григорьев- ка	Джамбул			
Высота тела у м3	>55,0	62,5	57,0	53,5	61,0–63,0	53,5–63,0
мах толщина тела	~30,0	38,0	40,0	41,0	39,0–39,5	33,5–41,2
m2	Длина	30,0	–	30,5	26,5	32,7–34,0
	Ширина	22,0	–	–	20,0	21,5–23,0
m3	Длина	41,0	41,5	39,0	40,0	42,0–45,0
	Ширина	20,0	21,5	–	23,0	19,0–28,0
						20,6–24,3

По размерам и массивности плюсневая кость гигантского оленя из Новосёлово соответствует наиболее крупным особям, обнаруженным на территории Западной Сибири (в Новосибирской и Томской областях), и заметно превосходит кости, обнаруженные как в Казахстане, так и на территории Восточной Европы. Таким образом, размер плюсневой кости подтверждает предположение, высказанное на основании размеров черепа и рогов, о том, что гигантские олени Минусинской котловины были более крупными, чем олени из Казахстана.

Астрагал (ПМ ТГУ 22/103) и две пяточные кости (ПМ ТГУ 22/105, 22/121) уже описывались А. В. Шпанским [Шпанский, 2011]. Размерные характеристики этих костей подтверждают относительно крупные размеры гигантских оленей Минусинской котловины, а также их существенную массивность. Можно заключить, что гигантские олени позднего плейстоцена Минусинской котловины были достаточно крупными и массивными животными. Размерные характеристики исследованных образцов превосходят размеры остатков наиболее крупных животных, известных с территории Павлодарского Прииртышья. Но они незначительно уступают в размерах экземплярам из Томской и Новосибирской областей. Возможно, такие различия имеют популяционный характер и могут быть объяснены действием правила Бергмана. Большие размеры и массивность северных (Кемеровская область) популяций гигантского оленя в сравнении с южными (Казахстан)

наблюдаются и для *M. giganteus ruffi* среднего плейстоцена юго-востока Западной Сибири.

Таблица 3. Размеры плюсневых костей гигантских оленей различных регионов.

Промееры (мм)	Новосёлово, ЗМ ХТУ 6428	Томская область		Красный Яр, Новосибирская область [Васильев, 2005]	Павлодарская область		Камышов, Свердловская обл. [Павлова, 1908]	Восточная Европа [Свистун, 1968]	
		Шпанский, 2011	Алексеева, 1980		Железинка [Кожамкулова, 1969]	Джамбул [Шпанский, 2014]		Сапожок, Рязанская обл.	Романково, Украина
1. GL	385,0	371,5–391,0	>364,0	351,0–369,6–385,0	–	375,0	360,0	355,0	344,0–349,0
2. Вр	65,0	56,0–64,6	63,0	54,5–60,6–68,4	50,0	64,8; 67,8	64,0	65,0	60,0–61,0
3. Dp	69,0	59,5–65,0	>63,0	58,5–66,3	57,0	67,4; 68,8	–	69,0	–
4. SD	42,7	37,0–40,0	40,0	34,0–37,3–39,8	33,0	36,6; 37,6	38,5	39,0	38,6–43,8
5. CD	50,7	34,0–44,6	45,0	–	43,0	–	–	50,0	44,0–46,0
6. Bd	73,0	74,0–75,0	72,0	70,1–73,1–78,8	–	70,0; 71,6	70,0	76,0	69,0–78,0
7. Dd	48,0	47,0–48,0	>46,0	42,3–48,3	–	44,8; 45,4	–	51,0	44,0–46,0
Индексы (%)									
2:1	16,8	16,0–17,4	–	16,4	–	18,0; 18,3	17,8	18,3	17,4
4:1	11,1	10,2–10,5	–	10,1	–	9,8; 10,0	10,7	11,0	11,0–12,7
6:1	18,9	18,9–20,2	–	19,8	–	18,7; 19,1	19,4	21,7	19,9–22,6

Обсуждение

Информация о распространении *Megaloceros giganteus* в Минусинской котловине до сих пор крайне скудна. В настоящее время остатки этого вида известны из 11 местонахождений [Дроздов и др., 2005; Мотузко и др., 2010; Поляков и др., 2018; Маликов, 2015; Маликов, Митченко, 2022], большая часть которых не датирована. Одной из возможных причин этого можно считать малое количество подходящих биотопов. Согласно современным представлениям о биологии вида, *M. giganteus* обитал в биотопах с высокой первичной продуктивностью и развитой древесной и кустарниковой растительностью (разреженные леса, биотопы на границе леса и степи или границе леса и перигляциальной тундростепи и др.). Излюбленными местообитаниями *M. giganteus*, вероятно, были и заросли по берегам водоёмов и краям болот. Эти олени могли проникать достаточно далеко в прилежащие биотопы. Из своих основных биотопов они могли заходить в тундру

или более плотный лес. Для обитания *M. giganteus* подходила достаточно ровная или слабо холмистая местность с «парковой растительностью», разреженными деревьями и кустарниками и хорошо выраженным подростом и высокой сочной (луговой) травой, примыкающая к более залесенным участкам, где можно было укрыться от хищников или побыть «на отстое» [Вислобокова, 2012]. Одно из возможных объяснений малого количества остатков *M. giganteus* в Минусинской котловине — это тот факт, что подавляющее большинство местонахождений относится к зоне распространения тундростепных и сухостепных ландшафтов. Такая ландшафтная структура реконструируется как по палинологическим, так и по фаунистическим данным [Пуминов, Сафарова, 1968; Абрамова и др., 1975; Васильев и др., 2001; Дроздов и др., 2005; и др.]. Лесные же биомы в регионе, вероятно, были распространены по склонам горных хребтов и крупным речным долинам. Именно к предгорным районам тяготеет большинство обнаруженных остатков (рис. 2). Таким образом, поиск местонахождений в предгорьях может дать новые находки и позволит уточнить биологию и распространение вида в регионе.

Ещё одна проблема в оценке распространения вида в регионе — это хронология обитания и вымирания. Непосредственно для *M. giganteus* было получено только 4 датировки для трёх костей (табл. 4), две из которых показали запредельный возраст (экз. ЗМ ХГУ 6428). Две другие кости показали сартанский возраст остатков [Lister, Stuart, 2019; Маликов, Митченко, 2022].

Таблица 4. Результаты ^{14}C датирования остатков *Megaloceros giganteus* Минусинской котловины.

№		Местонахождение	Кость	^{14}C возраст, ВР	Лаб. шифр	Публикации
1		Новоселово аллювиальное (ЗМ ХГУ 6428)	metatarsale	>48 281	UBA-41722	Эта статья
2			metatarsale	>50 000	NSKA-02213	Эта статья
3		Пещера Заповедная	antler	17 200±340	COAH-9817	Маликов, Митченко, 2022
4		Волчиха 2	antler	13 395±55	OxA-20256	Lister, Stuart, 2019

Отдельного обсуждения заслуживает находка предположительно наиболее позднего гигантского оленя в регионе со стоянки Ирба-2 (11 300–12 550 [Поляков и др., 2018]). Согласно описанию авторов находки (там же), на стоянке обнаружен обломок основания сброшенного рога крупного оленя. Диаметр основания ниже розетки составляет 84 мм, такой размер позволяет предполагать его принадлежность виду *Megaloceros giganteus*, диаметр основания рогов у которого в регионе достигал 129 мм (см. выше). В то же время рога плейстоценовых благородных оленей *Cervus elaphus* L., 1758 Минусинской котловины могли достигать столь же крупных размеров: 63,5–104 мм [Васильев, Оводов, 2013; Маликов, 2015]. Таким образом, нельзя полностью исключать принадлежность этого рога крупной особи *C. elaphus*, что отмечают и сами авторы статьи [Поляков и др., 2018].

Если же остатки со стоянки Ирба-2 действительно принадлежат гигантскому оленю, а возраст остатков из отложений молодых логов в Дербинском заливе (~10 000 л. н. [Мотузко и др., 2010]) идентичен радиоуглеродным датировкам (полученным по остаткам других видов), то можно полагать, что гигантский олень дожил на территории Минусинской котловины как минимум до границы голоцена и плейстоцена. Возможно, что гигантские олени продолжали обитать в регионе и в раннем голоцене, на это указывают находки голоценового возраста [van der Plicht et al., 2015]: в Барабинской степи (7 865±40 (GrA-56935) и др.) и в Приангарье (9 235±40 (GrA-56936) и др.). Не исключено, что эти находки представляют части единого ареала, в который входила и территория Минусинской котловины [van der Plicht et al., 2015, fig. 6]. Однако подтверждений этому пока нет; осложняет ситуацию и то, что в регионе практически отсутствуют пограничные плейстоцен-голоценовые и ранне-голоценовые памятники.

Заключение

Изучение немногочисленных изолированных остатков *M. giganteus* из Минусинской котловины позволило в первом приближении охарактеризовать их морфологические особен-

остатки могут быть отнесены к подвиду *Megaloceros giganteus giganteus*. В то же время малочисленность материалов не позволяет говорить о том, насколько значимы были эти различия.

Обобщение информации о распространении вида в регионе показало, что *M. giganteus* обитал в Минусинской котловине на протяжении всего позднего плейстоцена. Малочисленность остатков, вероятно, обусловлена малой численностью вида в регионе по причине отсутствия большого количества подходящих биотопов. Пока нет возможности говорить о времени вымирания вида в регионе. С одной стороны, самые молодые остатки имеют возраст 16,1 т. л. н., но с другой, есть недатированные остатки из более поздних отложений. Кроме этого, территория Минусинской котловины могла являться частью единого Сибирского рефугиума в раннем голоцене.

Благодарности

Автор благодарен сотрудникам Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова, Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова, Зоологического музея Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова и Палеонтологического музея Томского государственного университета, за возможность изучить материалы. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 21-77-00029, <https://rscf.ru/project/21-77-00029/>.

Список литературы:

Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф. Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Абрамова З. А., Ермолова Н. М., Левковская Г. М. Палеолитическое поселение Кокорево II на Енисее // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука. – С. 5–22.

Алексеева Э. В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири (хищные, хоботные, копытные). М.: Наука, 1980. 188 с.

Васильев С. А., Каспаров А. К., Свеженцев Ю. В. Крупные млекопитающие раннего, среднего и позднего плейстоцена Новосибирского

Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. Т. 3(7). – С. 26–30.

Васильев С. К. Олени (рода *Megaloceros*, *Cervus*, *Alces*) позднего плейстоцена Новосибирского Приобья // Фауны Урала и Западной Сибири в плейстоцене и голоцене. – Челябинск: Изд-во Рифей, 2005. – С. 89–112.

Васильев С. К. Крупные млекопитающие раннего, среднего и позднего плейстоцена Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2021. Т. 27. – С. 66–73.

Васильев С. К., Оводов Н. Д. Благородный олень (*Cervus elaphus* cf. *sibiricus*) в позднем плейстоцене и голоцене юга Западной и Средней Сибири // Зоологический журнал. – 2013. Т. 92. № 9. – С. 1031–1045.

Вислобокова И. А. Ископаемые олени Евразии. Тр. ПИН АН СССР. 1990. Т. 240. 208 с.

Вислобокова И. А. История большерогих оленей (*Megacerini*, *Cervidae*, *Artiodactyla*). Тр. ПИН РАН, Т. 293. М.: ГЕОС, 2012. 103 с.

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртаковского геoarхеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. 112 с.

Кожамкулова Б. С. Антропогеновая ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. 150 с.

Маликов Д. Г. Крупные млекопитающие среднего-позднего неоплейстоцена Минусинской котловины, стратиграфическое значение и палеозоогеография // Дисс. кандидата геолого-минералогических наук. Томск, 2015. 227 с.

Маликов Д. Г., Митченко А. М. Пещера Заповедная — новое местонахождение плейстоцен-голоценовой фауны млекопитающих в Минусинской котловине (Южная Сибирь) // Геосферные исследования. – 2022. № 1. – С. 87–97.

Мотузко А. Н., Васильев С. Ю., Ваишков А. А., Еленский Ю. Н., Кравченко Е. Н., Орешников И. А. Мамонт и мамонтовая фауна позднего плейстоцена северных районов Минусинской котловины // Материалы VI Международной мамонтовой конференции. – Якутск, 2010. – С. 139–149.

Оводов Н. Д. Состав антропогеновой дикой териофауны юга Прие-

нисейской Сибири // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск. 1992. – С. 190–197.

Оводов Н. Д. Древние звери Хакасии // Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск, 2009. – С. 189–199.

Павлова М. В. Послетретичные жвачные Екатеринбургского музея // Записки Уральского Общества любителей естествознания. – Екатеринбург, 1908. Т. 27. – С. 81–94.

Поляков А. В., Амзараков П. Б., Васильев С. А., Рыжов Ю. В., Корнева Т. В., Сапелко Т. В., Барышников Г. Ф., Бурова Н. Д., Гиря Е. Ю., Ямских Г. Ю. Стоянка финального палеолита Ирба-2 в предгорьях Саян (предварительные итоги исследований) // *Stratum plus*. – 2018. № 1. – С. 383–401.

Пуминов А. П., Сафарова С. А. Спорово-пыльцевые спектры и Кайнозойская история Минусинского межгорного прогиба // «Неогеновые и четвертичные отложения Западной Сибири». – М.: Наука, 1968. – С. 76–88.

Свистун В.И. Фауна позднеантропогеновых млекопитающих Романковского аллювиального местонахождения // Природная обстановка и фауны прошлого. – 1968. Вып. 4. – С. 3–56.

Шпанский А. В. Гигантские олени *Megaloceros giganteus* (Blum.) (Mammalia, Artiodactyla) юго-востока Западно-Сибирской равнины // Бюллетень МОИП. Отдел геологический. – 2011. Т. 86. № 1. – С. 30.

Шпанский А. В. Скелет гигантского оленя *Megaloceros giganteus* (Blumenbach, 1803) (Mammalia, Artiodactyla) из Павлодарского Прииртышья // Палеонтологический журнал. – 2014. № 5. – С. 81–98.

Lister A. M., Stuart A. J. The extinction of the giant deer *Megaloceros giganteus* (Blumenbach): New radiocarbon evidence // *Quaternary International*. – 2019. V. 500. – P. 185–203.

Shpansky A. V., Svyatko S. V., Reimer P. J., Titov S. V. Records of Bison *priscus* Bojanus (Artiodactyla, Bovidae) skeletons in Western Siberia // *Russian Journal of Theriology*. – 2016. V. 15 (2). – P. 100–120.

Van der Plicht J., Molodin V. I., Kuzmin Y. V., Vasiliev S. K., Postnov A. V., Slavinsky V. S. New Holocene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus*)

Blum.) in Siberia: updated extinction patterns // Quaternary Science Reviews. – 2015. V. 114. – P. 182–188.

Von den Driesch A. A guide to the measurements of animals bones from archaeological sites // Peabody Mus. Bull. 1976. № 1. 136 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Маликов Дмитрий Геннадьевич,

старший научный сотрудник,

Институт геологии и минералогии

им. В. С. Соболева СО РАН,

кандидат геолого-минералогических наук,

Новосибирск, Россия

e-mail: dgmalikov@igm.nsc.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Malikov Dmitriy Gennad'yevich,

Cand. Sci. (Geol.–Miner),

Senior Researcher, V. S. Sobolev Institute of Geology
and Mineralogy SB RAS.

Novosibirsk, Russia

e-mail: dgmalikov@igm.nsc.r

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ СИБИРИ

УДК 94 (47). 084. 3

А. П. Шекшеев

ЕЩЁ РАЗ О «ШАРЫПОВСКОМ ДЕЛЕ», ИЛИ О КРАСНОМ БАНДИТИЗМЕ В АЧИНСКОМ УЕЗДЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Данная статья освещает события красного бандитизма в одном из уездов Енисейской губернии. Автор утверждает, что они начались здесь в мае 1920 г., а зимой и весной 1921 г. приобрели массовый и жестокий характер. Крупные репрессии коммунистов и милиционеров против якобы «контрреволюционного» населения совершались не только в с. Шарыпове, но и в инородческих местностях. Являясь типичными, они способствовали росту повстанчества и расколу местных сторонников советской власти на лиц, продолжавших использовать методы военного коммунизма, и тех, кто стремился к разумным отношениям с крестьянством.

Ключевые слова: Ачинский уезд, банды, инородцы, коммунисты, красный бандитизм, крестьяне, милиционеры, ревтрибунал, самосуды, советская власть.

Sheksheev Alexander Petrovich

ONCE AGAIN ABOUT THE SHARYPOV CASE, OR ABOUT THE RED BANDITRY IN THE ACHINSK DISTRICT OF YENISEI PROVINCE

Annotation. This article highlights the events of the red banditry

that took place in one of the counties of the Yenisei province. The author claims that they began here in spring of 1920, and in winter and spring of 1921 they acquired a massive and violent character. Major repressions of communists and policemen against the allegedly “counter-revolutionary” population were committed not only in the village of Sharypov, but also in foreign localities. Being typical, they contributed to the growth of the insurgency and the split of local supporters of the Soviet government into those who continued to use the methods of war communism, and those who sought reasonable relations with the peasantry.

Keywords: Achinsk district, gangs, foreigners, communists, red banditry, peasants, policemen, revolutionary tribunal, lynching, Soviet power.

Феномен красного бандитизма неоднократно изучался в трудах региональных историков [Шишкин, 1992; Угроватов, 1999; Тепляков, 2000; Шекшеев, 2021]. Распространённый прежде всего в бывших партизанских районах Сибири, он представлял совершаемые сторонниками советской власти в лице милиционеров и членов первых коммунистических ячеек расправы над местной интеллигенцией, советскими служащими и инородцами, которые затем обвинялись в «контрреволюционных» деяниях. Крупным событием в этом ряду явилось так называемое «шарыповское дело» о массовом давлении жителей с. Шарыпово Ачинского уезда Енисейской губернии, ставшее известным благодаря обращению свидетелей во ВЦИК и лично к В. И. Ленину. Его научное освещение было выполнено историком В. И. Шишкиным [Шишкин, 1993 а, b]. Позднее статьи этого автора, написанные по этой теме, были дополнены публикацией письменных источников [Письма во власть в годы новой экономической политики..., 2020].

Между тем это «дело» состояло не только из названного преступления, а объединяло широкий круг событий, совершённых буквально рядом, с небольшой разницей во времени и одними и теми же участниками. Они оказались

схожими по своей обусловленности, характеру и воздействию на общество. Судебное рассмотрение всех случаев красного бандитизма, имевших место в местностях Ачинского уезда, осуществлялось Енисейским губернским революционным трибуналом (ГРТ).

Впервые это явление возникло здесь весной 1920 г., что было обусловлено рядом причин. Новая власть воплощалась в коммунистических ячейках, организуемых с приходом частей Красной Армии и с возвращением домой бывших партизан. Местная политическая жизнь складывалась из поведения, например, крестьян д. Васильевки Ужурского района, прозванной местными острословами «дворцами на семи жердях». Образованная в начале XX в. переселенцами из Орловской и Курской губерний, она считалась колчаковцами «большевистской», а в советское время её жители были «обобраны» бандой «до нитки». С целью получения винтовок для самозащиты 40 местных крестьян организовали ячейку. «Не расставаясь» с ними целый год, они связи с райкомом РКП(б) не поддерживали и характеризовались его работниками в качестве «анархистов-партизан» [ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 227; Д. 139. Л. 181].

Некоторые деревенские коммунисты «вырезались» бандитами или бежали от них в более крупные селения, а сами ячейки распадались. Так, созданная весной 1920 г. и состоявшая из 20 членов Сорокинская ячейка после угроз местного повстанца в панике разоружилась и перестала существовать. К ноябрю того же года в Ачинском уезде из РКП(б) вышли 140 человек, оставшиеся же сплотились в отряды, действия которых становились всё более жестокими [ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 100. Л. 227; Д. 271. Л. 78; Д. 281. Л. 70, 84; Д. 699. Л. 334].

Правопорядок на территории уезда, согласно постановлению местного партийно-советского руководства, с 5 января 1920 г. осуществляло управление уездной милиции, которое объединяло 569 служащих. Весной того же года её штаты были заполнены лишь на треть, а большинство милиционеров

составляли бывшие партизаны [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 21; Д. 297. Л. 194; Бойко, 2021, с. 89], т. е. лица с устоявшейся классовой оценкой происходившего.

Поэтому с распространением советской власти вглубь территорий нередко происходили преступления и безобразия, осуществляемые её представителями. Пьянствуя, начальник 2-го участка уездной милиции, его помощник и рядовой милиционер без нужды стреляли, насильно захватывали подводы и реквизировали имущество населения. Действуя по распоряжению уездной чека, милиционеры Пашковский и Титов неудачно пытались арестовать священника с. Божье Озеро Кызыльской волости. 14 мая эти же лица, выехав на задержание конокрадов, попали в засаду. Произведённым залпом Титов был убит сразу, а Пашковский отстреливался, получил ранение и скончался. Вскоре после этого здесь объявилась банда из бежавших в тайгу девяти инородцев [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 68, 105, 125, 141; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 16; Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 157. Л. 7; Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 35].

С целью совершения обысков у лиц, подозреваемых в бандитизме, в улусы этой же волости 27 мая из с. Шарыпово прибыли 10–12 милиционеров во главе с М. М. Чуприным¹. Угрожая расстрелом, они начали отбирать у населения имущество и продукты, а жителей Балахчинского и Тартачинского улусов подвергли избиению [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 18; Д. 303. Л. 1, 25].

Создав отряд самоохраны, бывшие партизаны из улуса Косой

¹ Чуприн М. М. – 1898 г. рождения, из крестьян Ужурской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, семейный, окончил двухклассное училище, работал сапожником. После событий в Кызыльской волости переведён помощником начальника 6-го участка уездной милиции. За истязания арестованных в 1920 г. получил условное наказание. По декабрьскому 1921 г. приговору Енисейского ГРТ находился на принудительных работах в Ачинском доме лишения свободы (ДЛС). Согласно амнистии, срок заключения был сокращён с пяти до двух условных лет. 8 февраля 1922 г. умер в заключении от сыпного тифа [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 19; ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 106; Д. 303. Л. 25, 32].

Ложок организовывали порки и ограбления местных инородцев. Жители селения Большой Ключ были напуганы милицией так, что восприняли приезд ответственных работников из Ачинска в качестве повода для их наказания и чуть не бежали в тайгу. Когда разобрались, то в улусах к приезжим обратились многие жители с жалобами на милицейские обыски и избиения. Подобное поведение было характерно для милиционеров, посещавших селения с русским населением. В Шарыповской волости, например, они применяли к крестьянам нагайки и приклады винтовок [ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 152, 184, 189–190].

Советское правосудие не оставило без внимания майские 1920 г. события в Кызыльской волости. 5 февраля 1921 г. следователь Енисейского ГРТ постановил виновных предать суду. Но, вследствие того, что подследственные лица и свидетели находились на «фронте борьбы с бандитизмом», а двое даже погибли, рассмотрение этого дела затягивалось. Позднее, 22 мая, заседание ГРТ по этому делу из-за неявки части обвиняемых было ещё раз отложено [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 19; ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 303. Л. 1, 10].

Понятно, что такая судебная практика не могла остановить, например, начальника милиции Подсосенской волости Михалёва, который в декабре 1920 г. занимался конфискацией крестьянского имущества вплоть до обуви, одежды, посуды и белья [ГАКК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 371. Л. 9]. Среди лиц, считавших себя властью, были председатель Чебаковской коммунистической ячейки А. Ковригин², члены её Т. Белобородов, Е. Васильев, А. Кукарцев

² Ковригин А. Е. (1890, Ачинский уезд Енисейской губернии – ?) — из мещан, русский, семейный, образование домашнее. С 12 лет работал на руднике «Богомдарованный». С 1912 г. — военнотруженик, участник Первой мировой войны, инвалид. Вновь трудился на руднике, заведовал центральными складами в Чебаках. Весной 1918 г. организовал отряд Красной гвардии. С падением советской власти был арестован, но по протесту увечных воинов освобождён. Будучи ещё раз арестованным, три месяца находился в тюрьме. С весны 1919 г. — член партизанского отряда. Подвергался аресту и на восемь месяцев был заключён в тюрьму. Освободившись в феврале 1920 г., вступил в РКП(б), организовал комячейки на руднике и в Чебаках. С 1921 г. — командир коммунистической роты,

и др., которые считали себя «пострадавшими от Колчака» и восполняли свои потери и обиды самочинными арестами бывших сторонников белой власти и конфискациями их имущества. Секретарь волостного ревкома, не позволивший партийцам расхитить имущество бежавшего золотопромышленника Иваницкого, обвинялся ими в «контрреволюционности», а после ареста был вынужден уйти с работы. Ковригин же вывез «добро», изъятое у жителей улусов, на трёх парах лошадей [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 16, 19; ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 18, 21].

Начав с избиения и ограбления населения, такие коммунисты и милиционеры не останавливались и перед более серьёзными преступлениями. Арестовав в улусе Белый Балахчин в прошлом дружинника и участника свержения первой советской власти Степана (или Ивана) Ачисова, пятеро должностных лиц, в т. ч. помощник начальника районной милиции А. Ильин, милиционеры А. Кукарцев и П. Терещенко, избивая, вывезли его в Чебаки, где в декабре 1920 г. или в январе 1921 г. задавили [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 111; Д. 256 б. Л. 18, 24].

Появление в этих местностях остатков крестьянского повстанчества и, в частности отряда подполковника Олиферова, с боями прорывавшегося через Ачинский и Минусинский уезды в Урянхай [Шекшеев, 2016; Ермолаев, 2020], осложнило обстановку. Коммунистические, милицейские и красноармейские отряды Будиса, Дзерво, Ковригина, Монахова, Перевалова, Твенкая, Черепанова и др. преследовали вырвавшихся из окружения повстанцев, а также инородческие общества, сочувствовавшие и поддерживавшие

батальона особого назначения (ОН), преследовавшего банды Олиферова, Базаркина и Соловьёва. Проходил по «шарыповскому делу», обвинялся в злоупотреблении служебным положением и в участии в самосудах, был приговорён к пяти годам заключения, которые по амнистии ему заменили двумя годами условного наказания. По требованию следователя Верховного трибунала при ВЦИКе от 22 декабря 1922 г. разыскивался органами в качестве обвиняемого. Больным малярией его обнаружили в с. Шошино Кочергинской волости Минусинского уезда. В августе 1923 г. был освобождён из Минусинского местзак. Автор опубликованных воспоминаний [За власть Советов на юге Сибири..., 1968, с. 50–54] [Шекшеев, 2006, с. 396–397].

банды. Оказавшись бессильными справиться с немногими местными «бандитами», партийцы и милиционеры проявляли здесь особую «свирепость»: врываясь в улусы и требуя немедленной выдачи этих людей, они «разогнали» целые деревни, а в селениях Тайдонов и Агаскыр расхитили всё имущество и избили жителей [ГАНУ. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 151. Л. 53].

Как правило, эти лица брали лошадей у инородцев якобы во временное пользование, но не возвращали. К примеру, в улусах Аёшин, Малый Топанов, Малый Кобежилов, Ефремкино и Трошкино взятыми оказались 30 лошадей. Шарыповский милиционер мобилизовал восемь коней, не оформив соответствующих документов [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 26].

Посетив уже в августе 1921 г. селения Кызыльской волости, специальная комиссия обнаружила поступившие от жителей 23 заявления о невозвращении им лошадей и сёдел. В других селениях красноармейцы брали буквально всё имущество вплоть до рубашек [МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 265. Л. 9].

Карательные меры предпринимались как командованием отрядов, так и местным руководством. Так, молодые чебаковские партийцы Н. И. Тютеев и В. П. Оглачев встретили инородца М. П. Итыгина, обозвавшего их «молокососами и убийцами». Оскорблённые, они, с согласия Ковригина, застрелили этого человека. Расследовав это дело, помощник уполномоченного уездного политбюро 6 декабря 1921 г. постановил отдать их под суд Енисейского ГРТ [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 в. Л. 2–4, 20].

Избранный председателем Кызыльского волостного исполкома (ВИКа) и местной коммунистической ячейки, А. А. Тартачаков³ вскоре, по свидетельству очевидцев, увлёкся карточной

³ Тартачаков Антоний Алексеевич (1894, улус Костино Кызыльской волости Ачинского уезда Енисейской губернии – ?) — по национальности хакас, семейный, член Божьеозёрской коммунистической ячейки. После падения советской власти в 1918 г. был арестован. Находился четыре месяца в Новониколаевской тюрьме. Зимой 1921 г. был избран председателем Кызыльского ВИКа. Обвинялся в самосуде и насилии над гражданами [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 ж. Л. 62].

игрой и пьянством. В ночь на Рождество Христово (1921 г.) находившаяся в помещении исполкома кампания милиционеров и членов ячейки с. Божье Озеро в составе его, И. Е. Васильева, И. И. Кукарцева и др. удушила двух инородцев и изнасиловала женщин [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 ж. Л. 14–15].

Получив информацию, что население улусов Малое и Чёрное Озеро снабжало банду Олиферова оружием и продуктами, а инородцы из Агаскыра выдали ей местного партийца, Тартачаков приказал расстрелять и удавить от 23 до 28 жителей [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 ж. Л. 59]. Лично волостной комиссар, названный в документе Леонидом Тартачаковым, душил людей и спускал их в озеро, заставлял коммунистов топить людей [ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 10. Л. 100]. Не стеснялся он, угрожая оружием, изъять бутылку денатурата у проезжавшего фельдшера, а у жительницы — жеребца [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 ж. Л. 46–47].

Позднее, в июне 1921 г., в озёрах у селений Божье Озеро и Парная всплыли восемь трупов, опознанные жителями как односельчане, исчезнувшие ещё зимой. Объезжавшая эти места комиссия установила, что в одном из озёр по-прежнему плавают тела погибших людей [МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 265. Л. 8]. Арестованный Тартачаков признался, что удавил и побросал в озеро 10–15 жителей улуса Чёрное Озеро [ГАНУ. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 151. Л. 53].

Значительными были человеческие потери и в шарыповских событиях, которые получили значительное освещение в письмах и донесениях должностных лиц и очевидцев во властные учреждения. Впервые информация о происшедшем в с. Шарыпове прозвучала в докладе начальника уездной милиции и заведующего политбюро П. Е. Пруцкого⁴

⁴ Пруцкий Пётр Ефремович (1894, с. Большой Вьяс Большевыясской волости Саранского уезда Пензенской губернии — после мая 1944 г.) — из крестьян, русский, окончил 4 класса сельской школы. С конца 1908 г. служил в волостном правлении. Переехав в Сибирь с семьёй, в начале 1912 г. поселился в Мало-Камалинской волости Канского уезда Енисейской губернии. Затем проживал в д. Таранчет Анцирской

председателю Ачинского уездного исполкома (УИКа) 17 февраля 1921 г. В нём он сообщал, что части Восточной группы войск, сосредоточенной против банды Олиферова, не смогли помешать ей прорваться с Татъянинского прииска в район селений уезда — Яковлево, Сорокино и др. После кровопролитных боёв, окружения и нового прорыва бандиты, уходившие в южном направлении, прошли мимо с. Шарыпово, где «контрреволюционно настроенное» население разложило костры для их встречи, и дважды обстреляли его защитников. При этом ранение в руку получил и сам главный милиционер. Поэтому здесь подверглись аресту от 40 до 65 крестьян. Из них 25 — были отпущены, а прочие из-за недостатка имеющихся для охраны села красноармейцев — расстреляны [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 д. Л. 27–29 об.].

волости, являлся сельским и волостным писарем. После Февральской революции 1917 г. призван в армию. Служил в 14 Сибирском запасном полку, который дислоцировался в Красноярске. По утверждению Пруцкого, избирался в полковой комитет на должность секретаря, а затем в Красноярский совет рабочих и солдатских депутатов, где входил в солдатскую секцию. После демобилизации уехал в Толстухинскую волость Канского уезда, где служил секретарём волостного совета и организовал дружину. В июне 1918 г. участвовал в работе крестьянского съезда Канского уезда, на котором был избран членом уездной земской управы и до марта 1919 г. исполнял должность её секретаря. Был арестован белыми властями и заключён в Красноярскую тюрьму. Находясь в ней, 7 апреля и 16 июня 1919 г. написал на имя управляющего Енисейской губернией заявления с просьбой об освобождении. Убеждал, что являлся поборником колчаковской власти, обещал содействие в подавлении крестьянских восстаний, просил освободить с правом поступления добровольцем в армию, милицию или отряд ОН. Из заключения освобождён после восстановления советской власти. Служил помощником комиссара Красноярской тюрьмы, начальником милиции Красноярского уезда, железнодорожной милиции, а с января 1921 г. — Ачинской уездной милиции и заведующим политбюро. Являлся членом уездных комитета РКП(б) и исполкома советов. В начале 1921 г. участвовал в подавлении крестьянского повстанчества. В середине февраля оказался причастен к арестам и убийствам в с. Шарыпово. В конце июля был арестован. В декабре 1921 г. осуждён Енисейским ГРТ к расстрелу, который заменили пятилетним заключением и лишением права занимать ответственные должности. Через несколько месяцев досрочно освобождён из заключения. В начале Великой Отечественной войны проживал в Шадринском районе Курганской области. В марте 1942 г. был призван в армию и служил в звании старшины на полевом складе 5-й ударной армии [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 92; **Шекшеев, 2006**, с. 459; Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 94–95].

Будучи свидетелем этих событий, помощник начальника 8-го района уездной милиции М. Н. Петренко⁵ 29 марта 1921 г. доложил инструктору-ревизору советских учреждений уезда Т. Панову об убийстве шарыповскими милиционерами комсомольца М. А. Иосифовича. Тот пытался доложить в уездные органы о самосудах и был удушен по приказу местного милицейского начальника С. М. Назарова⁶ [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 г. Л. 6].

Против самосудов выступал и комсомолец В. Мешков. Когда ему пригрозили арестом, он вступил бойцом в кавалерийский эскадрон воинской части. Но по возвращении домой его арестовали. В письме в советские органы, написанном 22 апреля, он сообщал, что власти в Шарыпове продолжали осуществлять «ежедневные аресты и убийства». В селении были распространены винокурение и ночные грабежи покинутых жителями домов [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 8–9].

Согласно утверждению того же Шишкина, первое письмо о событиях в Шарыпове было написано неким «грамотеем» от имени местных жительниц Т. И. Веселковой и М. З. Лобановой в адрес ВЦИКа РСФСР 25 апреля 1921 г. В нём они сообщали об исчезновении 15 февраля нескольких десятков арестованных

⁵ Петренко Моисей Никитович (Николаевич) (1888, с. Преображенское Тяжино-Вершинской волости Мариинского уезда Томской губернии — ?) — из крестьян, русский. Образование — начальное. По профессии — механик. Беспартийный. До конца 1919 г. работал на Ленских приисках. С начала 1920 г. проживал в с. Чебаки Кызыльской волости Ачинского уезда, где занимал должность секретаря сельского ревкома. Затем служил в милиции Ачинского уезда (Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 94).

⁶ Назаров Степан Макарович (1883, д. Марьясово Ужурской волости Ачинского уезда Енисейской губернии — ?) — из крестьян, русский. Образование — домашнее. Член РКП(б). Участник Первой мировой войны. В конце 1917 — первой половине 1918 г. работал на ст. Чернореченская. После восстановления советской власти был избран старшим милиционером Ужурской волости. В июле 1920 г. переведён помощником начальника милиции 5-го района, с начала 1921 г. служил начальником милиции 8-го района Ачинского уезда. Назывался одним из главных организаторов и виновником самосуда в с. Шарыпово. В декабре 1921 г. был приговорён Енисейским ГРТ к ВМН, заменённой пятилетним заключением. Через несколько месяцев был досрочно освобождён [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 96].

крестьян и обнаружении через 25 дней их трупов со следами верёвки на шее. По их мнению, оснований подвергнуть их мужей репрессиям не было: они являлись бедняками, сочувствовавшими советской власти, выполнявшими её задания и имевшими сыновей, служивших в Красной Армии. Они просили ВЦИК для «разоблачения ужасных и кошмарных произволов» прислать в секретном порядке следственную комиссию. 16 мая 1921 г. с этим письмом ознакомился член Президиума и секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе [Шишкин, 1993 а, с. 153–155].

По другим же данным, документом, направленным во ВЦИК РСФСР и рассказывающим о событиях, явился рапорт Панова и Петренко, который последовал 25 апреля того же года. Они сообщали, что 12 февраля 1921 г. в с. Шарыпово, согласно доносу двух членов ВИКа Ф. А. Васинского и В. Т. Гайдено, председателя комячейки М. Ф. Баландина и её члена Ф. Т. Прокудина, по обвинению в неблагонадёжности были помещены в народный дом 40 местных крестьян. В ночь на 15 февраля арестованные, будучи, по объяснению милиции, якобы отправленными в Ачинский ДЛС или бежавшими в банду, исчезли. Но затем трупы 34–35 человек, задушенных и дополнительно расстрелянных, были обнаружены в четырёх — пяти верстах от Шарыпово. Произошёл полный подрыв авторитета советской власти, писали заявители; напуганные крестьяне и даже коммунисты, бросая свои хозяйства и ячейки, бежали в Ачинск, в тайгу и в банды. Обратившись с просьбой во ВЦИК о командировании следственной комиссии и указав, что во главе самосудов был начальник уездной милиции, Петренко и Панов просили свой рапорт сохранить в «строгой тайне», а расследование провести «секретно» [Письма во власть в годы новой экономической политики..., 2020, с. 14–15].

В письме Панову от 2 мая 1921 г. Петренко впервые назвал имя главного участника удушения шарыповских крестьян — Пруцкого [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 20]. Продолжавший собирать сведения о ша-

рыповском деле Панов 5 мая 1921 г. получил заявление от милиционера И. Д. Леонова⁷, в котором тот доложил, что аресты 12–13 февраля производились по распоряжению Пруцкого, Назарова и братьев Переваловых. Пруцким же был инициирован и обстрел с. Шарыпова разведкой банды, в ходе которого он будто бы получил ранение в руку. Устроив стрельбу и колокольный звон, члены комячейки и милиционеры затем приступили к уничтожению арестованных крестьян. В одной из комнат ВИКа на шею посаженной на табуретку и допрашиваемой жертвы двое милиционеров — П. Терещенко⁸ и И. Пахомов — набрасывали петлю и давили. Таким способом, по мнению заявителя, были задушены 40 человек. Обнаруженные населением, убиенные были с привлечением красноармейцев одного из кавалерийских эскадронов похоронены в общей могиле [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 21–22].

16 мая 1921 г. Петренко написал заявление в адрес председателя Совнаркома (СНК) РСФСР В. И. Ленина. Одновременно 27 мая тот же Енукидзе потребовал от Енисейской губернской чека «произвести тщательное расследование по существу изложенного и принять надлежащие меры. О результатах расследования и о принятом решении — сообщить ВЦИКу в срочном порядке» [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 16, 97]. 6 июня заявление Петренко поступило в канцелярию приёмной СНК, а 24-го — по личному указанию Ленина управление делами этого органа направило в Наркоматы внутренних дел и юстиции, а также в ВЧК служебные записки о создании специальной комиссии для производства

⁷ Леонов Иван Дмитриевич — бывший крестьянин д. Парная Кызыльской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, русский, младший милиционер 8-го района. В декабре 1921 г. был осуждён Енисейским ГРТ к ВМЗ. Но так как он ещё в мае сообщил властям о самосуде и сотрудничал при раскрытии преступления, расстрел заменили условным лишением свободы на пять лет [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 97].

⁸ Терещенко П. Д. — 1900 г. рождения, из крестьян, русский, неграмотный, кандидат в члены РКП(б). С марта 1918 г. состоял в красногвардейском, затем партизанском отряде, судился за избивание инородцев [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 г. Л. 19].

следствия и сообщения его результатов в СНК. 4 июля копии заявления Петренко и служебной записки СНК, сопровождаемые письмом-инструкцией наркома юстиции РСФСР Д. И. Курского, поступили в отдел юстиции Сибирского революционного комитета (Сибревкома). В письме предлагалось командировать на место происшествия чрезвычайную сессию ревтрибунала и провести судебный процесс [Шишкин, 1993 а, с. 156].

Самосуд в Шарыпове не был единичным в отношениях милиции с населением. Например, 17 февраля 1921 г. начальник 3-го участка Ачинской уездной милиции М. А. Огарёв и его подчинённые П. Н. Казаков и А. П. Софьин в с. Малый Улуй арестовали некоего В. Соколова и отправили его в Ачинск. При попытке к бегству он был застрелен, а обнаруженная у него денежная сумма исчезла. Дело, принятое к расследованию уполномоченным Ачинского политбюро, было прекращено [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 326. Л. 12].

Наблюдавшийся в с. Балахта саботаж изъятия продразвёрстки происходил по инициативе местных сельсоветчиков и коммунистов. 15 марта толпа из 500 вооружённых вилами крестьян, кричавших «Долой коммунистов, хлеба не дадим!», рассеялась только после того, как милиционеры и продотрядовцы сделали несколько залпов в воздух. По этому делу были арестованы 90, но в Ачинское политбюро увезли только 18 «зачинщиков». Из них двое коммунистов, почему-то намеревавшихся бежать, якобы по секретному приказу Пруцкого и с участием начальника 4-го района милиции И. Н. Злотникова были убиты. 23 июня дело балахтинских крестьян было направлено в ГРТ [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 120; Д. 342. Л. 63, 68, 76–77, 109].

Находясь в начале апреля 1921 г. с отрядом в д. Айдашка Покровской волости и допрашивая крестьян о нахождении банды, начальник 2-го района уездной милиции Н. О. Неверкович тех из них, что упорно молчали, выводил за поскотину и инсценировал расстрел. Принявшие следствие по этому делу чекисты в августе отправили его на рассмотрение ГРТ, который 22 ноября оправдал данного человека [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 369. Л. 8–9, 22, 31].

16 апреля 1921 г. улусы Аёшин и Малый Топанов Кызыльской волости посетил командир Чебаковского отряда Ковригин со своими людьми. Требуя «поймать банду в две недели», он угрожал жителей «побить», а улусы — «сжечь». Узнав об имевшемся у инородца Ф. П. Топанова бинокле и заподозрив его в связях с бандой, начальник потребовал прибор себе. Когда же тот, отказавшись подчиниться и следовать за Ковригиным в качестве арестованного, начал выкрикивать ругательства, то последний застрелил этого человека [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 158; Д. 256 б. Л. 23; Д. 256 е. Л. 26].

Беспричинные убийства не только запугивали население, но и, получая широкую огласку, возмущали инородцев. Такую реакцию вызвало среди них поведение бойцов из отряда Монахова, которые 2 мая зарубили возвращавшегося домой Н. Балахчина из одноимённого улуса [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 29].

Отряд Сервина, Посетивший на следующий день в поисках банды улус Сулеков, расположился в доме И. Чарочкина. Не обнаружив у него искомые оружие и золото, красноармейцы конфисковали имущество, которое хозяин выменял на домашнюю скотину. Несмотря на просьбы матери о помиловании, Сервин расстрелял Чарочкина. Следуя примеру командира, его подчинённые в отсутствие жителей ломали замки на их избах и изымали всяческую имущественную мелочь. Они ходили по селению, отбирая у встречных всё, что привлекало их внимание, в частности снимали с женских рук золотые и серебряные кольца. Примерно то же самое красноармейцы совершали, запугивая родственников беглецов расстрелами, например, в улусе Агаскыр [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 24 об.].

Прибывший 11 мая с курорта «Озеро Шира» в улус Аёшин воинский отряд во главе со старшиной Будисом открыл стрельбу по юрте и коновязным столбам. После обыска в доме В. Д. Кокова красноармейцы с изъятymi вещами повезли арестованного в сторону курорта. 13 мая его труп был обнаружен в горах недалеко от железнодорожной станции [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 27]. В тот же день в милицию поступило заявле-

ние от жителей улуса Ашколь, которые сообщили, что Ковригин с отрядом, определив им недельный срок поиска бандитов, страшил угрозой расстрела [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 28].

К терроризированию населения вскоре перешёл и коммунистический отряд М. Х. Перевалова⁹, человека популярного среди бывших партизан, но крайне жестокого и мстительного. Так, разведясь с жительницей с. Шарыпово, он организовал арест и убийство её отца. Разъезжал Перевалов на кровном жеребце, угнанном и подаренном ему товарищами.

Расположившись было в Саралинском улусе, его отряд в поисках банды 19 мая перебрался на Тёплую Речку. Но оставленный на горе пулемётчик несколько раз начинал стрельбу по собирающимся

⁹ Перевалов Михаил Харитонович (1891, с. Итат Мариинского уезда Томской губернии – 1937, Москва) — из крестьян, русский. Малограмотный. Окончил церковно-приходскую школу, служил писарем в волостной управе. С 1913 или 1914 г. — на военной службе, унтер-офицер. Участник Первой мировой войны. Демобилизовавшись в феврале 1918 г., вернулся домой, где был избран военным комиссаром. В мае 1918 г. возглавил красногвардейский отряд, выступивший на Мариинский фронт. После антибольшевистского переворота ушёл в тайгу и полтора года командовал партизанским отрядом. В конце 1919 г. участвовал во взятии п. Маклаково и г. Енисейска. Осенью 1920 г. организовал отряд из бывших партизан, преобразованный в коммунистический батальон ОН, с которым участвовал в борьбе с крестьянским повстанчеством. Своей деятельностью заслужил характеристику товарищей: «Перевалов — человек безусловно преданный Советской власти, но способный, не моргнув глазом, вырезать 600 контрреволюционеров». За красный бандитизм, проявленный на территории Шарыповской и Кызыльской волостей Ачинского уезда, в декабре 1921 г. был приговорён к расстрелу, затем помилован. Освобождён из заключения в январе 1923 г. В 1925 г. в Чебаковском районе Хакасского уезда создал группу из коммунистов и бывших партизан, пытавшуюся действовать под лозунгом «Бей бюрократов!» и разоружённую органами. С 1926 г. служил директором Мариинского леспромхоза, заведующим отделом коммунального хозяйства Мариинского городского исполкома. С 1928 г. — член ВКП(б). В 1932 г. переехал в Москву, где работал старшим комендантом жилищной секции, а затем директором школы взрослых при завкоме Дорхимзавода. Написал и опубликовал воспоминания «Таёжные партизаны» (М.: Мол. гвардия, 1933). По слухам, которые имели хождение среди бывших партизан, спивался, водил дружбу с И. Я. Стродом, в прошлом красным командиром, анархистом и писателем, который в пьяном виде грозился убить И. В. Сталина. 22 февраля 1937 г. был арестован. Обвинялся «в подготовке террористических актов и участии в контрреволюционной организации». 2 сентября того же года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу. Реабилитирован в августе 1957 г. [Шекшеев, 2006, с. 450–451; 2021, с. 364; Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 95].

гражданам, что не позволяло им обсуждать важные вопросы. На следующий день в селение приехали четверо переваловцев, которые, выдавая себя за повстанцев, потребовали продуктов. Вернувшиеся 21 мая члены отряда Перевалова, взломав запоры на жилищах разбежавшихся инородцев, взяли у одного из них вещи, а у другого — 50 пудов муки, семенного зерна и овса [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 3, 5, 30].

Такое поведение представителей советской власти обострило обстановку настолько, что вынудило инородцев к самоорганизации в форме общественных сходов. Собравшиеся резко критиковали поведение отрядов, а участники одного из собраний назвали окружение Перевалова «шайкой грабителей» [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е. Л. 30]. Состоявшийся 5 июня 1921 г. в улусе Тартачинский Объединённый инородческий съезд собрал до 110 делегатов от обществ и проходил в присутствии членов ячеек и под председательством заведующего национальным отделом и члена Ачинского УИКа Г. П. Маеркова.

С целью обособления от русского населения его участники постановили отделить селения Кызыльской волости от Чебаков, создать в составе Минусинского уезда Чёрно-Подкаменскую волость с административным центром в улусе Подкамень. Принятая резолюция содержала пункт об организации в волостях инородческой конной милиции, состоявшей из «белых партизан», а также просьбы к властям оказать помощь голодающему населению и вернуть людям отнятых лошадей. Наконец, съезд обратился к инородцам, находившимся в банде, с просьбой возвращаться домой. Его участники, «умоляя» этих людей «первыми положить конец творимому беззаконию», «ручались», что не выдадут их для самосуда, а разорённые хозяйства будут восстанавливать общими усилиями и с возвращением властями конфискованного имущества.

Проведение съезда, согласно наблюдениям очевидцев, способствовало «поднятию духа инородцев». Распространённое воззвание о добровольном выходе бандитов из тайги и сложении ими оружия было воспринято населением положительно.

Но двое инородцев, решивших сдаться, были убиты коммунистами, что ещё раз подорвало доверие населения к советской власти. Однако благодаря присутствию на Сарале отряда Лыткина из войск внутренней охраны (ВОХР), взявшего на себя соблюдение порядка, лиц, покидавших тайгу, становилось всё больше. Рассказывая об этом в письме в президиум Ачинского УИКа от 16 июня, Панов просил товарищей не пускать «террористов» в инородческий район.

Однако срочно посетивший его территорию Пруцкий заявил, что Панов и Маерков обходятся с инородцами, как с «малыми детьми, которые, обещая выйти, водят их за нос», и, пригрозив арестом, потребовал прекращения «агитации». Несмотря на запрет этого «палача», данные лица, встречаемые «ликующим» населением, продолжали поездки по инородческим селениям, фиксируя всплывавшие трупы казнённых жителей. Добившись переписки с Соловьёвым, они организовали его встречу с делегатами, назначенными съездом [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 16, 23, 25, 27].

Вследствие того, что он не пользовался «пониманием» у местных властей, Маерков 18 июня обратился в отдел национальностей Сибревкома (Сибнац) с письмом, в котором объяснял сложившуюся ситуацию так. Инородцы, рассказывал он, — это «дети природы, не знающие ... просвещения» и даже того, «к какому племени принадлежат». Их с детства запугивали русскими людьми, легко переходящими к битью. Въехав на инородческую территорию, последние организовали вооружённые властью комячейки, которые начали притеснять коренное население. Рассматривая его как «бандитское», партийцы и милиционеры стали расстреливать инородцев, спускать их в прорубь или озеро. В результате самые бедные из них и даже саралинские коммунисты бежали в тайгу, где образовали банды. Одна из них во главе с казаком И. Н. Соловьёвым к маю 1921 г. выросла до 60 членов. Погони за бандитами, устраиваемые отрядами общей численностью до 500 человек, оказались безрезультатными. Поэтому Маерков

просил Сибнац разоружить комячейки, убрать отряды и наказать «террористов», выделить инородческую волость, охраняемую собственной милицией или присланным «мусульманским» отрядом, вернуть инородцам отобранное охотничье оружие и, наконец, утвердить протокол инородческого съезда [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 35, 36, 38].

Между тем Пруцкий, не предупредив участников съезда об окончании переговоров с бандой, направил в район её нахождения подчинённые ему отряды Перевалова, Мошкова и Ковригина. Отряд Перевалова, сменивший отряд Лыткина на Сарале, вновь начал обыски жилищ инородцев, ружейную и пулемётную стрельбу. Запуганные инородцы стали покидать селение. Приехавший в Подкамень, начальник районной милиции Черепанов приказал сельсовету предоставить отряду Перевалова подводы и 50 верховых лошадей, угрожал председателю арестом и расстрелом. 30 июня, прибыв в Тёплую Речку и собрав жителей, партийцы требовали выловить бандитов, а в противном случае угрожали их убить и дома сжечь. После этого 12 бывших бандитов, явившихся добровольно, вновь ушли в тайгу [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 16, 22–23 об., 42].

В ситуации, когда во всех раскрытых контрреволюционных организациях и ликвидированных бандах чекисты обнаруживали лиц, служивших в милиции, губернское партийное руководство предложило своим уездным комитетам организовать в районах, «заражённых бандитизмом», переброску милиционеров и создание краткосрочных курсов [ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 158. Л. 1]. Всё более накалялась обстановка и вокруг самосудов. Деятельность отряда Перевалова вызвала негативную реакцию со стороны уездных аппаратчиков: 21 июня 1921 г. объединённое заседание президиумов Ачинского уездного комитета (УК) РКП(б) и УИКа обратилось с просьбой к партийно-советскому руководству губернии откомандировать Перевалова за пределы региона. Он был переведён на работу в Ачинск на должность заместителя заведующего отделом управления УИКа [Шишкин, 1993 а, с. 158].

Партийное руководство в Красноярске решилось и на более серьёзные меры. 3 июля 1921 г. пленум губкома объявил о реорганизации милиции, а через день его президиум утвердил план этого действия. Губернская милиция, насчитывавшая более 3 тыс. сотрудников, должна была сократиться до 1,1 тыс. [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 40; Д. 113. Л. 75; Бойко, 2021, с. 89]. 15 июля президиум Енисейского губкома (ГК) РКП(б) заслушал доклад Маеркова о деятельности милиционеров и членов комячеек Ачинского уезда, которая вызвала бегство инородцев в горы и леса, и решил для расследования этого явления послать на место руководителя губернской чека [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113. Л. 79].

Между тем грабежи и убийства в инородческом районе продолжались. Согласно сообщению от 27 июля 1921 г., появившиеся в улусе Малый Тайдонов члены отряда Гусева, загнав жителей в два дома, полностью его разграбили. У почтового агента конфисковали обнаруженные деньги, самовар, тулупы, дохи, сапоги, потники, масло, спички, а также 17 аршин мануфактуры. Награбленное было поделено между членами отряда. Кроме того, партийцами и красноармейцами из отрядов Ковригина и Елизарьева вблизи улуса Половинка и деревни Парная были убиты четверо местных жителей [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 46–47]. Для расследования злоупотреблений, чинимых воинскими частями, и устройства публичного разбирательства состоявшееся 3 августа 1921 г. заседание президиума Енисейского ГК партии направило в Ужурский район комиссию Г. И. Итыгина¹⁰ [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 39].

¹⁰ Итыгин Георгий Игнатьевич (1873, с. Чебаки Ачинского уезда Енисейской губернии – 1928, Новосибирск) — из крестьян, хакас, окончил учительские семинарию (1892), институт (1918, Красноярск) и курсы при Московском государственном университете. Учитель. Член РСДРП с 1917 г. В 1918 г. арестовывался. С 1919 г. — в Черемховском районе Иркутской губернии председатель ревкома и начальник хозяйств коммунистического отряда, с 1920 г. — председатель комиссии железнодорожных культурно-просветительных учреждений в Красноярске, хакасской секции Енисейского губернского отдела народного образования (ОНО), выездной сессии губревтрибунала и комиссии по ликвидации бандитизма. С

К следствию подключился начальник Енисейской губернской милиции, которому Петренко 26 июля доложил о том, что инициатива провести в Шарыпове «чистку» принадлежала Пруцкому, а высказана она была ещё 5 февраля 1921 г. В самосудах приняли участие, кроме него, начальник районной милиции Назаров, его помощник Г. Ф. Малахов, трое братьев Переваловых, милиционеры В. А. Аржанников, И. Бондаренко, И. Ботов, К. Вохминцев, И. Жамкин, А. Кукарцев, А. Нефедкин, Пахомов, Г. и С. Соломины, Терещенко, Чуприн и П. Шаров, члены ВИКа Васинский и Гайдено, коммунисты Баландин, Прокудин и Яковлев. Руководству был представлен и список из 23 арестованных и убитых граждан с. Шарыпово, д. Береш, Кадат, Темры, Усть-Парная Шарыповской волости, с. Скрипачи Берёзовской волости и д. Парная Кызыльской волости.

Кроме того, Петренко заявил об аресте и удавлении помощником начальника районной милиции Чуприным и старшим милиционером Шаровым врача Шарыповской больницы Валика, а также об аресте и расстреле при отправке в Ачинск восьми местных крестьян [Шишкин, 1993 а, с. 155; ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 7, 13].

Расследовавший эти события председатель губернской чека Р. К. Лепсис¹¹ 9 августа 1921 г. на президиуме Енисейского

января 1924 г. — председатель Хакасского уездного ревкома, с ноября того же года — УИКа, а с ноября 1925 г. — окружного исполкома. Избирался членом Хакасского уездного и окружного комитетов ВКП(б). С 1925 г. — член Енисейского губисполкома (ГИКа), затем — Сибкрайисполкома. В 1927–1928 гг. — председатель совета по просвещению национальных меньшинств в крае. Умер от тифа [Шекшеев, 2006, с. 380–382; Папков, 2021, с. 228–229].

¹¹ Лепсис Роберт Кришьянович (1896, г. Рига — 1940, Москва) — латыш, имел среднее образование. Большевик с 1917 г. В 1920 г. — член коллегии Омской губчека, председатель военно-полевого трибунала. С 29 сентября 1920 по 19 февраля 1922 г. — председатель Енисейской губернской чека. Затем служил на руководящих постах в правоохранительных органах и в пограничной охране, возглавлял Высшую пограничную школу ОГПУ, был помощником начальника Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. Почётный чекист. В ознаменование 15-летия пограничной охраны награждён орденом Красного Знамени. С 1938 г. — пенсионер. Арестован 27 апреля 1938 г. 19 января 1940 г. по обвинению в деятельности латышской шпионско-вредительской организации приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМЗ. Реабилитирован в июле 1956 г. [Шекшеев, 2021, с. 604].

ГК партии докладывал, что они носят «чисто уголовный характер». Возникший же среди инородцев бандитизм был обусловлен полным отсутствием у них понимания целей и задач коммунистического и советского строительства, их «ужасной темнотой и невежеством», насильственным насаждением ячеек, а главное злоупотреблениями правительственных отрядов. Находившийся на заседании член итыгинской комиссии заявил, что при наличии прежнего состава милиции бандитизм не будет искоренен [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 50-51].

12 августа сведения об этих событиях дополнились заявлением служащего управления Анжерских каменно-угольных копей П. А. Горбулева, поступившего в адрес президиума ВЧК. С его слов, во время прохождения вблизи Шарыпово банды Олиферова местная комячейка и милиция, имея счёты с крестьянами, симулировали обстрел его окраины, произвели аресты, избиения 80 жителей, часть из которых была затем задушена и спрятана в болото. Инициаторами этого самосуда назывались сотрудник Ачинского политбюро Подгора (или Подгара) и Перевалов [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 40].

В конце августа 1921 г. из Красноярска в Ачинск поступило несколько распоряжений об откомандировании Перевалова в губернский центр. 28 августа он получил информацию от местного милицейского руководства и чекистов о готовящемся его аресте, доставке в Красноярск и осуждении к высшей мере наказания [Шишкин, 1993 а, с. 159; Олех, 1999, с. 108]. Решив переждать и отсидеться, Перевалов проигнорировал эти директивы и созвал своих сторонников, служивших в воинских частях и советских учреждениях. Собравшиеся квалифицировали распоряжение губернского центра об аресте Перевалова как происки «белогвардейцев» и решили обратиться к коммунистическим ячейкам, милиционерам и бывшим партизанам с воззванием, призывавшим очистить советские учреждения от лиц, примазавшихся к РКП(б). На следующий день Перевалов вместе с начальником районной милиции

Злотниковым, выехав из Ачинска, направился в сторону Назарово и Шарыпово, распространяя среди населения это воззвание. Оно завершалось указанием пунктов сбора, куда ко 2 сентября должны были собраться его сторонники, и перечнем фамилий командиров, которые должны были возглавить боевые отряды [Шишкин, 1993 а, с. 160].

Однако призывы переваловцев не встретили массового отклика среди населения, милиция же Ачинского уезда наполовину просто дезертировала [ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 156. Л. 51]. Те же, что остались на службе в инородческом районе, с 30 августа получили нового начальника — П. Г. Конопелько, опытного милицейского командира, переведённого из Минусинского уезда [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113. Л. 96].

Вокруг Перевалова собрались лишь 150-200 сторонников, в т. ч. 80 коммунистов [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 110. Л. 15; Шишкин, 1993 а, с. 161]. Лозунги этого путча быстро менялись. В Ачинске и Назарово его главной причиной называлась борьба с «гадами» и «белогвардейцами», пробравшимися в советские органы. В Шарыпове, куда Перевалов 29 августа прибыл с отрядом в 20 человек, на первый план было выдвинуто требование освобождения из заключения лиц, лишённых свободы за самосуды. На следующий день, прибыв в Ужур, где должны были состояться переговоры с новым начальником партизанских частей, доминирующим стал тезис о необходимости разгрома банды Соловьёва.

Выступление Перевалова представляло, по мнению историка Шишкина, немалую угрозу для советской власти и оказалось в центре внимания уездных, губернских и общесибирских органов. Для оперативного руководства его ликвидацией в Ачинский уезд 1 сентября 1921 г. были направлены член президиума ГК РКП(б) Засульский и заместитель председателя губчека Вигрант с сотрудниками. Партийное и советское руководство сначала надеялось, обратившись к Перевалову с запиской и телефонным разговором, на мирное разрешение конфликта. Но после того как в д. Парная на его сторону перешёл

отряд ОН, состоявший из 70 коммунистов и направленный под командованием уполномоченного губернской чека на борьбу с бандой Соловьёва, в Ачинск были переброшены 200 слушателей Пятых пехотных курсов и 100 штыков из учебной школы 26-й стрелковой дивизии.

2 сентября в Красноярске было созвано экстренное заседание президиума Енисейского ГК РКП(б) с участием советского аппарата и военного командования. Его участники приняли решение, тут же согласованное с партийным и чекистским руководством Сибири, предложить Перевалову распустить свои отряды и явиться в Красноярск. В противном случае Перевалов объявлялся врагом революции, его сторонники подвергались разоружению, а сам он предавался военно-революционному суду.

Получив этот ультиматум, путчисты 3 сентября направили из с. Медведского Назаровской волости делегацию для переговоров с представителями губернских властей. 4 сентября в это село явился и Перевалов, который в телефонном разговоре согласился распустить отряды и явиться в Ачинск. 6 сентября он был уже в Красноярске и на заседании президиума ГК партии объяснял причины, побудившие его бежать из Ачинска и организовать отряды [Шишкин, 1993 а, с. 161–165; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 110. Л. 15; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 632. Л. 88]. Переваловская версия не вызвала возражений со стороны участников этого заседания. Лишь секретарь ГК К. П. Машкин¹¹ укорил Перевалова в «нетактичном поступке». Губернское партийное руководство постановило оставить его в Красноярске, обеспечив возможность лечиться в госпитале. Местным чекистам было предложено закончить следствие

¹¹ Машкин Константин Павлович (1895, г. Уржум Вятской губернии – 1937, Москва) — русский, образование н/высшее, медицинское, большевик с 1915 г. В 1917–1918 гг. — военнослужащий, в 1918–1920 гг. — на руководящей профсоюзной, хозяйственной и советской работе в Казани. С 1921 г. — ответственный секретарь Енисейского губкома, с 1923 — Евпаторийского окружкома РКП(б). Затем находился на профсоюзной работе в Иваново-Вознесенске и Москве. С 1930 г. учился в Московском электротехническом институте, работал начальником цеха московского завода «Динамо». Репрессирован [Папков, 2021, с. 340].

шарыповского дела, усилив обвинение, выдвинутое против Пруцкого. Однако на секретном заседании, состоявшемся 8 сентября, Сибирское бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро) заняло более жёсткую позицию: оно предложило Сибревкому вызвать Первалова в своё распоряжение, арестовать и предать суду трибунала [Шишкин, 1993 а, с. 166–167].

Данная линия поведения региональных властей соответствовала указаниям сверху. Ещё 29 августа управляющий делами ВЦИК направил заявление Панова и Петренко в Енисейскую губчека с требованием провести следствие. 17 сентября названные документы были получены её руководителем Лепсисом и приняты к исполнению [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 50; Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 16, 97]. Первалов же продолжал агрессивно вести себя, перекладывая вину за совершённые им преступления на других представителей партийно-советского лагеря. 18 сентября он написал письмо председателю Енисейского ГИКа, в котором не только рассказал о борьбе его коммунистического батальона с бандами, но и обвинил в санкционировании убийства шарыповских крестьян председателя Ачинского УИКа А. И. Кашникова и бывшего партизанского вождя П. Е. Щетинкина. Своё неподчинение приказу распустить отряд, он объяснял тем, что в последнее время вокруг него собирались не вооружённые партийцы, а семьи бывших партизан, намеревавшихся организовать коммуну. Наконец, причиной путча стало, по его мнению, появление губернской комиссии Итыгина, во время переговоров которой с повстанцами погибло много коммунистов и милиционеров [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 53–54].

Позиция партийно-советских функционеров, требовавших осуждения шарыповских коммунистов, усилилась. 21 сентября Енисейский ГК РКП(б) на основе доклада Засульского сделал вывод о том, что Первалов «умело использовал настроения ячеек и партизан для своего выступления, желая, опираясь на массы, выговорить себе полное прощение у высших советских

органов губернии за шарыповские дела» [Шишкин, 1993 а, с. 167]. На следующий день обвинение против него было подтверждено и заявлением Горбулева. Отправленное следственной частью президиума ВЧК его Полномочному представительству в Омске, оно было за подписью помощника И. П. Павлуновского М. Т. Ошмарина передано красноярским чекистам [Письма во власть в годы новой экономической политики..., с. 112]. 24 сентября президиум ГК, заседавший с участием секретаря Сиббюро И. И. Ходоровского, постановил всех участников шарыповского дела арестовать, губчека — немедленно передать обвинительное заключение в Енисейский ГРТ, а тому — срочно провести следствие и назначить слушателей [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 83]. Расследованное чекистами дело по обвинению 32 человек в удушении 34 крестьян 28 сентября было передано в ГРТ [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 272].

Данные события раскололи лагерь сторонников советской власти не только в Ачинском уезде. Так, из партии вышли Мининская и Свищевская комячейки Красноярского уезда [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 130]. На состоявшемся, вероятно, 5 октября 1921 г. собрании Ачинской партийной организации даже председатель УИКа П. К. Голиков¹² заявил, что в деле Перевалова выразился «здоровый инстинкт революционера», который из-за политической неграмотности и узкого кругозора привёл его к ошибкам, но репрессивные меры против него

¹² Голиков Пётр Клавдиевич (1896, Украина — 1936, Москва) — из крестьян, русский, образование начальное, участник революционного движения, член РСДРП с 1913 г., большевик с 1917 г. Рабочий, военнотрудовой. В 1917 г. — председатель Томского совдепа и член исполкома. В 1918-1919 гг. - начальник штаба Забайкальского фронта, командующий Нижнеудинским и Байкальским фронтами, член Центросибири. В 1920 г. — член Сибревкома, коллегии Новониколаевской губчека. В 1921 г. — председатель Ачинского уездного исполкома. Затем служил на руководящих должностях в Новониколаевском уездном и губернском исполкомах. В 1922-1923 гг. — заведующий отделом коммунального хозяйства Енисейского ГИКа, председатель Красноярского горсовета. С 1923 г. — редактор сибирской газеты «Сельская правда», член редколлегии московской «Крестьянской газеты». В 1926-1927 гг. — заместитель заведующего отделом печати Казахского крайкома ВКП(б). Умер от болезни [Папков, 2021, с. 152] .

будут бесполезными. Находившийся там же Щетинкин высказал сомнение в том, что Перевалов являлся авантюристом, и выступил за смягчение ему наказания. Но представитель уездного партийного учреждения счёл выступление Перевалова «контрреволюционным» и заслуживающим немедленного рассмотрения в трибунале. Их двух резолюций собрание приняло ту, что предложил Голиков. Одобрив постановление губернского партийного органа от 21 сентября, оно решило созвать городскую–уездную конференцию РКП(б) и усилить борьбу за повышение политического уровня коммунистов [ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281. Л. 61–62].

Пытаясь смягчить судьбу подсудимых, даже на заседании президиума Енисейского ГК партии, например, 14 октября находились лица заявлявшие, что «шарыповское дело возникло по приказу ВЦИКа», и спокойно воспринимавшие теперь уже показания Пруцкого о том, что массовое удушение крестьян было произведено с ведома Кашникова и Щетинкина [ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 93].

Губернские власти были вынуждены принимать меры, направленные на оздоровление обстановки. Все восемь сотрудников местного политбюро, замешанные в переваловской аванюре, были уволены. В инструкцию по чистке партии, разработанную губернским органом, был включён специальный пункт, согласно которому из числа коммунистов исключались все лица, имевшие хотя бы малейшее отношение к «переваловщине». Из уездной милиции была упразднена группа лиц, которые вознамерились физически устранить тех ответственных работников, что выступали за наведение служебного порядка и должностной дисциплины [Шишкин, 1993 а, с. 168].

Власти были вынуждены отказаться от проведения в Ачинском уезде партизанского съезда [ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281 а. Л. 12], а для наведения порядка командировали туда руководителя губернского чекистского ведомства [ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 110. Л. 15; ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 632. Л. 88]. Но про-

цесс нормализации обстановки шёл болезненно. 25 октября на президиуме Енисейского ГК РКП(б) было заслушано сообщение Лепсиса о «брожении», наблюдавшемся среди бывших партизан в связи с арестами их товарищей. Предполагалось, что оно должно было вылиться в освобождение Перевалова и его товарищей к празднованию Октября. Глава чекистского ведомства доложил и об угрозах выйти из партии, прозвучавших после ареста лиц, замешанных в убийстве пяти местных жителей, со стороны 97 делегатов Нижне-Ингашской волостной партийной конференции. Партийное руководство указало ускорить расследование этих явлений [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 58]. На невозможность из-за круговой поруки установить личное участие членов шарыповской комячейки в убийстве крестьян натолкнулась комиссия по чистке партии. 4–5 ноября Ачинский УК РКП(б) принял решение эту ячейку распустить, а 8-го — оно было утверждено президиумом ГК партии [Шишкин, 1993 а, с. 169; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 69, 73].

В острых прениях проходила 16 ноября 1921 г. V Ачинская городская-уездная партийная конференция. Принимавший участие в её работе, секретарь ГК Машкин был вынужден пояснить собравшимся, что Перевалова, сознавшегося «в гнусности своего дела», арестовали не за авантюрное выступление, а за участие в убийстве нескольких десятков невинных людей. Несмотря на это разъяснение, раздались голоса, оправдывавшие действия Перевалова. Под аплодисменты участников некая коммунистка, например, вину за события возложила на уездный партийный орган, якобы переполненный бывшими офицерами. Обвиняя Машкина во лжи и заявив, что Перевалов не побоится предстать перед судом, она потребовала его защиты от лица конференции. Другие возражали, напоминая, что переваловцы громили деревни и убивали «наших» людей, а третьи, напротив, называли убиенных «определённо гадами», стрелявшими с наступлением темноты в спину коммунистам. Переломил настроения собравшихся всё тот же Голиков, напомнивший, что Перевалов был «хорошим

бойцом против Колчака», но «не борцом за советскую власть», и в данном случае коммунисты пытаются реабилитировать беспартийного человека. Конференция проголосовала за резолюцию, предложенную секретарем УК и одоблившую деятельность губернского партийного руководства по ликвидации «переваловщины», а добавления с мест в пользу Перевалова принимать отказалась [ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281. Л. 67-68; ГА КК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 5. Л. 48, 64-65, 67-68].

Однако «партизанский дух» в комячейках Ачинского уезда сохранялся даже в декабре 1921 г., т. е. уже после решения судьбы переваловцев [ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 135].

Руководство подготовкой суда осуществлял Енисейский ГК РКП(б). Ещё 6 ноября 1921 г. его президиум назначил провести процесс В. Г. Яковенко, известного в губернии партизанского вождя [ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 115]. За неделю до того как следователь Енисейского ГРТ Ф. Ф. Кот составил обвинительное заключение, президиум на своём заседании 28 ноября принял решение высшей меры наказания к обвиняемым не применять [Шишкин, 1993 а, с. 169].

Шарыповское дело слушалось особой сессией Енисейского ГРТ, проходившей в Красноярском Доме просвещения с 10 по 14 декабря 1921 г. Привлечёнными к суду были 56 человек, но двое из них находились в бегах, а один был убит. В числе подсудимых находились бывшие начальник уездной (Пруцкий), два начальника районной (Злотников и Назаров), три помощника начальника районной милиции (Ильин, Монахов и Чуприн), 14 милиционеров, три командира коммунистических отрядов (Будис, Ковригин и Мешков), председатель (Гайденко) и пятеро членов ВИКа, а также 24 коммуниста.

В ходе предварительного расследования и судебного следствия показания свидетелей о преступлении, совершённом в Шарыпове, подтвердились. 12 февраля по инициативе Пруцкого здесь были произведены аресты 60 крестьян. В ночь на 15 февраля допросы, организованные Переваловым, закончились удушением милиционером С. Юшковым 34 человек, которых затем доби

и лишили одежды его сослуживцы. По сговору было составлено постановление, объяснявшее расстрел этих людей острой боевой обстановкой, и инсценировано нападение банды. Главные обвиняемые свою вину в убийстве признали, но пытались представить себя только в роли исполнителей приказа. Многие же из участников, считая себя невиновными, были уверены, что «гадов надо душить». Защитники бездоказательно утверждали, что погибшие люди являлись «контрреволюционерами», и оправдывали происшедшее беззаконие объективными обстоятельствами и жестокостью классовой борьбы. В последнем слове Перевалов признался: «Я — зверь, я привык к трупам... Я убивал за Советы, мысль о смерти стала привычной...» [Шишкин, 1993 а, с. 169–171].

ГРТ вынес приговор: 15 подсудимых (Аржанников, Баландин, Будис, Назаров, Камов, Леонов, Мешков, Монахов, Перевалов, Прокудин, Пруцкий, Соломин Г., Терещенко, Юшков и др.) получили высшую меру наказания, 11 (Аглачев, Большаков, Гайдено, Дудин, Злотников, Ильин, Ковригин, Кукарцев, Монид, Тюхтеев и Чуприн) — по пять лет лишения свободы, 12 — меньшие сроки и 14 — были оправданы. Однако члены ГРТ, принимая во внимание заслуги подсудимых перед советской властью, обстановку, в которой было совершено преступление, и амнистию по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, тут же пересмотрели приговор и заменили расстрел заключением на пять лет и таким же сроком лишения возможности занимать ответственные и выборные должности, а остальным осуждённым сократили сроки заключения [Шишкин, 1993 а, с. 172; ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 256–259].

Признавая, что проводимая осенью 1921 г. чистка милиции в Ачинском уезде не достигла поставленной цели, состоявшееся 6 декабря 1921 г. заседание президиума УК РКП(б) назначило её начальником вместо беспартийного Флюкова некоего Эрмана и создало комиссию по проверке итогов реорганизации [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 140].

По распоряжению органов юстиции 28 лиц, осуждённых

к лишению свободы сроком от полутора до пяти лет, отбывали наказание в Красноярском ДЛС, но некоторые, в частности Пруцкий и Монахов, — в исправдомах на Урале. Но весной 1922 г. Сибирское отделение Верховного трибунала ВЦИКа отправило шарыповское дело в более высокую инстанцию. Несколько раз в июле того же года Верхтриб запрашивал Енисейский ГРТ о приостановлении исполнения приговора. 14 сентября Кассационная коллегия, обнаружив вдруг нарушение ряда статей Уголовно-процессуального кодекса, передала дело на новое рассмотрение в Сибирское отделение. 24 ноября Енисейский ГК партии в связи с пятилетием Октября уменьшил сроки осуждённым наполовину, а 12 января 1923 г. президиум ВЦИК принял решение освободить их от наказания. Последние 13 осуждённых лиц, согласно его телеграмме от 15 января, вышли на свободу [ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 212, 267–268, 308–309].

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы. В тех местностях, где советская власть сначала опиралась в основном на бывших партизан, весной 1920 г. начались избиения и грабежи жителей отдельных селений. Зимой — весной 1921 г., когда борьба с бандами ещё более ожесточилась, созданные коммунистические и милицейские отряды перешли к массовым и жестоким убийствам целых групп населения, обвиняемых в «контрреволюционных» намерениях. Будучи типичным для того времени, это явление стало называться «красным бандитизмом». Возникший под воздействием обстановки, состава и облика ячеек РКП(б) и правоохранительных органов, он не только способствовал росту повстанчества, но и размежеванию местных сторонников советской власти на лиц, продолжавших использовать методы военного коммунизма, и тех, кто, даже сочувствуя им, стремился к разумным отношениям с крестьянством и реорганизовывал свои силы.

Проходившая с сентября 1921 и до марта 1922 г. чистка сократила Енисейскую губернскую организацию РКП(б) на 25 % [Очерки истории Красноярской партийной организации,

1970, с. 16]. К январю 1922 г. из милиции были уволены 1,9 и преданы суду за красный бандитизм 1,4 тыс. сотрудников. Очищение милиции, начавшееся по всей стране с осени того же года, уменьшило её губернский аппарат на 47 % [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 11; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 134].

Список литературы и источников:

1. Бойко Ю. Н. Советская милиция Енисейской губернии в 1920–1925 гг. / Ю. Н. Бойко, О. В. Коновалова // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. – № 2. – С. 87–96.

2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6.

3. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50.

4. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105.

5. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 110.

6. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113.

7. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115.

8. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161.

9. ГАКК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 5.

10. ГАКК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 371.

11. ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 158.

12. ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 156.

13. ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 157.

14. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а.

15. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 б.

16. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 в.

17. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 г.

18. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 д.

19. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 е.

20. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 ж.

21. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 303.

22. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 326.

23. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 342.

24. ГАКК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 369.

25. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 100.

26. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 271

27. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281.
28. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281 а.
29. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 699.
30. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 10.
31. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 100.
32. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 139.
33. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752.
34. ГАНО. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 151.
35. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186.
36. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 297.
37. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 632.
38. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32.

39. Ермолаев А. Н. Рейд отряда Олиферова по территории Кузбасса зимой 1920–1921 гг.: причины неудач красных / А. Н. Ермолаев, Е. Д. Дубровская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 13–19.

40. За власть Советов на юге Сибири. Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде Енисейской губернии. – Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-е, 1968. – 120 с.

41. Муниципальное казённое учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 265.

42. Олех Г. Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. – Новосибирск: Новосиб. гос. академия вод. транспорта (НГАВТ), 1999. – 117 с.

43. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. II. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы). – Красноярск: Кн. изд-во, 1970. – 390 с.

44. Папков С. А. Руководящие кадры Сибири. 1919 - 1941 гг.: спр-к. – Новосибирск: Академиздат, 2021. – 600 с.

45. Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921–декабрь 1929 г.) : сб. док-в / сост.: Т. И. Морозова, В. И. Шишкин; отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Автограф, 2020. – 496 с.

46. Тепляков А. Г. Красный бандитизм // Родина. – 2000. – № 4. – С. 81 - 85.

47. Угроватов А. П. Красный бандитизм в Сибири (1921-1929). – Новосибирск: ЮКЭА, 1999. – 208 с.

48. Шекишев А. П. Вожди и активные деятели крестьянского повстанчества на Енисее (1918-1922 гг.) // Сибирский крест: Историко-публицистический альманах. – Вып. 1. – Красноярск: ООО «Издат.

дом «Восточная Сибирь», 2021. – С. 326–393.

49. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 592 с.

50. Шекшеев А. П. «Да воздастся каждому по делам его...»: мифы и реалии гражданской войны // Сибирские огни (Новосибирск). – 2021. – № 8. – С. 151–176.

51. Шекшеев А. П. Неизвестный «сибирский Корнилов» и его поход // Сибирские огни. – 2016. – № 10. – С. 160–171.

52. Шекшеев А. П. Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ и большевистская трансформация общества. Неизвестная история Енисейской Сибири. – Минусинск, 2021. – 664 с.

53. Шишкин В. И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-е, 1992. – С. 3–79.

54. Шишкин В. И. Шарыповское дело (к истории красного бандитизма в Сибири) // Октябрь и Гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993 а. – С. 153–174.

55. Шишкин В. И. Шарыповское дело (к истории красного бандитизма в Сибири) // Сибирские огни. – 1993 б. – № 5-6. – С. 115–130.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шекшеев Александр Петрович,
кандидат исторических наук,
член правления Хакасской республиканской
Ассоциации жертв политических репрессий,
г. Абакан, Республика Хакасия
E-mail: Turan47@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Sheksheev Alexander Petrovich,
Candidate of Historical Sciences,
Member of the Board of the Khakass Republican
Association of Victims of Political Repression,
Abakan, Republic of Khakassia
E-mail: Turan47@yandex.ru

УДК: 338,431 (571.573)

Г. М. Шапошников

СОСТОЯНИЕ АГРАРНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРОДУКТАМИ ЖИВОТНОВОДСТВА

Аннотация. В статье проведён анализ деятельности агропромышленного комплекса Республики Хакасия и сделан вывод, что республика значительно утратила свои позиции в плане производства продукции сельского хозяйства. В последние годы все категории хозяйств уменьшили производство продукции полей и ферм, но особенно производство животноводческой продукции.

Ключевые слова: Аграрный комплекс, нормы питания, сельскохозяйственные организации, крестьянско-фермерские и личные подсобные хозяйства.

Shaposhnikov G. M.

THE STATE OF THE AGRICULTURAL COMPLEX OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA AND THE PROVISION OF LIVESTOCK PRODUCTS TO THE POPULATION

Abstract. The article analyzes the activities of the agro-industrial complex of the Republic of Khakassia and concludes that the republic has significantly lost its position in terms of agricultural production. In recent years, all categories of farms have reduced the production of fields and farms, but especially the production of livestock products.

Keywords: Agricultural complex, nutrition standards, agricultural organizations, peasant-farmer and personal subsidiary farms.

«Аграрный комплекс — совокупность отраслей народного

хозяйства, связанных с развитием сельского хозяйства, обслуживанием его производства и доведения сельскохозяйственной продукции до потребителей» [Аграрная экономика, с. 12].

АПК состоит из трёх отраслей:

- отрасль средств производства для всей отрасли АПК,
- само сельскохозяйственное производство,
- отрасль по переработке и транспортировке произведённой продукции.

На территории Республики Хакасия действовало и действует только две отрасли АПК – само сельскохозяйственное производство и отрасль по переработке и транспортировке произведённой продукции. До начала реформ 1990-х годов XX века аграрный комплекс производил на душу населения продукции животноводства в пределах физиологических норм питания, рассчитанных бывшим Институтом питания академии медицинских наук СССР [Аграрная экономика, с. 13].

Таблица № 1. Производство и нормы потребления животноводческой продукции

Наименование продуктов	Физиологические нормы питания (кг) [Аграрная экономика, 13]	Производство некоторых продуктов сельского хозяйства на душу населения в Хакасии, кг. (1990 г.). [Госкомстат..., с. 45]
Мясо и мясопродукты	82	79, 2
Хлеб и хлебобулочные изделия	110	132
Молоко и молочные продукты	392	350,6
Овощи	139	65
Картофель	118	173

Как видно из таблицы № 1, в Хакасии в конце 1980-х годов XX века производилось сельского хозяйства, в том числе животноводческой продукции на душу населения в пределах физиологических норм. В Хакасии в конце 1980-х годов XX века в соответствии с рекомендациями института питания

РАМН СССР производили не только хлеб и хлебобулочные изделия [по норме надо было производить 110 кг на человека, а производили 132 кг [Госкомстат..., с. 15]], но и выращивали овощи, не говоря о картофеле, которого выращивали больше в 1,5 раза, чем требовалось в соответствии с физиологическими нормами [Госкомстат..., с. 35]. Мы рассмотрим состояние дел в Республике Хакасия по производству животноводческой продукции.

Идёт время, и нормы потребления питания меняются. Появились наряду с физиологическими нормами потребления просто нормы потребления. В настоящее время в соответствии с «Рекомендациями по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания», рекомендованным Министерством здравоохранения РФ от 19.08.2016 г. в год на одного человека мяса и мясопродуктов должно приходиться 73 кг. В этот норматив входит 31 кг мяса птицы (42 %), 20 кг говядины (27,5 %), 18 кг свинины (25 %), 3 кг баранины (4 %), 1 кг другого мяса (1,5 %). Вместе с тем есть просто нормы потребления. Согласно этим нормам в год человек должен потреблять 55 кг мяса и мясопродуктов, в том числе говядины 19 кг, баранины 3 кг, свинины 22 кг, птицы (куры) 22 кг и 296 кг молока и молочных продуктов [Першукевич, с. 7]. Также, как мы писали ранее, есть рациональные нормы потребления [Першукевич, с. 12].

Теперь мы сравним эти нормы с производством животноводческой продукции на душу населения в Хакасии за последние годы.

Из таблицы № 2 видно, что производство животноводческой продукции на душу населения в Хакасии значительно меньше не только норм потребления, но и современных рациональных норм потребления. Отличия разительные. Так, мяса и мясопродуктов в Хакасии производится меньше, чем требуется по нормам потребления, почти на 30 %, а от рациональных норм производство отстаёт более чем на 40 %.

Таблица №2. Производство и нормы потребления животноводческой продукции

Наименование продуктов	Официальные нормы потребления по ФЗ № 227 2013 г. (кг)	Рациональные нормы потребления, утверждённые МЗ РФ 19.08.2016 г.	Производство продуктов животноводства на душу населения в Хакасии		
			2019	2020	2021
Мясо и мясо-продукты, в том числе (3,7):	55	73	41	39,6	38,1
говядина	19	20	22,6	20,6	19,4
баранина	3	3	4	3,8	4,5
свинина	11	18	11	11,9	11,7
птица (куры)	22	31	1,1	1,1	1,1
Молоко и молочные продукты	296	325	273	264,9	246,4

По молоку и молочным продуктам отличия не так значительны, в сравнении с нормами потребления, утверждёнными ФЗ № 227 от 01.01.2013, но значительно меньше рациональных норм, утверждённых МЗ РФ в 2016 году. И разница эта с годами всё увеличивается. В 2019 году разница между производством молока и молочных продуктов и рациональными норми потребления составляла 16 %, в 2020 году она увеличилась до 18 %, а по итогам эта разница увеличилась до 24 %. Это говорит о том, что населению не хватает молочной продукции. Её не хватает не только из-за того, что мало производилось, но её не хватает с учётом ввозимой молочной продукции.

Ввозится в Республику Хакасия и мяса больше, чем производится. Так, в 2019 году ввезено 27,5 тысяч тонн этой продукции, что больше собственной произведённой продукции на 27 %; в 2020 году ввезено больше, чем произведено, на 28 %, а по итогам 2021 года ввоз превысил производство

мяса и мясопродуктов на 37 % [Хакасский республиканский статистический ежегодник..., с. 101—103].

По молочной продукции ввоз значительно меньше, чем в Хакасии производится. В 2019 году ввезено молока и молочной продукции 60,4 тыс. тонн, что меньше собственного производства на 42 %; в 2021 году ввезено против 2019 года уже больше на 13 %, и ввоз от уровня собственного производства молока и молочной продукции составил 53 %. Надо отметить, что производство животноводческой продукции в Республике Хакасия за три года уменьшается во всех категориях хозяйств (см. таблицу № 3). Правда в производстве мяса и мясопродуктов есть прогресс у сельскохозяйственных организаций.

Таблица №3. Производство животноводческой продукции в Республике Хакасия всего и по категориям хозяйств [Хакасский республиканский статистический ежегодник..., с. 101–103].

Наименование продуктов	Производство	2019	2020	2021
Мясо и мясопродукты (тыс. тн)	Личные подсобные хозяйства населения (ЛПХ)	15,5	14,9	14
	Крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ)	4,7	4,7	4,5
	Сельскохозяйственные (с/х) организации	1,6	1,4	1,7
	Итого	21,8	21	20,4
Молоко и молочные продукты (тыс. тн)	ЛПХ	101	95,4	89,1
	КФХ	18,1	17	15,7
	с/х организации	25,6	28	25,8
	Итого	144,7	140,4	130,6

Между тем из таблицы № 3 видно, что значительно уменьшилось производство животноводческой продукции в личных подсобных хозяйствах. Так, если в целом по Республике Хакасия в 2020 году уменьшилось производство мяса и мясопродуктов на 6 %, то в хозяйствах населения спад производства этого вида

животноводческой продукции уже составил 9 %. В производстве молока и молочных продуктов спад за три года составил по республике 9,7 %, то в личных подсобных хозяйствах населения производство этого вида животноводческой продукции уменьшилось за три года на 11 %. Из изложенного материала видно, что потребление животноводческой продукции населением Республики Хакасия далеко от норм, и с каждым годом потребление его на душу населения сокращается, даже с учётом ввоза импорта.

В нашей Республике Хакасия в сравнении с концом 1980-х годов XX века также значительно уменьшилось производство растениеводческой продукции. А от уровня производства растениеводческой продукции во многом зависит производство животноводческой продукции, так как в рационе животных должны быть так называемые комбикорма, основу которых составляют зерновые и зернобобовые культуры. Вместе с тем, в среднем за 1985–1989 годы валовый сбор зерновых и зернобобовых составлял 445,7 тысяч тонн [Госкомстат..., с. 35], или на душу населения производилось 786 килограмм зерна. По итогам 2020 года произведено зерна на душу населения в Республике Хакасия всего 302 килограмма [Агропромышленный комплекс..., с. 498]. А это значит, что меньше возможностей для производства комбикормов, а также для производства хлеба и хлебобулочных изделий у предприятий, производящих эту продукцию.

Какие же меры необходимо принять, чтобы увеличить прежде всего собственное производство. Надо больше оказывать помощь всем хозяйствам.

Эта помощь может быть в виде дотаций со стороны государства всем производителям до достижения необходимых объёмов. Можно гасить за кредитополучателей процентную ставку. И другие меры, цель которых — добиться увеличения производства продукции сельского хозяйства хотя бы до норм потребления, установленных Федеральным законом № 227 в 2013 году. Но особенно надо оказать помощь хозяйствам населения. Ведь

их доля в производстве мяса и молока составляет почти 70 %. Оказываемая помощь явно недостаточна. Так, была установлена поддержка для хозяйств населения в малых и отдалённых поселениях. Однако органы власти, если до 2019 года оплачивали за содержание домашнего скота за каждую голову в этих поселениях, то сейчас оплачивают только за определённое число маточного поголовья (пять коров, одну конематку, 10 овцематок). Ни одна территория в нашей республике хозяев, содержащих домашних животных, не поощряет за их значительный вклад в производство животноводческой продукции. А это была бы им моральная поддержка за их тяжёлый труд и вклад в решение хотя бы части продовольственной проблемы на территории республики.

Список литературы:

1. Аграрная экономика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп./ Под ред. М. Н. Малыш. – СПб, издательство «Лань», 2002. – 688 с., илл. – (Учебник для вузов. Специальная литература).
2. Агропромышленный комплекс России в 2020 году. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Москва, 2021. 563с.
3. Госкомстат. РСФСР. Управление статистики Хакасской автономной области. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. г. Абакан. 1990 год. – 100 с.
4. Першукевич П. Продовольственное самообеспечение населения Сибири: алгоритмы и методика оценок // АПК. Экономика и управление № 4, 2019. – С. 4–13.
5. Хакассский республиканский статистический ежегодник 2022: Стат. сб./ Красноярскстат. – Красноярск, 2022. – 446 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шапошников Георгий Михайлович,

кандидат экономических наук, с. н. с.

сектора экономики и социологии

ГБНИУ РХ «Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»,

г. Абакан, Республика Хакасия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Shaposhnikov Georgy Mikhailovich,

Candidate of Economic Sciences, SNS,

sectors of economics and sociology

GBNIU RH «Khakass Scientific Research

Institute of Language, Literature and History»,

Abakan, Republic of Khakassia

УДК 94

А. Шадрин

КАДРЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х — КОНЦЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация. В статье на основе архивных документов и литературы анализируется кадровый вопрос, сложившийся в сельском хозяйстве Хакасии в середине 1920-х – в конце 1930-х гг. В частности, внимание уделено количественным и качественным изменениям в кадровом составе аграрного сектора производственной сферы, которые носили неоднозначный характер. С одной стороны, они способствовали модернизации экономики региона (сокращение численности работников аграрного сектора из-за механизации отрасли и высокой потребностью в кадрах промышленности, вовлечение женщин), а с другой стороны существенно замедляли данный процесс (негативные явления, вызванные коллективизацией и соцсоревнованием).

Ключевые слова: сельское хозяйство, Хакасия, кадры, экономическая политика, количественные и качественные показатели.

Alexey Shadrin

AGRICULTURAL STAFF OF KHAKASIA IN THE MID 1920S — THE END OF THE 1930S.

Annotation. Based on archival documents and literature, the article analyzes the personnel issue that developed in the agriculture of Khakassia in the mid 1920s – late 1930s. In particular, attention is paid to quantitative and qualitative changes in the personnel composition of the agricultural sector of the production sector, which were ambiguous. On the one hand, they contributed to the modernization of the region's economy (reduction in the number of workers in the

agricultural sector due to the mechanization of the industry and the high need for industrial personnel, the involvement of women), and on the other hand, they significantly slowed down this process (negative phenomena caused by collectivization and social competition).

Keywords: agriculture, Khakassia, personnel, economic policy, quantitative and qualitative indicators.

Для сельского хозяйства Хакасии в середине 1920-х – конце 1930-х гг. большое значение имел кадровый вопрос, так как от его решения во многом зависел успех проводившихся преобразований в отрасли.

В исследуемый период в составе трудовых ресурсов аграрного производства региона произошли количественные и качественные изменения.

В это время кадры сельского хозяйства Хакасии (как и остальных отраслей в стране и регионе) формировались из трудовых ресурсов. К ним в СССР относилось всё население трудоспособного возраста [Струмилин, 1922, с. 32]. Он определялся, согласно «Кодексу законов о труде РСФСР 1922 г.» (распространялся на всю территорию СССР), для лиц обоего пола от 16 лет и старше (возраст исключения из состава трудовых ресурсов в законодательстве не был определён) [Киселёв, 2001, с. 360].

Проанализируем количественные изменения в составе кадров аграрного производства Хакасии (табл. 1).

Таблица 1. Изменения численности и удельного веса в структуре занятости народного хозяйства трудовых ресурсов сельского хозяйства Хакасии в 1926–1939 гг.*

	1926 г.	1939 г.
В сельском хозяйстве – всего, тыс. чел.	45	38 894
Удельный вес занятости от состава народного хозяйства (в %)	88,7	45,9

*Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М., 1928. С. 230–231; Кышпа-

наков В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. С. 239; ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 196. Л. 20, 21.

В течение 1926–1939 гг. абсолютная численность работников сельского хозяйства в регионе уменьшилась на 13,5 %. Относительная численность сотрудников аграрного сектора в структуре занятости народного хозяйства Хакасии в указанный период также уменьшилась более чем в 1,9 раза.

В принципе сокращение уровня занятости в аграрном секторе Хакасии было прогрессивным явлением, поскольку оно было вызвано ростом механизации производства.

С другой стороны, уменьшение удельного веса занятых в сельском хозяйстве было обусловлено худшими материально-бытовыми условиями в деревне и проводимой экономической политикой, направленной на коллективизацию [Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.), 2019, с. 61–74].

Очень важным представляется изучение территориальной структуры занятости сельскохозяйственных работников региона в середине 20-х–конце 30-х гг. XX в. По материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г., она выглядела следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Территориальная структура занятости кадров сельского хозяйства Хакасии (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)*

Всего занятых в сельском хозяйстве региона (в %)	100
В том числе:	22,5
Аскизский район (включая р. ц. Аскиз)	
Бейский район (включая р. ц. Бея)	18
Таштыпский район (включая р. ц. Таштып, р. п. Кызас, р. п. Балыкса)	12
Боградский район (включая р. ц. Боград)	11,8
Усть-Абаканский район (включая р. ц. Усть-Абакан)	11
Ширинский район (включая р. ц. Ши́ра, р. п. Знаменитый, р. п. Балахчин, р. п. Коммунар)	10,2
Саралинский район (включая р. ц. Сарала)	7,5
г. Абакан	4,5

г. Черногорск	2,5
---------------	-----

*Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 196. Л. 20–42.

На первом месте по количеству сконцентрированной в нём рабочей силы аграрного производства шёл Аскизский район, где сосредоточивалось более пятой части всех сельскохозяйственных работников. Далее следовал Бейский район. По этому показателю значительным был удельный вес Таштыпского, Боградского, Усть-Абаканского и Ширинского районов, который в совокупности составлял 45 %. Наименьшим он был в Саралинском районе, в городах Абакан и Черногорск.

Интересен вопрос о гендерной структуре занятости трудовых ресурсов сельского хозяйства региона в изучаемый период. По материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г., в аграрном производстве Хакасии трудилось 57 % мужчин и 43 % женщин от общего числа занятых в этой отрасли (38 894 чел.). Среди городских аграриев (3 856 тыс. чел.) данное соотношение было 71 % мужчин и 29 % женщин, а среди сельских (35 638 чел.) — 55 % мужчин и 45 % женщин [Рассчитано по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 196. Л. 20, 21].

На основе представленных выше данных можно сделать вывод, что вовлечение женщин в аграрное производство в сельской местности происходило более интенсивно, чем в городах и даже превышало региональный уровень.

Несмотря на сокращение численности сельскохозяйственных работников, всё же представляет интерес вопрос об источниках и формах пополнения этих кадров. Под источниками пополнения понимаются те социальные слои и общественные группы населения, из которых происходило пополнение, а под формами — совокупность приёмов, способов привлечения людей к работе в аграрном производстве [Кышпанак, 1989, с. 120].

В исследуемый период среди источников пополнения рядов аграриев преобладало сельское население, в том числе и коренное. Так, в марте 1931 г. на работу в Боградский совхоз

было привлечено 44, а в Таштыпский — 90 крестьян. В 1932 г. на хлебоуборку было привлечено 326 чел. В 1931 г. в совхозы было привлечено 706 хакасов из деревни, а к началу второй пятилетки их численность увеличилась до 1628 человек. Значительным был такой источник, как переселенцы. В 1934 г. данная категория граждан прибыла в Хакасию с территорий Белоруссии, Украины, Урала и Западной Сибири. Уже в следующем году они работали в Бородинском, а в конце 1930-х гг. — в Октябрьском и Аскизском совхозах.

Существенно изменились и формы пополнения сельского хозяйства рабочей силой. В совхозах ведущую роль сыграл организованный набор путём заключения договоров хозяйственных организаций с батраками, единоличниками, колхозами и колхозниками. Благодаря ему, в ряде совхозов Хакасии, по данным А. П. Шекшеева, «бывшие крестьяне составляли основной контингент производственных коллективов» [Шекшеев, 1988, 32–33, 49].

Колхозы пополнялись работниками в рамках коллективизации, организованной партийно-государственными органами и зачастую нарушающей принцип добровольности. В октябре 1929 г. в регионе было коллективизировано 7,2 % крестьянских хозяйств, в январе 1930 г. — 20,2 %, в марте 1930 г. — 41,2 %, в 1934 г. — 72,7 %, в 1935 г. — 78,2 %, а в 1936 г. данный показатель составлял уже 95,1 % [Очерки истории Хакасии ... , 1963, с. 134, 161, 162]. Это значит, что она была почти полностью завершена в Хакасии.

Сельскохозяйственные коллективы пополнялись кадрами, в частности руководящими, в рамках движения двадцатипятидесятников. Так, по представленным в «Очерках истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.)» данным, весной 1930 г. в колхозы Сибирского края были направлены двадцатипятидесятники: 1769 рабочих-ленинградцев и около 400 тыс. рабочих-сибиряков. Они работали примерно в 13 % колхозов Сибири» [Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.), 2019, с. 67]. «В колхозы Хакасии, по представленным

в «Очерках истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.» данным, было направлено из Ленинграда 20 и из Черногорска 10 рабочих» [Очерки истории Хакасии ... , 1963, с. 136].

Важен вопрос о текучести кадров в сельском хозяйстве региона. Под этим термином стоит понимать форму перераспределения рабочей силы, характеризовавшейся неорганизованным, непосредственно планоно нерегулируемым перемещением работников относительно места работы.

Основными причинами текучести рабочей силы в аграрном производстве в масштабах всей страны, и Хакасии в частности, в исследуемый период являлись: недовольство крестьян проводимой коллективизацией, низкий уровень материального и социального развития на селе, высокая потребность промышленности в кадрах. Но главной причиной текучести среди работников аграрного сектора являлась первая. Из-за коллективизации так же, как и по всей стране, в Сибири наблюдался массовый отток крестьян из колхозов до лета 1930 г. С марта по июль 1930 г. в Хакасии колхозы покинули 4798 хозяйств. В это время уровень коллективизации в Сибирском крае понизился с 52,9 до 19,8 %, т. е. более чем в 2,5 раза. Подобное повторилось в 1933 г. С января по апрель этого года колхозы покинули 5376 крестьянских хозяйств с населением 1948 человек или 26,7 % колхозников [Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.), 2019, с. 67–68].

Последствия текучести кадров для народного хозяйства в целом, и сельского хозяйства в частности, были крайне противоречивыми. С одной стороны, она способствовала перераспределению трудовых ресурсов между сферами занятости, предприятиями и районами. Но с другой стороны, текучесть работников вызывала определённые издержки. Так, этот факт обострял проблему нехватки квалифицированных рабочих и управленцев на селе (о чём будет сказано ниже). Также в годы первой пятилетки данное обстоятельство отчасти способствовало сокращению на 30,7 % среднегодового объёма

валовой продукции аграрного производства Хакасии [Рассчитано по: ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Для осуществления модернизации аграрного сектора региона немаловажное значение приобретала проблема подготовки квалифицированных кадров.

В исследуемый период сельскохозяйственные предприятия Хакасии испытывали острый недостаток специалистов. Так, на 1 апреля 1931 г. удельный вес квалифицированных рабочих в совхозах составлял 37,9 %, что в это время было недостаточно [Шекшеев, 1988, с. 34]. Развернулась работа по подготовке кадров для сельского хозяйства. К июлю 1931 г. на краткосрочных курсах было подготовлено 847 человек, в том числе 24 председателя колхоза. В апреле 1932 г. на краткосрочных курсах продолжительностью от 1 до месяцев обучалось 736 чел., из них более 300 хакасов [Мешалкин, 1963, с. 142].

Для удовлетворения потребностей в кадрах для сельского хозяйства зимой 1932 г., например, из Таштыпского совхоза на учёбу в аграрные ВУЗы и техникумы Оренбурга, Иркутска и Уфимска было направлено 18 молодых рабочих. Тогда же были открыты Хакасский коневеттехникум и заочное отделение в Минусинском техникуме. Предпринимались и другие меры, в частности, в хозяйствах из-за низкого качества подготовки на краткосрочных курсах, организованных при них, стали работать школы совхозного ученичества (ШСУ), практиковался обмен опытом на конференциях [Шекшеев, 1988, с. 32–34].

Описанные выше меры позволили пополнить ряды работников колхозов и совхозов животноводами, полеводами, бригадирами, трактористами, счётными работниками, что способствовало укреплению сельского хозяйства Хакасии.

Интересен вопрос о роли социалистического соревнования в осуществлении преобразований в аграрном секторе региона, призыв к которому был осуществлён на XVI Всесоюзной партийной конференции (апрель 1929 г.) и на местном уровне был подхвачен на объединённом пленуме Хакасского окружкома

и ОКК ВКП(б) [Очерки истории Хакасии ... , 1963, с. 115].

В самом широком смысле соцсоревнование рассматривается как явление и форма трудовой деятельности, которая направлена на достижение максимально возможных количественных и качественных показателей в сфере материального и нематериального производства. Она выражается в соперничестве предприятий, учреждений, организаций, коллективов и отдельных трудящихся [Зверев, 2018, с. 113].

Висследуемый период охват социалистическим соревнованием кадров сельского хозяйства региона был достаточно высок. Так, численность соревнующихся в совхозах на 1 января 1931 г. была значительной – 2884 человек, что составляло 59,1 % занятых в производстве [Шекшеев, 1988, с. 38]. Однако не следует переоценивать эту форму общественной активности, так как в целом труд советского человека являлся строго регулируемым процессом. Дело в том, что каждодневные трудовые усилия работника оценивались не только администрацией предприятия (от этого зависел размер заработной платы), но и общественно-политическими организациями (партия, комсомол, профсоюз). От их позиции зависело получение каждым отдельным сотрудником каких-либо льгот или благ.

В середине 1920-х – конце 1930-х гг. распространёнными организационными формами социалистического соревнования были ударничество, коллективный договор о социалистическом соревновании между звеньями, бригадами, колхозами и совхозами, а также соседними регионами, стахановское движение. Так, в совхозах ударничеством в начале 1931 г. было охвачено 1563 человек, или 32 % от численности всех рабочих [Шекшеев, 1988, с. 38].

Активно заключались коллективные договоры о соцсоревновании. В марте 1933 г. I областной съезд колхозников-ударников, проходивший в г. Абакане, утвердил 12 социалистических договоров, заключённых между колхозами. В 1939 г. работники сельского хозяйства Хакасии вступили в межобластное соревнование с коллегами из Горного

Алтая [Очерки истории Хакасии ... , 1963, с. 158, 186].

Важен вопрос о роли стахановского движения в аграрном развитии региона, которое развернулось по всей стране осенью 1935 г. Оно являлось одной из форм социалистического соревнования и представляло собой массовое движение последователей А. Г. Стаханова – новаторов производства, многократно превышавших установленные нормы [Фадеев, 2013, с. 213].

Первые стахановцы в Хакасии появились в конце 1935 г. Ими были чабан А. Уязнов (Хакасский совхоз), тракторист И. Мокрый (Бородинский совхоз), комбайнёр П. Пушкарёв (Бейский совхоз) и другие. К лету 1936 г. в совхозах их численность составляла 120 человек [Шекшеев, 1988, с. 54–55].

Социалистическое соревнование оказало определённое позитивное воздействие на развитие аграрного сектора региона. Так, возросло производство сельскохозяйственной продукции, повысился культурно-технический уровень работников данной отрасли. Однако нужно учитывать и некоторые негативные моменты. По мнению кандидата исторических наук, доцента С. А. Билана, «командно-административная система противоречила свободному, здоровому соревнованию, превратив его в «директивное соперничество». Бесстыдная эксплуатация колхозников, рабочих совхозов и МТС, осуществлённая путём социалистического соревнования, привела к равнодушию и дискредитации идеи здорового трудового соперничества» [Билан, 2013, с. 53].

Таким образом, в середине 1920-х – конце 1930-х гг. в размещении и составе кадров сельского хозяйства Хакасии произошли существенные количественные и качественные изменения. Они носили неоднозначный характер. С одной стороны, они способствовали модернизации экономики региона (сокращение численности работников аграрного сектора из-за механизации отрасли и высокой потребности в кадрах промышленности, вовлечение женщин и др.), а с другой стороны существенно замедляли данный процесс (негативные явления, вызванные коллективизацией и соцсоревнованием и др.).

Список литературы:

Билан С. А. Развитие стахановского движения в области сельского хозяйства Украины в 30-х гг. XX столетия // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2013. № 3. – С. 46–54.

Зверев Р. Ю. Социалистическое соревнование в советском ВУЗе на довоенном этапе развития СССР (1929–1941): материальное и нематериальное стимулирование деятельности трудящихся // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. – С. 113–117.

Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года // Киселёв И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. Уч. пособие. М., 2001. – С. 344–368.

Кышпанаков В. А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан, 1989. 188 с.

Очерки истории Советской Хакасии (1917–1991 гг.) / науч. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан, 2019. – 252 с.

Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. / под. ред. П. Н. Мешалкина. Абакан, 1963. – 420 с.

Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы // Хозяйственное строительство. М., 1922. Вып. 2. – С. 32–46.

Фадеев Л. А. Ударничество и стахановское движение на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2 (14). – С. 213–218.

Шекшеев А. П. Совхозное строительство в Хакасии. Абакан, 1988. – 168 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:**Алексей Владимирович Шадрин**

соискатель степени кандидата исторических наук,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:**Alexey Shadrin**

Degree applicant of the PhD in History,
Khakass State University named
after N. F. Katanov, Abakan

УДК 271.2-726.1(571.51/.52)

Ю. А. Орешкова

**ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРИХОЖАН
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ХАКАССКО-
МИНУСИНСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации этнического состава населения православных приходов одной из окраин Российской империи, Хакасско-Минусинского края, в позднефеодальный период. Основным формирующим фактором являются миграционные процессы, повлиявшие на становление и развитие категорий населения, заселявших приходы Русской православной церкви на территории Хакасско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: приход, Хакасско-Минусинский край, Енисейская епархия, миграционные процессы, автохтоны, новокрещённые, чалдоны, киселевцы, языковой барьер, миссионерская деятельность.

Y. A. Oreshkova

**THE ETHNIC COMPOSITION OF THE PARISHIONERS
IN THE DAILY LIFE OF THE KHAKASS-MINUSINSK
REGION IN THE SECOND
HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY**

Abstract. The article examines the peculiarities of the transformation of the ethnic composition of the population of Orthodox parishes of one of the outskirts of the Russian Empire, the Khakass-Minusinsk region, in the late feudal period. The main formative factor is

migration processes that influenced the formation and development of the categories of the population that inhabited the parishes of the Russian Orthodox Church on the territory of the Khakass-Minusinsk region in the second half of the XIX – early XX century.

Keywords. parish, Khakass-Minusinsk region, Yenisei diocese, migration processes, autochthons, newly baptized, Chaldons, Kiselyovites, language barrier, missionary activity.

В условиях активного формирования достоверной исторической памяти государства, а также в актуальных традициях гуманитарных исследований особенно востребованными являются вопросы, восходящие к анализу трансформационных процессов, влияющих на современный историко-культурный облик общества. Такой подход влечёт за собой активность к научным дискурсам, связанным с изучением православия как традиционного вероисповедания не только для русского населения, но и коренных этносов Сибири. Более того, целостную картину развития государства трудно представить без вопросов, рассматривающих особенности и специфику Русской православной церкви, её становление и развитие в условиях региональных традиций.

В таких условиях особенно актуальными являются разные аспекты повседневной жизни приходов Русской православной церкви как процесс, где «разворачиваются стратегии презентации и самопрезентации, происходит контекстуализация и реконтекстуализация теоретических моделей» [Вахштайн, 2007, с. 20]. Повседневная жизнь приходов Хакасско-Минусинского края второй половины XIX – начала XX в. часто опосредуется путём переселенческого движения, темпы которого были достаточно высоки. К примеру, в Енисейской губернии к концу XIX в. процент роста сельского населения за счёт переселенцев составил 60,5 % [Бутанаев, 1987, с. 23].

В целом, на территории Хакасско-Минусинского края деятельность Русской православной церкви (далее – РПЦ) как социального института начинает проследиваться с XVII в. В структурном плане в XVIII в. церковно-территориальная

организация Хакасско-Минусинского края входила в состав Тобольской митрополии (с 1768 г. – епархии)» [Асочакова, 2018, с. 7]. С 1824 по 1834 г. часть приходов находилось в составе Иркутской епархии, а затем с 1834 по 1861 г. – Томской епархии, с 1861 г. – Енисейской епархии.

В состав Енисейской епархии вошли церкви, находящиеся от р. Чулым на западе до р. Бирюса на востоке, от Ледовитого океана на севере до границы с Китайской империей на юге. В Енисейскую епархию входило 6 уездов: Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский, Туруханский. Территория Хакасско-Минусинского края во второй половине XIX в. входила в состав Минусинского и Ачинского уездов.

В понимании терминов «приход», «приходская община» в современной историографии существуют разные подходы. По мнению С. В. Юшкова, до XIX в. приходы являлись фактически самостоятельными территориальными единицами Русской церкви, их отождествляли с главным мирским органом самоуправления [Юшков, 1913]. В 2021 г. вышла фундаментальная монография доктора исторических наук А. Л. Беглова «Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы». Здесь автор исследует приход в трёх аспектах: как социальную структуру, как предмет общественных дискуссий и как объект политического реформирования со стороны светских и церковных властей [Беглов, 2021]. Исследованием РПЦ на территории Хакасско-Минусинского края занимается доктор исторических наук В. Н. Асочакова, ею подготовлено более 100 статей и монографий в данном направлении. В своих работах она рассматривает многие процессы православия края в XVII–XIX вв. Несмотря на определённую проработанность темы, вопросы этнического состава прихожан Хакасско-Минусинского края второй половины XIX – начала XX в. редко становились предметом специального исследования.

На территории Хакасско-Минусинского края процесс образования приходов, в отличие от европейской части России, в XIX – начале XX в. ещё получал своё развитие, что было

непосредственно связано с освоением Сибири.

Так, процесс формирования этнического состава прихожан был тесно связан с миграцией, характерной для переселенческой политики Российского государства второй половины XIX – начала XX в. Миграция прихожан Хакасско-Минусинского края была внутренней и внешней. Внутренняя была связана с кочевым образом жизни автохтонного населения, происходили перемещения жителей отдельных селений из одного прихода в другой. Поэтому границы приходов могли не совпадать с границами административного деления, они могли состоять из селений, принадлежащих разным волостям, округам, губерниям и даже епархиям. Светские и епархиальные власти почти не обращали на это внимания, так как размеры приходов часто определялись возможностью материального содержания своего клира.

Внешняя миграция была связана с интенсивностью постоянного переселенческого движения из разных губерний Европейской России на территории Хакасско-Минусинского края. Считается, что уже к первой четверти XIX в. население Хакасско-Минусинского края почти полностью было сформировано. Однако интенсивность постоянного переселенческого движения на эти территории прослеживалась вплоть до начала XX в., что обусловило этническую пестроту прихожан.

Заселение Сибири за счёт внешней миграции определялось целым рядом как социально-экономических, так и политических причин. Бурное развитие капитализма и рыночных отношений привело к «выдавливанию» крестьянства из аграрного сектора в центральных районах европейской части страны. Также Сибирь была удобна для заселения благодаря следующим факторам: наличие обширных, свободных территорий, частые неурожаи в европейской части страны, наличие феодально-крепостнических пережитков, динамика развития капиталистического производства, переселенческая политика правительства и мероприятия по переселениям [Степынин, 1962, с. 5].

В таких условиях одним из благоприятных для заселения

являлся Хакасско-Минусинский край. В своих работах А. Н. Гладышевский указывал: «Минусинский уезд, расположенный на юге Енисейской губернии, занимал обширную территорию около 135 тыс. кв. км. Благоприятные климатические условия, большое количество плодородных земель и полезных ископаемых, многоводные реки, служившие естественными путями сообщения – всё это делало край удобным местом для заселения» [АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1005. Л. 1].

К концу XIX в. основными предпосылками для массовых миграций в край послужили: демографический и экономический кризис, связанный с голодом 1891–1892 гг. в европейской части страны, а также введение в эксплуатацию Сибирской железной дороги [Тиникова, Трошкина, 2016, с. 176]. К 1903 г. численность доходила до 204 310 человек. По результатам Всеобщей переписи населения 1897 г. в Ачинском и Минусинском округах (с 1898 г. – уездов) преобладало русскоязычное население: 88,3 % и 78,6 % [Патканов, 1911, с. 186].

Результатом освоения Хакасско-Минусинского края, к концу XIX – началу XX в. стало формирование нескольких категорий русского населения, которые повлияли не только на этнический состав прихожан местных православных приходов, но и сыграли важную роль в распространении РПЦ за счёт своего численного превосходства и всесторонней поддержки государства. При переселении в Сибирь, они привозили с собой и православные реликвии (иконы, кресты, церковную литературу). «Я, раб Божий» — было обычным самоназванием мигрантов [Батурин, Девяткин, 2020, с. 14]. В архивных фондах церковей РПЦ XIX в. Национального архива Республики Хакасия сохранились документы о переселенцах, характеризующие некоторые аспекты их повседневной жизни на новых территориях Хакасии [ГКУ РХ «Национальный архив: Ф. И-15. Оп. 1. Д. 35].

Среди русского населения Хакасско-Минусинского края особое место занимали старожилы, заселившие местные территории ещё в XVIII – первой половине XIX в. Их повседневный уклад имел единую основу и высокий уровень адаптации к природно-

климатическим и этническим условиям края. Старожилы имели самоназвание «чалдон». Под данной локальной историко-культурной группой в Хакасско-Минусинском крае понимаются исключительно русские старожилы региона [Верник, 2000, с. 17]. Так, старожилами было основано около 30 % приходов: Новосёловский Петропавловский, Подсосенский Флоро-Лавровский, Назаровский Троицкий и другие.

Отдельную категорию мигрантов представляли «киселёвцы» или население «киселёвских поселений». Многие черты их материальной культуры совпадали со старожильческими, но в отличие от чалдонов они почти не были подвержены влиянию автохтонного населения. При этом, для обозначения данной группы переселенцев существовали термины, отражающие места их выхода («вятские», «пермяки» и т. д.). К примеру, в Идринском приходе 2/3 прихожан составляли переселенцы из Вятской и Тамбовской губерний.

Третья группа русских переселенцев в Хакасско-Минусинском крае была представлена населением «казённых» поселений, уроженцами центральных и южных губерний Европейской России. Повседневно-бытовой уклад их жизни сохранил некоторые черты южнорусских традиций. Облегчённая конструкция жилища, саманные плетневые постройки, соломенная кровля, «лапти» из кудели и т. п. не соответствовали природно-климатическим условиям края. Для этой категории русского населения было типичным отсутствие иноэтнических влияний в материальной культуре, а в семейной традиции сохранялись скрытые запреты на межэтнические браки, в отличие от чалдонов.

Самую значительную по численности, четвёртую категорию русских переселенцев, мигрировавших на территории Хакасско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX вв., составили группы, объединённые понятием «российские (расейские)» [Верник, 2006, с. 81]. Иначе их могли называть «лапотниками», что зачастую имело негативный подтекст. Их повседневный уклад характеризовался отсутствием единой основы и имел существенные отличия внутри группы, в зависимости

от места переселения и исконного проживания в разных регионах европейской части страны. Они так же, как «киселёвцы», имели слабую степень адаптированности к местным условиям природно-климатических и этнических особенностей.

Хакасы, наряду с другими коренными народами Сибири, относились к инородческому сословию. В XIX в. они состояли из следующих этнических групп: сагайцы, качинцы, кызыльцы и койбалы. При этом хакасское население составляло компактное целое. Общность территории проживания (несмотря на межведомственные границы) в определённой географической среде была связана и с общими чертами социально-экономического развития, языка и культуры [Бутанаев, 1987, с. 14].

Принятый в 1812 г. «Устав об управлении инородцев» подтверждал деление хакасов на этнические группы, а также относил их к разряду «кочевых». Такой административный и правовой статус определил систему деления на улусы и стойбища, каждый из которых получил родовое правление. Согласно «Уставу», устанавливалось трёхступенчатое управление кочевыми народами: низшая административная единица — РОДОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ, средняя ступень — ИНОРОДНАЯ УПРАВА, высшая административная единица — СТЕПНАЯ ДУМА. Во второй половине XIX в. такая система подверглась трансформации, результатом которой стало упразднение Степных дум и выведение на высшую ступень инородной управы, что в некоторой степени означало послабление традиционного уклада коренного населения [Орешкова, 2012, с. 15].

В связи с этим административно-территориальная реорганизация XIX в. способствовала постепенному отходу от традиционного мировоззрения автохтонного населения Хакасско-Минусинского края, с одной стороны, и активному вовлечению в общероссийскую тенденцию — массовой христианизации коренных народов Сибири — с другой стороны.

В таких условиях стал очевидным рост приходских общин новокрещённых ясачного коренного населения. В середине

XIX в., в течение 3–4-х лет образовалось сразу пять таких приходов. В 1858–1863 гг. сформировалась Троицкая церковь в с. Ново-Марьясово, куда вошли деревни Бараитского и Ужурского приходов. Большая часть прихожан (71,3 %) состояла из кочевых ясачных улусов: Баклаев, Куркин, Поросенов, Ботин, Конгаров, Арабкаев, Додонков, Джеримский, Жерипкаев, Молоков, в общей сложности в 1861 г. – 1475 человек. В 1859 г. из Аскизского прихода выделился Усть-Абаканский приход, куда вошло 60 улусов четырёх качинских родов. В этот же период образовался Усть-Фыркальский приход; чуть позднее, в 1861 г. — Божеезёрский приход. Его прихожанами преимущественно являлись ясачные кызыльцы (85,1 %) [Асочакова, 2018, с. 47].

К 1861 г. на территории Хакаско-Минусинского края действовало 40 приходов, в 24-х из них проживали новокрещённые хакасы. Появление всё большего количества населённых пунктов с приходскими храмами приводило к уменьшению размеров старых приходов, сокращению расстояний между населёнными пунктами внутри приходов, но без уменьшения количества прихожан в каждом приходе. Русское население размещалось преимущественно на правом берегу Енисея, а коренное — на левом и реке Абакан.

Таким образом, миграционные процессы, характерные для Хакаско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в., определили основные черты развития, в том числе повлияли на специфику повседневной жизни православных приходов. Деятельность РПЦ в крае была обусловлена комплексом задач, связанных со сложными структурами приходской организации, что имело существенные отличия от общероссийских тенденций развития православия в рассматриваемый период.

Список литературы:

Асочакова В. Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.)/ В. Н. Асочакова; науч. ред. Г. Ф. Быконя. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. – 196 с.

Батурин С. П., Девяткин Г. Т. Религия и церковь в повседневной жизни сибирских крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX веков // COLLOQUIUM-JOURNAL, 2020. – № 5–4 (57). – С. 52–56

Беглов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2021. – 1048 с.

Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1987. – 175 с.

Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира. Автореферат канд. соц. наук. – М., 2007. – 25 с.

Верник А. А. История Хакасии (с древнейших времён до начала XX в.): учебное пособие. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 132 с.

Верник А. А. Культурно-бытовой уклад русского сельского старожильского населения Хакасско-Минусинского края: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореферат дисс. канд. ист. наук. – Красноярск, 2000. – 21 с.

Копии указов Енисейской духовной консистории по учёту поселенческих браков о церковно-служителях и переписка с Минусинским благочинным священником по этому вопросу (1864–1865 гг.) // ГКУ РХ «Национальный архив: Ф. И-15. Оп. 1. Д. 35. 73 л.

Орешкова Ю. А. Архивные документы Степных дум и инородных управ в изучении истории дореволюционной Хакасии/ Степные думы и инородные управы. Сборник архивных документов. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2012. – 236 с.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. – СПб., 1911. – Т. 1. – 432 с.

Гладышевский А. Н. Социально-экономическая обстановка в Минусинском уезде конца XIX века. (31 л.) // АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1005. Л. 1.

Степунин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. 565 с.

Тиникова Е. Е., Трошкина И. Н. Формирование населения Хакасско-Минусинского края в XX – начале XXI века // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. –С. 175–182

Юшков С. В. Очерки по истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб: Тип. им. М. А. Александрова, 1913. – 134 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Юлия Александровна Орешкова,

начальник отдела использования документов,
организационной и методической работы
ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив»

ABOUT THE AUTHOR

Yulia Aleksandrovna Oreshkova

Head of the Department for the Use of Documents,
organizational and methodological work
State Institution of the Republic of Khakassia «National Archive»

УДК 94(571.51)

А. В. Дерова

**ГОРОД МИНУСИНСК В XIX — НАЧАЛЕ XX В.:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье рассмотрена история развития г. Минусинска в XIX – начале XX в. В работе применён модернизационный подход, дана характеристика составу населения. Охарактеризована городская структура. Проанализировано влияние сторонних факторов на развитие города. Рассмотрено влияние определённых сословий на городскую среду.

Ключевые слова: Минусинск, сословия, Енисейская губерния, купечество, благоустройство, церковь, повседневность.

A.V. Derova

**THE TOWN OF MINUSINSK IN THE XIX — EARLY
XX CENTURY: PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL
DEVELOPMENT**

Annotation. The article deals with the history of the development of Minusinsk in the XIX – early XX century. The paper uses a modernizing approach, characterizes the composition of the population. The city structure is characterized. The influence of external factors on the development of the city is analyzed. The influence of certain estates on the urban environment is considered.

Keywords: Minusinsk, social categories, Yenisei province, merchants, landscaping, church, everyday life.

Город как историко-культурное явление имеет особое значение, является основой цивилизации, центром развития,

преобразования действительности. Город Минусинск находился в удалении от губернского центра, здесь медленно развивались капиталистические черты, вследствие чего в городе сформировался особый тип сибирского города, получивший название «малый сибирский город с специфическим социокультурным пространством». При анализе городской структуры и выделения количества населения в исследуемый период, было установлено, что к концу исследуемого периода число жителей города увеличивается и достигает своего максимума в 1914 г. 15 200 человек, что согласно классификации, является средним городом (10–40 тыс. – средний) [Семёнов-Тян-Шанский, с. 73]. Согласно типологии, приведённой в работе А. А. Передерий «Классификация и типология городов», города по численности населения делятся на следующие группы: малые (до 50 тыс. чел.), средние (50–100 тыс. чел.), большие (100–250 тыс. чел.), крупные (250–1000 тыс. чел.), крупнейшие (свыше 1 млн чел.) [Передерий, с. 112–119].

Минусинск на протяжении исследуемого периода оставался малым городом, так как численность городского населения не превышала 20 тыс. человек.

В целом историю изучения г. Минусинска можно разделить на три основных периода: досоветский, советский и современный.

Дореволюционный период представлен работами общего характера. К таким работам относится труд В. А. Ватина [Ватин, 1922, с. 394]. Автор охарактеризовал население, хозяйственный быт горожан. В работе рассмотрено влияние золотопромышленности на социально-экономическое развитие Минусинского округа. В 1916 г. была издана работа английского исследователя М. Р. Price — *Siberia*, в которой автор даёт критическую оценку происходившим событиям в городе в 1906 г., которые наблюдал лично, находясь в путешествии по Сибири [Price, с. 308].

В советский период развития историографии произошёл спад в изучении социокультурной жизни регионов и истории города Минусинска в частности. Работы этого периода базировались

на марксистской концепции и рассматривали историю развития региона сквозь призму экономического детерминизма.

В 1934 г. увидела свет работа «Из прошлой Хакасии», автором которой является В. К. Хотяновский. Методологически к ним можно отнести работу Г. А. Моховой, в которой охарактеризовано торгово-промышленное развитие Минусинска. В 1986 г. вышла работа В. А. Ковалёва в соавторстве с Л. Н. Ермолаевой, посвящённая развитию города, политической ссылке в Минусинске и сотрудничеству декабристов с музеем [Ковалёв, с. 128].

Лишь на современном этапе исследователи стали уделять внимание проблеме социокультурных аспектов развития города. Часть работ носит обобщающий характер и не затрагивает конкретные населённые пункты Сибири и происходившие в них процессы. Наиболее полно социокультурные аспекты затронуты в работах хакасского исследователя Т. А. Кискидосовой [Кискидосова, 2009, с. 343]. Автор уделит особое внимание истории повседневности.

Понятие «социокультурное пространство» имеет сложную синкретическую основу, что объясняется многомерностью элементов социума и культуры города, их постоянным изменением во времени. Согласно С. П. Постникову, это понятие включает в себя историко-культурное наследие, научно-образовательный потенциал, материальную и духовную культуру городского сообщества в исторической динамике, общественный и домашний быт горожан, религиозные взгляды и конфессии, менталитет людей, демографию и этнокультурный компонент [Постников, с. 7].

Активные социокультурные преобразования в г. Минусинске принято рассматривать с момента начала проведения реформ М. М. Сперанского. Так, в январе 1823 г. с. Минусинское получило новый статус — город, объединив 4 волости.

Рассмотрение развития городской среды в рамках количественных показателей позволило выявить, что начиная с 1830-х годов численность городских жителей увеличивается.

Приток населения связан с определёнными факторами. Так, с 1830-х гг. в г. Минусинске активно увеличиваются две категории населения: это переселенцы, чья цель переезда в город была обусловлена добычей золота, и ссыльные, в том числе и политические. Отличительной чертой населения Минусинска является, по мнению Т. А. Кискидосовой, тот факт, что это единственный город в Енисейской губернии, где женское население доминировало над мужским. К концу XIX в. «удельный вес женщин составлял 50,4 %». Таким образом, данные свидетельствуют о росте численности населения города Минусинска.

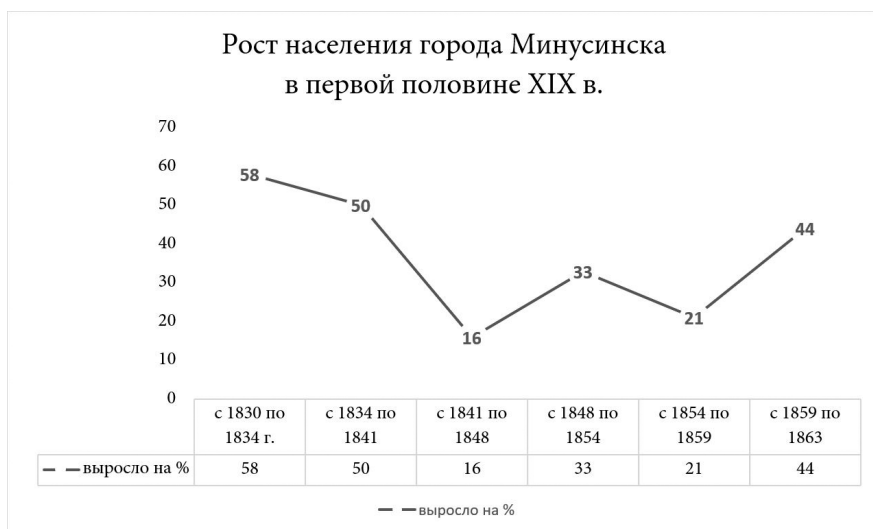

Рис.1. Составлена по данным: МУ. АГМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 137. Л. 2, 5; Ватин–Быстрянский В. А. Город Минусинск: к 100-летию юбилею города Минусинска 1822–1922 г. Минусинск. 1922. – С. 13, 14, 17, 18.

К этим данным нужно относиться с осторожностью, потому что до 1841 г. население приводится лишь в мужском составе. При этом на графике можно проследить, что рост населения происходит неравномерно, и к 1863 г. происходит спад активности заселения в сравнении с 1830 г.

Национально-конфессиональный состав населения города отражал общую картину в Енисейской губернии

и был полинациональным и поликонфессиональным, с преобладанием русских и православных. Наиболее крупными национальными группами города были поляки, татары. Многочисленность татарского населения города в источниковой базе можно объяснить присутствовавшего на протяжении исследуемого периода уравнительного условия для хакасского населения, татарского и тувинского. Все три народности в документах именуются одним термином — татары. На формирование минусинского социума повлияло наличие значительных разносторонних религиозных сегментов. Так в городе существовали представители католических, старообрядческих и мусульманских общин.

В г. Минусинске выделялось пять крупных сословных групп населения: дворяне, купцы, мещане, крестьяне и духовенство. Состав групп и их численность были подвержены изменениям, которые были связаны прежде всего с экономическим развитием региона. Увеличение мещанского слоя населения, свидетельствует о развитии торговли и промыслов в городе в исследуемый период. Доминирующими по численности городскими сословиями на протяжении исследуемого периода выступали мещане и крестьяне. Это явление свидетельствует о том, что г. Минусинск на протяжении XIX в. являлся наиболее сельскохозяйственным городом, с зачатками капиталистических отношений.

Менее представительной городской группой выступало купеческое сословие. Неотъемлемой частью жизни купцов в городе выступала общественно полезная деятельность. Данный вид деятельности активно способствовал социокультурному развитию города. Так, минусинский купец Г. П. Сафьянов, являвшийся членом музейного комитета, собиравший коллекции, а также жертвовавший деньги в пользу музея, активно способствовал исследованию края. Он оказывал постоянную помощь исследователям Н. Ф. Катанову, Г. П. Потанину, Д. А. Клеменцу, Ф. Я. Кону [ГАКК, Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 7.].

Таблица 1. Сословный состав города Минусинска с 1863 по 1900 гг.

Сословия/год	1863	1880	1890	1900
Дворянство	93	96	113	123
Духовенство	308	32	21	505
Почётные граждане	14	—	3	51
Купцы	114	246	207	75
Мещане	1785	4127	5003	1277
Крестьяне	753	476	413	—
Ссылные	—	255	753	892

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись Российской империи. 1897 г. Енисейская губерния. Т. 73. – С. 2–3; Памятная книжка Енисейской губернии... на 1863 г. / Сост. под ред. Г. А. Хотунцова. – Красноярск: Енисейск. губ. тип., 1889. – С. 88–99; Памятная книжка Енисейской губернии... на 1890 г. / Сост. под ред. Г. А. Хотунцова. – Красноярск: Енисейск. губ. тип., 1889. – С. 109–112; Памятная книжка Енисейской губернии... на 1900 г. / Сост. под ред. Г. А. Хотунцова. – Красноярск: Енисейск. губ. тип., 1901. – С. 146–153.

Одним из факторов, характеризующих социокультурное развитие города, является его облик и благоустройство. Уровень благоустройства в городе напрямую был связан с финансовым положением, а также культурными запросами горожан. Условия, в которых вело свою деятельность городское население, формировали основу социокультурного развития. Висследуемый период в городе формируется архитектурный ансамбль, состоящий из трёх основных элементов инфраструктуры. Во-первых, это площадь Гостинодворская, она же Базарная (у музея им. Н. М. Мартыанова) — визитная карточка города, начинается застраиваться в 1803 г. В 1860-е гг. Базарная площадь была перенесена на два квартала на юг, вместе с торговой площадью переместился и административный, и деловой центр. Старая площадь, Гостинодворская, стала центром формирования социокультурного пространства города.

Во второй половине XIX в. происходит активное

строительство в городе. На торговой площади построили здания в традиционном уже для Минусинска стиле. Это здания Н. Смирнова, «Дом Вильнера», дом купца Калнина, дом купца Матонина и здание купца Rogozinskogo.

Благоустройство в городе оставляло желать лучшего. Минусинск представлял собой образец неряшливости и беспечности. К элементам городской инфраструктуры можно отнести: деревянный мост через Минусинскую протоку, существовали к концу XIX в. речное судоходство и пристань. В. А. Ватин писал: «у городской больницы на балансе числились 3 лодки для перевоза больных в 1848 г.» [Ватин, 2018, с. 533]. В последнюю треть XIX в. в городе было открыто пароходное сообщение. По-прежнему одним из основных видов транспорта на протяжении всего исследуемого периода были лошади. В каждом дворе были конюшни для содержания животных.

За центральными площадями, где обитала городская элита, проживало крестьянское население города в деревянных домах с печным отоплением. Как отмечал Ковалёв В. А. в своей работе «Минусинск», «в городе царил грязь, зловоние, вопиющая антисанитария и в связи с этим в городе была большая детская смертность» [Ковалёв, с. 29]. В газете «Сибирь» от 1881 г. была опубликована статья, в которой говорилось о том, что Дума ничего не делает, особенно в отношении благоустройства и оздоровления города. Кругом лужи зловонной грязи и мусора. Специально отведённые места для выброса мусора в Минусинске находились за городом. Во дворах домов должны были находиться помойные ямы и по мере их заполнения отходы вывозились за город. Такие ямы со срубами имелись не более чем в 50 дворах. Свалки мусора зачастую находились недалеко от водоёмов, загрязняя их.

Таким образом, Минусинск представлял собой типичный сибирский купеческий город, в котором сочетались торжественность архитектуры в радиусе центральных площадей, где были собраны общественные блага, и деревянные неблагоустроенные окраины. Архитектурные памятники

в городе были возведены, главным образом, минусинскими золотопромышленниками, купцами.

Минусинск оставался в рамках сельского или аграрного типа, что типично было для России в целом и для малых сибирских городов особенно. Основными занятиями горожан являлись сельское хозяйство, скотоводство и земледелие. Но неотъемлемой частью повседневной жизни населения становится торговля, жители города начинают заниматься более активно ремеслом. Повседневная жизнь была типичной для сибирского города данного периода. Исторической особенностью Минусинска стало проведение благотворительных вечеров интеллигенцией, тем самым происходило формирование особого, специфического социокультурного пространства.

Особое место в жизни горожан занимала церковь. Население города придерживалось расписания религиозных праздников: от Рождества до Пасхи, от Пасхи до Крещения Господня, от Покрова до Казанской и т. д. Горожане следовали циклу сельскохозяйственных работ согласно церковному календарю. Ватин В. А. отмечал, что церковь в городе выступала в роли стяжателей. Он писал, что священники закабалляли население ростовщическими операциями. Например, в 1833 г. 10 марта было заключено условие, по которому мещанин Василий Токарев взял у священника Петра Токарева 230 рублей, с тем условием, что часть денег, а именно 45 рублей отработают сыновья Василия в течение одного года, остальную часть долга будет внесена деньгами [Ватин, 2018: с. 577]. При этом оба гражданина выступали в родственных отношениях как братья, что не помешало Петру Токареву закабалить брата.

М. Р. Price в *Siberia* описывал эпизод своего путешествия. Автор повествует о том, что в дни празднования Пасхи ему никак не удавалось приобрести элементарных провиантов для дальнейшего похода. В городе никто не работал, «все щелкали орехи сидя на лавочке». «Я кое-как приобрёл не первой свежести яйца у еврея сапожника» [Price, с. 75].

Состояние религиозной жизни в г. Минусинске повторяло ситуацию большинства провинциальных дореволюционных городов. Религиозная жизнь горожан в период с 1823 по 1917 г. не претерпела кардинальных изменений. Церковь оставалась местом, куда горожане стремились в критической ситуации. Церковь являлась институтом, взявшим на себя социальные и культурные функции. Действия купцов и меценатов, интеллигенции имели достаточно индивидуальную основу, которая не могла стать надёжной опорой для важных отраслей жизни городского общества. Именно поэтому религиозные институты в XIX в. играли важную роль в городском социуме, выступали в роли опоры, трактующей нормы и ценности. В то же время для представителей других конфессий, проживавших на территории города, религия имела консолидирующие и ащитные функции.

Развитии образования и просвещения горожан можно разделить на четыре этапа: первый этап — с 1830-х гг., связан с приездом в город декабристов, второй этап — с 1850-х гг., связан с открытием первого в городе приходского училища, 1880-е гг. — третий этап в развитии образования в городе, связанный с открытием в городе женской прогимназии, открытием музея, 1913 г. — четвёртый этап, связан с открытием мужского училища.

Таблица 2. Доля грамотного населения городов Енисейской губернии

Город	Количество населения (тыс. чел.)	Количество грамотного населения	Доля грамотного населения в %
Ачинск	6700	1933	28,8%
Енисейск	11500	4345	37,7%
Канск	7500	2511	33,4 %
Красноярск	26600	11879	44,6 %
Минусинск	10200	4281	41,9 %

*Подсчитано по: Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Енисейская губерния. Т. 73. СПб., 1904. – С. 2–48.

Таким образом, в исследуемый период Минусинск представлял собой типичный сибирский город, вступивший на ранне-индустриальную стадию модернизации. Основными факторами минусинской городской жизни стали: экономикогеографическое положение Минусинска на южном торговом пути, близость региона к золотоносным месторождениям, а также образовательный фактор. Они явились стимулом к началу трансформации социокультурной сферы, толчком к развитию урбанистических тенденций, т. е. переходу к городскому обществу.

Город сумел сформировать и сохранить уникальный статус транспортного центра на юге Енисейской губернии, что позволило купцам города производить активную торговую деятельность с близлежащими регионами, а также с китайскими компаниями.

Город выступал местом, в котором приезжающие мигранты претерпевали изменения в их традициях, в привычном укладе. В город активно проникали новые тенденции, преобразуя жизнь горожан, при этом сохранялись традиционные уклады прошлых веков. В итоге формировалось особое провинциальное социокультурное пространство, где традиция и модерн соединялись в единое пространство.

На протяжении всего исследуемого периода преобладающим слоем населения в городе оставалось мещанство. Оно в городе занимало среднее положение, формировавшееся за счёт торговой деятельности.

Отличительной чертой социального состава города являлся большой процент ссыльного населения. Для минусинского социокультурного пространства этот факт имел положительные последствия. С одной стороны, политические ссыльные являлись каналом просвещения и образования горожан, с другой стороны, они являлись непосредственно активными участниками общественной жизни.

Изменения в социальной сфере Минусинска способствовали и усложнению его культурной жизни. Социокультурное про-

странство города отличалось демократизмом, наблюдались гибкость социальных рамок и характерная для них маргинализация населения. Всё большее распространение получали элементы городской культуры: увеличилось количество учебных заведений и число учащихся, появились новые центры просвещения, нехарактерные для традиционной культуры, такие как местный публичный музей с библиотекой, читальня, кинематограф, вследствие этого и формы досуга стали более разнообразными.

Таким образом, в социокультурном пространстве сибирского города Минусинска преобладали традиционные черты организации городской жизни с появляющимися индустриальными элементами, характерными для начального этапа модернизации. По динамике численности населения, уровню образования и просвещения горожан, а также по развитию каменной архитектуры Минусинск во многом превосходил малые сибирские города, что позволяет сделать вывод об уникальности социокультурного пространства Минусинска, во многом сформировавшегося под влиянием географических и социально-экономических предпосылок.

Список литературы:

Ватин В. А. Минусинск: Исторические очерки. [Текст] / В. А. Ватин. – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей, 2018. – 636 с.

Ватин В. А. Город Минусинск: К 100-летию юбилею города Минусинска 1822–1922 г. [Текст] / В. А. Ватин. – Минусинск: Государственная типография, 1922. – 394 с.

Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. [Текст] / Т. А. Кискидосова. – Абакан: Бригантина, 2012. – 312 с.

Кискидосова Т. А. Городская среда Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. (по материалам местной периодической печати) [Текст] / Т. А. Кискидосова. // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Хакас. науч.-исслед. ин-та яз.,

лит. и истории (3–5 сент. 2009 г.). – Абакан: Бригантина, 2009. – Т. 1. – 176 с.

Ковалёв В. А. Минусинск. [Текст] / В. А. Ковалёв. – Красноярск: Книжное изд-во, 1986. – 181 с.

Передерий А. А. Классификация и типология городов // Научно-техническая конференция МГТУ. Секция «Актуальные проблемы менеджмента, маркетинга, экономики и права». М., 2000. – С. 112–119.

Постников С. П. Социокультурное пространство города в историческом измерении [Текст] / С. П. Постников // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2008. 1(18). – С. 4–7.

Price M. P. Sibiria. [Текст] / M. P. Price. – London, 1916. – 308 p.

Семёнов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии [Текст] / В. П. Семёнов-Тян-Шанский // Записки Императорского русского географического общества. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, Т. 10. 1910. IV. Вып. 2. – 212 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дерова Анастасия Владимировна

аспирант ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»,
учитель истории и обществознания
МОБУ «Лицей № 7», г. Минусинск.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR;

Deroва Anastasia Vladimirovna

Graduate student, Katanov State University of Khakassia,
Teacher of History and Social Studies, Lyceum 7, Minusinsk.

РАЗДЕЛ IV. МУЗЕЙ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

УДК 069(571.51)

И. А. Максимова, Ю. С. Мурина

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАКАССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Л. Р. КЫЗЛАСОВА

Аннотация. В статье рассматривается одно из новых направлений культурно-образовательной деятельности Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова – интерактивные формы работы. Анализируется видовое многообразие, опыт использования, актуальность и востребованность данных форм посетителями. На примере ряда проектов, проведённых в музее, показана эффективность таких форм взаимодействия с аудиторией, как виртуальная реальность, мастер-классы и квесты.

Ключевые слова: виртуальная реальность, квесты, мастер-классы, интерактивные формы работы, театрализованная экскурсия, театрализация, музей.

I. A. Maximova, Y. S. Murina

INTERACTIVE FORMS OF WORK IN EDUCATIONAL ACTIVITY OF L. R. KYZLASOV KHAKAS NATIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM

Annotation. The article deals with interactive forms of work — one

of the new lines of educational activities of L. R. Kyzlasov Khakas National Local History Museum. It analyzes the variety of activities, experience in using, relevance and demand of these forms by visitors. An example of a number of projects carried out at the museum shows the effectiveness of such forms of interaction with the audience as Virtual Reality, workshops and quests.

Keywords: virtual reality, quests, workshops, interactive forms of work, performance excursion, staging.

Повышение роли музеев в культуре и общественной жизни на современном этапе происходит в условиях, «когда наблюдается нарастание интеграционных процессов, использование новых информационных технологий и происходит смешение специфических форм деятельности» [Никонова, с. 38]. Более глубокая интеграция музея в современный социум заставляет активизировать поиск новых современных форм работы культурно-образовательной деятельности – одного из основных направлений деятельности современного музея. Одна из особенностей этого процесса – более широкое использование современных интерактивных форм работы.

Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова — один из важнейших социокультурных институтов региона. Являясь крупнейшим хранилищем культурного наследия в регионе со значительными локальными, архитектурными, маркетинговыми возможностями, музей успешно решает задачи по сохранению историко-культурного наследия, созданию и поддержанию положительного имиджа музея и региона. Один из инструментов этого процесса, которому музей уделяет много внимания, — развитие и совершенствование разнообразных традиционных и новых форм работы культурно-образовательной деятельности, направленных на расширение музейной аудитории. Интерактивные формы работы с посетителями – современная, востребованная временем форма взаимодействия с аудиторией, которая развивается и совершенствуется под влиянием исторических обстоятельств, научных поисков и запро-

сов социума. В основе интерактивных форм лежит «технология интерактивности, которая основана на деятельном участии посетителей в освоении музейного пространства» [Юренева, с. 397]. Среди таких форм работы в музее представлены поисковые экскурсионные игры (квест-игры), мастер-классы, интерактивные образовательные программы, театрализованные экскурсии, интерактивные занятия.

Одна из наиболее востребованных среди посетителей интерактивных форм работы — музейно-педагогическая образовательная программа «Виртуальная Хакасия» — имеет большое значение в сфере изучения историко-культурного наследия. Презентация этого проекта, созданного программистами Центра информатизации и новых технологий Республики Хакасия в партнерстве с сотрудниками Хакасского музея, состоялась в музее в 2022 году. Посетитель совершает путешествие с помощью автономной VR-гарнитуры на Большой Салбыкский курган — самый крупный археологический памятник в Хакасии, созданный в V веке до н. э. Особенность программы, популяризирующей идею сохранения объектов культурного наследия, в том, что на древние орудия труда можно не только посмотреть, но и самостоятельно держать их в руках. Контроллеры позволяют стрелять из лука, брать предметы утвари и топор, взаимодействовать с интерактивным окружением. Важно, что посетитель имеет возможность понять масштаб создаваемых в древности памятников, оценить сложность строительства, причины применения определённых строительных материалов. Программа может быть использована и как переносной интерактивный инструмент для выставок за пределами Хакасии в рамках деятельности Туристско-информационного центра Республики Хакасия и Министерства экономического развития Республики Хакасия.

Проект инклюзивный, в том числе передвижной. Преимущество использования этой программы, одной из самых востребованных услуг музея в летний туристический сезон, особенно для молодёжной аудитории, ввиду возможности

приобретения билета на услугу по Пушкинской карте (продажи билетов на услугу по Пушкинской карте — 41,6 %, по коммерческим билетам — 59 % за 2022 г.), несомненно, востребованности разными категориями посетителей. Она интересна как детской и школьной музейной аудитории, так и юношеской, студенческой и взрослой аудитории. У семейной аудитории (от детей до пенсионеров) популярность этой услуги музея тоже высока.

При работе с посетителями музей активно обращается к интерактивным средствам нетехнического характера, к числу которых относятся интерактивные экскурсии, включающие диалоги с публикой, мастер-классы, викторины, концерты и другие проявления интерактивности, не требующие новых технологий.

Театрализованная экскурсия, примером которой служит «Хакасский гостевой обряд» в музее, востребована у гостей города и туристов. Экскурсия была разработана с использованием элементов традиционной обрядовой культуры хакасов. Конкретно, использовался традиционный обряд гостеприимства, переставший функционировать в среде бытования, актуализированный посредством реализации форм культурно-образовательной деятельности. Эта интерактивная экскурсия с элементами театрализации (костюмирование, обряд, язык общения) успешно проводится в музее и фактически становится брендом республики. В 2022 году сотрудники музея представляли проект «Гостевой обряд» на V Фестиваль музейного маркетинга и гостеприимства «Музей для людей» в г. Новосибирске. В дальнейшем тематика театрализованных экскурсий будет расширяться, планируется проведение мероприятий в интерьере хакасской юрты с угощением чаем на сибирских ароматных травах и национальными сладостями. Практика проведения представления показывает, что после каждого мероприятия жители республики начинают активнее проявлять интерес к обычаям и традициям хакасского народа, языку, носить национальные украшения. Происходит положительный обмен традициями между представителями других национальностей

в регионе и за пределами региона, активизируется гастрольная деятельность национальных творческих коллективов.

Одной из удачно найденных интерактивных форм стала игра-квест «Юный археолог». Квесты находятся сегодня на пике популярности и активно применяются в музейно-педагогической деятельности. Квест «Юный археолог», разработанный в 2019 году и в течение короткого времени ставший популярной формой взаимодействия музея со школьной аудиторией, это экспозиционное пространство, организованное по принципу игрового путешествия. Путешествие–экспедиция начинается в мемориальном зале Л. Р. Кызласова, предваряется небольшой экскурсией музейного педагога и сбором рюкзака, продолжается в зале каменных изваяний «Древнее искусство Хакасии», где школьники знакомятся с историей и археологией региона на примере центральной экспозиции музея, где собраны каменные изваяния с наскальными рисунками. В рамках квеста школьники, категория, для которой разработано интерактивно-образовательное занятие, выступают в роли настоящих исследователей: они узнают, кто такой археолог и что такое раскопки. «В процессе игры, используя карту, проходят по указанному маршруту, обсуждая с педагогом вопросы по истории Хакасии и археологии, а также находят исторические артефакты» [Аналитический отчёт..., 2019, л. 14]. «Задания выполняются с помощью взаимодействия с экспонатами — именно они содержат в себе информацию, которая помогает найти верное решение» [Меркурьева, с. 100]. Во время проведения квеста «становится важным не только показать экспонат, но и построить вокруг него историю, встроить в современный контекст, вдохновить аудиторию на взаимодействие» [Музей в цифровую эпоху..., с. 41]. В работе над квестом произошло традиционное для музея объединение двух форм работы с аудиторией – на основе экспозиции было разработано интерактивно-образовательное занятие. Квест может быть адаптирован под разные возрастные категории школьников. Образовательная часть за-

нятия обеспечивается работой с экспонируемыми музейными предметами и их муляжами, с информацией, которая является ключом к разгадке задач занятия.

Мастер-классы — ещё одна востребованная среди различных категорий посетителей форма работы. Мастер-класс — форма обучения и обмена опытом, объединяющая формат тренинга и конференции, которая реализуется в различных направлениях музейно-педагогической деятельности: профориентационной, арт-терапевтической, этнопедагогической. Согласно данным документов финансовой отчётности музея, в 2017 году было проведено 78 коммерческих мастер-классов, в 2022 — 558, т. е. количество проведённых коммерческих мастер-классов за этот период увеличилось почти в 7,2 раза. Расширение спектра оказываемых музеем услуг, в том числе и мастер-классов, учёт факторов, возникших после переезда музея в 2017 году в новое здание, позволили музею получить такой эффективный результат.

В музее представлено значительное видовое многообразие этой формы работы (мастер-классы по современному искусству, по традиционной культуре хакасского и др. народов, экологической направленности; по природно-археологическому наследию, мастер-классы в рамках праздников народного календаря и мероприятий, приуроченных к государственным датам). Неизменно привлекают внимание посетителей мастер-классы по современному искусству, среди которых интересная, атмосферная форма взаимодействия с посетителями — мастер-классы профессиональных художников в пространстве постоянной экспозиции музея, на персональных и тематических выставках. Так, в рамках музейного выставочного проекта «Образы древности в круге жизни» была представлена персональная выставка главного художника музея Владимира Агеева. Художник знакомил аудиторию со своим творчеством, провёл мастер-класс по созданию рисунка в технике наборной, или штамповой, линогравюры, помогая посетителям приблизиться к пониманию современного изобразительного искусства. Мастер-класс учитывает специфику Хакасского

национального музея, в частности одной из его брендовых коллекций — археологической: показывает собирательный образ территории Хакасско-Минусинской котловины в разные культурно-исторические эпохи, а также своеобразие духовного мира людей, живших на данной территории тысячи лет назад.

Среди музейных мастер-классов, пользующихся большой популярностью у посетителей, можно назвать стабильно привлекающий разные аудитории мастер-класс по декорированию бутылок для украшения интерьера «Радуга цвета» с применением цветной соли, а также впервые проведённый во время акции «Ночь музеев–2021» на базе выставки художника Иштвана Ороса «Иллюзия в графике и плакате» необычный мастер-класс «Маятник в искусстве» [Аналитический отчёт..., 2021, л. 49] по созданию картин абстрактной живописи движением конструкции из маятника. Этнографические мастер-классы активно приобщают посетителя к национальным традициям, искусству, формируя этнические ценности. Мастер-классы популярны в музее. Музей активно разрабатывает и внедряет эту востребованную посетителем форму работы с учётом образовательной, воспитательной и рекреационной задач, стоящих перед ним.

Хакасский национальный краеведческий музей решает множество задач по расширению доступа населения к культурным ценностям. Находя интересные решения при поиске новых современных эффективных форм культурно-образовательной деятельности, таких, как интерактивные формы работы на современном этапе, музей просвещает посетителя, социализирует, развивает способности самостоятельно мыслить и ориентироваться в современных общественных ценностях через приобщение к культурным ценностям разных эпох. Более глубокое изучение интересов и потребностей аудитории, постоянное внимание к уровню востребованности, качеству, репертуару актуальных форм взаимодействия, в частности, интерактивных форм работы, позволит поддерживать на хорошем уровне интерес посетителя к музею.

Список литературы и источников:

Аналитический отчёт ХНКМ им. Л. Р. Кызласова за 2019 г. // НА ХНКМ им. Л. Р. Кызласова. Оп. 1. Д. НА 2/76. Л. 14.

Аналитический отчёт о результатах деятельности ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова за 2021 год» // НА ХНКМ им. Л. Р. Кызласова (Научный архив ХНКМ им. Л. Р. Кызласова. Оп. 1. Д. НА 2/78. Л. 49.

Меркурьева А. С. Квест как форма культурно-образовательной деятельности музея // Молодёжный вестник Санкт-Петербургского Гос. института культуры. – 2017. – № 2(8). – С. 100.

Музей в цифровую эпоху: перезагрузка / П. О. Васильева, Д. В. Качуровская, А. В. Михайлова [и др.]. – [б. м.]: Издательские решения, 2018. – С. 41.

Никонова А. А. Новые тенденции в деятельности институтов памяти // Вестник СПбГУ. – Сер. 6. – Санкт-Петербург, 2012. – Вып. 3. – С. 38.

Юренева Т. Ю. Музееведение. – Москва: Институт Наследия, 2020. – С. 397.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Максимова Ирина Андреевна,

Методист, ГАУК РХ ХНКМ имени Л. Р. Кызласова,
Хакасия, Абакан

mia@hnkm.ru

Мурина Юлия Сергеевна,

методист по музейно-образовательной
деятельности,

ГАУК РХ ХНКМ имени Л. Р. Кызласова

Хакасия, Абакан

mur@hnkm.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Maximova Irina Andreevna

Context specialist,

L. R. Kyzlasov Khakas National Local History Museum
Republic of Khakassia, Abakan

mia@hnkm.ru

Murina Yulia Sergeevna

Context specialist,

L. R. Kyzlasov Khakas National Local History Museum

Republic of Khakassia, Abakan

mur@hnkm.ru

УДК 908

Матео Эль-Грумете Зарко

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ: ПОЛЬ АРГАНТ

Аннотация. В статье даётся обзор франкоязычной брошюры П. Арганта «Отчёты о Сибири»: внешние признаки брошюры, история её появления в Минусинском музее; сведения из биографии автора, о его пребывании в Сибири и о жизни после ссылки, о других его произведениях; обозначаются направления дальнейшей работы.

Ключевые слова: Людвик Немоёвский, Польское январское восстание, французы-добровольцы, ссылка.

Mateo El Grumete Zarko

FOREIGN LITERATURE IN THE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE MINUSINSK MUSEUM: PAUL ARGANT

Abstract. The article provides an overview of P. Argant's French brochure *Relations sur la Sibérie*: external features of the brochure, its origin and its history in the Minusinsk Museum; the author's background, his stay in Siberia and his life after the exile, his other works; directions for further work are indicated.

Keywords: Ludwik Niemojowski, Polish January Uprising, French volunteers, exile.

В научной библиотеке Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова сформирован фонд иностранной литературы, составляющий порядка 4 % от общего числа изданий: примерно 5500 из почти 140 000 единиц. Французский раздел является средним по объёму по

сравнению с разделами на иных языках и разнообразен по тематикам. В иностранном фонде насчитывается много изданий, посвящённых самому музею и его коллекциям или, как минимум, минусинскому региону — особенно если это работа до времени приезда Н. М. Мартьянова в город. Имеются экземпляры достаточно редкие — как по внешним признакам, так и по содержанию. Они оборачиваются самостоятельными музейными предметами и даже историческими документами, каждый со своей неповторимой судьбой, готовыми поведать о музее, регионе и авторе бездну информации — несметно больше, чем автор изначально задумывал и предполагал. По ним можно проследить и узнать что-то новое о деловых связях, которые поддерживал музей с источниками этих поступлений — отдельными людьми, научными сообществами.

В 2023 году исполняется 160 лет с момента начала Польского восстания 1863–1864 гг. за восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года. В связи с этим предлагаем обратиться к одной примечательной книге на французском языке, автор которой оказался в Сибири после участия в этом восстании и оставил воспоминания о путешествии по России.

Брошюра Поля Арганта «Отчёты о Сибири. Первый доклад» обращает на себя внимание, в первую очередь, заголовками трёх разделов:

I. По этапу.

II. Город Минусинск и Минусинский округ.

III. Поездка к татарам.

Такой план частично напоминает двухтомник Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка», ставший предметом нескольких заметных проектов музея и библиотеки, в том числе в 2021–2023 гг. Однако труд американского путешественника гораздо монументальнее, Минусинску и здешним «татарам» посвящена у него лишь часть одной главы в конце второго тома, и был он здесь на 12 лет позже публикации интересующей нас брошюры.

Она вышла в свет в 1874 году, то есть автор посетил Минусинск заведомо не только до создания местного музея,

но и до приезда его будущего создателя Н. М. Мартыанова, и этим издание тоже отличается от свидетельств Кеннана. Путешествие Арганта по региону описано в тексте повествования, а мы в настоящей работе остановимся на внешних признаках книги, на истории её выхода в свет и поступления в минусинский музей.

Книга французского автора на французском языке отпечатана в г. Познани. Один из древних городов Польши, к территории которой сегодня и относится, на момент выхода издания находился в составе провинции Позен под властью Пруссии, и название города написано по-немецки.

Сведения об издательстве написаны на французском, фамилии издателей — на польском. Это типография г-на Ю. И. Крашевского, перенесённая из Дрездена в Познань при содействии д-ра В. М. Лебинского.

Юзеф Игнацы Крашевский (1812–1887) — польский писатель, публицист, издатель, переводчик, художник, музыкант. Многие его произведения представлены и в иностранном фонде библиотеки Минусинского музея. С 1873 года завязал контакт с французской разведкой. Арестован в Берлине в июне 1883 г. за шпионскую деятельность в пользу Франции против Пруссии.

Владислав Лебинский (1840–1907) — философ, политический и общественный деятель, журналист, владелец типографии, участник Польского январского восстания 1863 г.

На обложке брошюры имеется ещё одна фамилия на польском — автограф синими или чёрными чернилами: *Немоёвский*.

Людвик Немоёвский (1823–1892) — прозаик, драматург, этнограф; за участие в том же восстании был сослан в Сибирь на довольно долгий срок как русский подданный (его родовое имение находилось по соседству с Познанью, на территории Российской Империи) [Леончик, с. 156]. Книга Немоёвского «Сибирские картинки» на польском языке была издана в Варшаве по его возвращении из ссылки в 1875 г., а в 1883 г. — на английском в Лондоне.

Авторы того периода не слишком популярны и авторитетны,

особенно по сравнению с их соотечественниками-последователями, как, к примеру, Ф. Я. Кон, послуживший на славу Минусинского музея. Произведения участников январского восстания 1863–1864 гг. незаслуженно забыты, лишь единицы переведены на русский язык и известны российским этнографам [Леончик, с. 159]. Однако эти люди действительно в чём-то явились первопроходцами. По меньшей мере, в том, что начали вводить в информационное поле на своём языке понятия о Сибири, её жителях, их быте и культуре.

В 60-е гг. XIX в. в ссылке в Енисейской губернии оказались и иностранцы, поддержавшие польское восстание, — в частности пятеро французов, подданных Пруссии. Среди них был Поль (Павел) Аргант, книга которого затем опередит по дате выхода труд Немоёвского. Офицер Аргант участвовал в польском восстании как корреспондент французского журнала *Temps* («Время»).

Их отряд под командованием французского офицера Леона (Юнга) Бланкенхейма был разгромлен русскими войсками в сражении при Осове, в период кампании Эдмунда Тачановского. В лагере Казимеж-Бискупы (на полпути из Познани в Лодзь) 25 апреля 1863 г. Аргант ведёт записи по-немецки: «Нас здесь около 1000 человек» и «по меньшей мере 20 французов» («Wir sind etwa 1000 Mann», «mindestens 20 Franzosen») [Kowalski, Paciorek, с. 120, 123]. Оказавшись в ссылке в Красноярске, Аргант был неофициально принят учителем французского языка для детей местной знати [Леончик, с. 155]. Как иностранный подданный он был амнистирован 16 апреля 1866 г. в возрасте 29 лет и «возвращён на родину 8 ноября 1867 г.» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 2. Лл. 99 об.].

В Познани Аргант, очевидно, продолжил преподавательскую деятельность.

В адресной книге города (более 57 000 душ на 1872 г.) есть запись [Adressbuch, 1872, с. 4], что учитель иностранного языка с такими же именем и фамилией проживал в то время в доме № 19 по улице Герберштрассе [Adressbuch, 1886, с. 2] (сегодня — ул. Гарбары).

Ещё в августе 1868 г. Аргант в письме к актрисе Хелене Моджеевской указывает обратным адресом дом 12 по улице Мюленштрассе [Archiwum Heleny Modrzejewskiej, с. 228] (сегодня — ул. Млыньская). Рядом, в доме 9 находилась Школа Луизы для девочек, где он и мог давать уроки.

В 1869 г. в Познани в типографии Я. К. Жупанского выходит книга Арганта *Leçons sur la littérature française* («Лекции по французской литературе»).

В каталогах магазина и издательства Я. Жупанского, в разделе произведений на французском языке книга Арганта учитывается в течение нескольких лет (по цене в 5 сер. грошей в 1870, 1872 и 1874 гг.; 50 пфеннигов в 1876 и 1880 гг.; 25 пфеннигов в 1911 г.) с полным названием «Лекции по французской литературе, написанные по произведениям лучших авторов. Первая Поставка. Краткое изложение эпох». Причём в 1870–1880 гг. Аргант числится как член-корреспондент художественного союза [Katalog nakładowy, 1870, с. 37; 1872, с. 34; 1874, с. 38; 1876, с. 40; 1880, с. 58], в 1911 г. — без указания должности, вероятно по той причине, что автора уже не было в живых на тот момент [Katalog nakładowy, 1911, с. 70].

На обложке «Лекций по французской литературе» Арганта, среди прочего, сообщается и о том, что готовится к публикации очередная книга этого же автора — *Les étapes, de Paris au fleuve de*

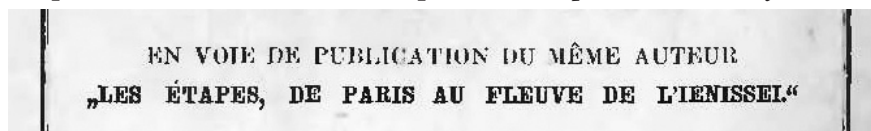

Рис. 1. Анонс книги П. Арганта о Сибири – на обложке его «Лекций по французской литературе».

l'Enisseï («По этапу: от Парижа до реки Енисей», рис. 1).

Союз П. Арганта с Я. Жупанским не случаен.

Ян Константин Жупанский (1804–1883) — публицист, переводчик, книготорговец, издатель (в том числе книг Ю. И. Крашевского, А. Мицкевича), держатель библиотеки, антиквар. В его библиотеке можно было приобрести по

абонементу польские и французские издания. В его издательстве публиковались труды польских писателей и исследователей, работавших в стране и за рубежом, включая эмигрантские политические брошюры демократов. Во второй половине XIX века это была лидирующая издательская компания в Польше. Дом, в котором родился Жупанский, по адресу Старый рынок, 8, сохранился до наших дней. В районе Старого рынка и были его библиотека, печатная мастерская, книжный магазин — по Новой улице, сначала в доме № 7, затем в доме № 2.

Сегодня в доме № 3/5 на улице И. Падеревского (она же — улица Новая в XIX в.) действует антикварная книжная лавка им. Жупанского.

Поблизости (в некоем доме № 70) находился и магазин Арганта, где продавались предметы женской одежды из Парижа, согласно рекламному объявлению в газете *Posener Zeitung* («Познаньская газета») от 29 мая 1869 г. [*Posener Zeitung*, № 122 (1869.05.29), с. 7].

Однако дома № 70 на улице Новой (сегодня — И. Падеревского) нет и быть не могло, поскольку улица длиной всего 200 метров, от Старого рынка до площади Свободы. Некоторые другие магазины в газетах разных лет вовсе имели разные адреса: дом № 70 — то на ул. Новой, то на Старом рынке. Таким образом, это либо опечатка, либо неустоявшиеся варианты адресации. Скорее всего, модный магазин Арганта («вход через цветочный магазин») находился вместе с издательством Жупанского в доме № 7 по ул. Новой, в «Базаре» — крупном торговом центре, в котором и сегодня размещаются магазины одежды, ювелирных украшений и цветов, а также кафе, спа-центры, отель.

Кроме соседства своих торговых точек, Павел Аргант и Ян Жупанский в 1869 г. указаны в списке местных членов общественного кружка — в ежегоднике этой организации [*Rocznik*, 1869, с. 22], к которой в 1871 г. присоединился и В. Лебинский [*Rocznik*, 1871, с. 29].

* * *

Вышла ли в свет отдельным изданием работа Арганта «По этапу: от Парижа до реки Енисей», анонсированная на обложке

его «Лекций по французской литературе», — выяснить пока не представляется возможным. Однако с докладами о Сибири он выступал не раз.

Третий такой доклад газета *Posener Zeitung* анонсировала на 3 апреля 1870 г. [*Posener Zeitung*, № 77 (1870.04.01), с. 9] (рис. 2). Место проведения — зал г-на Фалька по адресу ул. Риттерштрассе, 12. Билеты по 10 серебр. грош. продавались в книжном магазине Я. Жупанского на Новой улице.

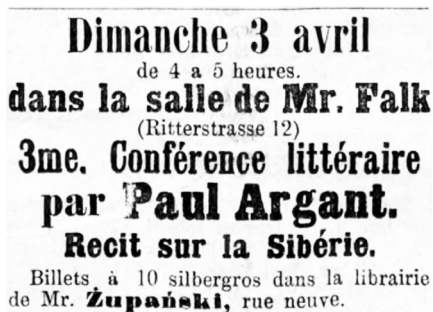

Рис. 2. Анонс третьего доклада П. Арганта о Сибири на 3 апреля 1870 г.

Очевидно, не редкостью были и комплексные чтения, когда Аргант сочетал рассказы о Сибири с лекциями по французской литературе. По прошествии очередного подобного выступления 19 апреля 1870 г. появилась заметка в газете *Jutrzenka* («Утренняя звезда») за 20 мая 1870 г. [*Jutrzenka*, с. 9] (рис. 3):

«Кроме того, талантливый француз г-н Аргант, автор труда *Leçons sur la littérature française*, первый том которого уже опубликован в книжном магазине Я. К. Жупанского, рассказал о значении церкви от её начала до Монталамбера, а также о Сибири. Это последнее сообщение, выполненное со строго научным подходом, было тем более интересным и заслуживало тем большего внимания, что исходило из уст беспристрастного очевидца, который имел возможность лично убедиться во всём, о чём он говорил, во время своего пребывания в Сибири».

В конце 1870 года газета *Tydzień* («Неделя»), которую Ю. И. Крашевский выпускал в Дрездене, в №№ 49, 50 и 51 (за 4, 11, 18 декабря соответственно) приводит обзоры польской прессы за предыдущую неделю [*Tydzień*, № 49 (1870.12.04), с. 454; № 50 (1870.12.11), с. 460; № 51 (1870.12.18), с. 473], в том числе газеты *Dziennik Poznański* («Познаньский ежедневник»). В обзорах упоминаются и лекции Арганта о Ф. Шатобриане, П. Беранже,

К. Делаvine (на собрании театрального комитета) в числе прочих событий, которые «в те дни <...> оживили Познань».

Выступления могли проходить и в том же «Познаньском Базаре», где, вероятно, находился магазин Арганта, рядом с библиотекой Жупанского. В частности, некий «третий литературный доклад» (про К. Делаvиня) был анонсирован в газете *Dziennik Poznański* за 8 декабря 1870 г. [Dziennik Poznański, с. 3] на

предстоящую пятницу 9 декабря с 7 до 8 ч. вечера в малом зале «Базара»; цена входного билета — 7,5 серебр. грош.

* * *

В начале 1874 г. Поль Аргант публикует свой первый доклад о Сибири отдельной книгой.

И уже 1 апреля в № 229 газеты *Posener Zeitung* выходит фрагмент книги (половина третьего раздела «Поездка к татарам») в переводе на немецкий язык [Posener Zeitung, № 229 (1874.04.01), с. 2–3] (рис. 4).

Из краткой пояснительной заметки мы узнаём, что г-н Аргант действительно тогда служил учителем французского языка в городе; этой деталью подтверждается его должность, указанная в адресной книге Познани за 1872 год. Кроме того, в предисловии к переводу отмечается, что в своей характеристике «татар» автор брошюры «подходит к делу абсолютно объективно, хотелось бы сказать, — научно». Окончание перевода этой

Niesłusznie zarzucał nam przed kilku tygodniami drezdeński „Tydzień“, że stosunkowo najmniej mówimy odczytów. Jak każdej bowiem, tak i ostatniej zimy odbywały się regularnie prelekcje w kole towarzyskiem, w Towarzystwie przemysłowem i w Towarzystwie młodych przemysłowców; w ostatniem przez cały rok co niedzielę. Nadto mówił uzdolniony francuz, p. Argant, autor dzieła pod t. Lecons sur la littérature française, którego zeszyt I. już wyszedł w księgarni J. K. Żupan-skiego, o wymowie kościelnej od jej początku aż do Montalemberta i o Syberji. Rzecz ostatnia uważana ze stanowiska ściśle naukowego, była tém bardziej interesującą i na tém większą zasługiwała uwagę, że wychodziła z ust bezstronnego a nao-cznego świadka, który o wszystkim, o czem mówił, w czasie swego pobytu na Syberji, osobiście miał sposobność się przekonać. W tym jeszcze także miesiącu miał w Bazarze świętny odczyt o eman-cypacyi kobiet Dr. F. T. Rakowicz z Torunia, założyciel Towarzystwa pomocy naukowej dla dziewcząt. —

Рис. 3. Заметка о выступлении Арганта в № 1 газеты *Jutrzenka* от 20 мая 1870 г.

Ein Besuch bei den Tartaren.

(Nach dem Französischen des Paul Argant.)

H. Posen, 29. März.

Vor uns liegt eine Broschüre, betitelt: *Relations sur la Sibirie par Paul Argant*. Posen, imprimerie de J. J. Kraszewski (Dr. Lebiński) 1874.

Es dürfte dies Werkchen in doppelter Hinsicht qualifizirt sein, das Interesse der Leser in Anspruch zu nehmen, denn einmal ist es, namentlich vermöge seines letzten Theiles (*une visite chez les Tartares*) entschieden von kulturhistorischem Werthe, und zweitens lebt der Verfasser, Herr Paul Argant, bereits eine geraume Zeit als Lehrer der französischen Sprache in hiesiger Stadt. — Die Lektüre des in drei Abschnitte zerfallenden Werkchens ließ uns den Wünschen des Autors, bezüglich einer Besprechung und Uebersetzung seines Elaborats in der „Pos. Stg.“ gern entsprechen. Zur allgemeineren Informatiung sei vorweg erwähnt, daß Herr Paul Argant Jahre lang als politischer Gefangener in Sibirien gelebt, dieses unglückliche, oft beschriebene und dennoch noch immer in mysteriöses Dunkel gehüllte Land mit all seinen Schrecknissen aus persönlicher Anschauung gründlich kennen gelernt hat. Im ersten Abschnitt seiner Broschüre (*le voyage par étapes*) schildert der Autor die Strapazen und sonstigen Charakteristika eines Transports nach Sibirien, im zweiten beschäftigt er sich mit der Beschreibung des oft genannten Distrikts Minucinsk, während er den dritten Theil seines Buches den Tartaren, ihrem Lande, ihren Sitten, ihrer Lebensweise widmet. Hierbei geht der Autor rein sachlich, wie

Рис. 4. Фрагмент предисловия к переводу отрывка книги Арганта на немецкий язык в № 229 газеты *Posener Zeitung* за 1 апреля 1874 г.

главы на немецкий язык анонсировано на следующие номера газеты.

В мае того же 1874 г. о книге упоминают в № 119 журнала *Börsenblatt* (действующий до наших дней еженедельник немецкой книжной торговли, выходит с 1834 г.) — в разделе объявлений о продаже литературы, изданной на польских территориях [*Börsenblatt*, с. 7] (рис. 5).

Argant, Paul, Relations sur la Sibirie.
Première conférence. Le voyage par
Etapes. Minoucinsk et son district. Une
visite chez les Tatares. 10 Sg.
= Nur fest mit 25 % oder baar mit
33 1/3 %.

Рис. 5. Объявление в № 119 газеты *Börsenblatt* за 27 мая 1874 г. о наличии в продаже книги П. Арганта.

Уже упомянутым отзывам на доклады и книгу Арганта ярко противоречит литературный обзор в журнале *Tygodnik Wielkopolski* (польский литературный еженедельник, издававшийся в Познани

в 1871–1874 гг.). Критическая заметка появилась в № 19 за 9 мая 1874 г. (рис. 6) и заявляла о **«безрассудстве и высокомерии французского автора»**, который вообразил себя **«Колумбом, открывшим неведомую доселе часть света и новую нацию»** [Tygodnik, с. 150–151].

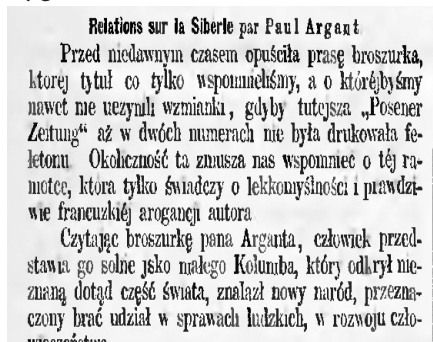

Рис. 6. Начало рецензии на книгу П. Арганта в № 19 газеты Tygodnik Wielkopolski за 9 мая 1874 г.

Критик напоминает, что Минусинский регион задолго до Арганта уже изучили более грамотные археологи, этнографы: Г. Ф. Миллер («История Сибири», 1750 г.), Н. Костров и Г. Пейзен («Записки Императорского Русского географического общества», 1850-е гг.), А. Кон (поляк, соратник Арганта по январскому восстанию).

* * *

На внутренней стороне задней обложки брошюры П. Арганта читаем, что в издательстве вышли и другие его работы.

I. «Второй доклад».

1. Что говорят и что есть на самом деле.
2. Несколько слов о поляках.
3. Красноярск и наши отчёты в ссылке.

II. Поэзия «Слёзы и улыбки в изгнании».

III. Романсы и песни на музыку Леопольда Демортрё.

Парижские издания печатных нот к песням Демортрё на стихи Арганта *Reprends ton vol* («Взлети вновь», 1858), *Le chant des bergers* («Песня пастухов», 1868), *Le jour des prix* («Ценный день», 1868), *Je reviendrai* («Я вернусь», 1888), *La première fleur Sibérienne* («Первый сибирский цветок») имеются в собрании Национальной библиотеки Франции (рис. 7), однако с платным удалённым доступом, и к настоящему моменту нам не удалось получить тексты этих произведений.

Примечательно, что даже в изгнании и после ссылки Аргант

The screenshot shows the BnF Catalogue général interface. At the top, there's a search bar with a magnifying glass icon and a dropdown menu set to 'Tout'. To the right is a button labeled 'Recherche avancée'. Below the search bar, the breadcrumb 'Accueil > Notice bibliographique' is visible. The main heading is 'Notice bibliographique'. Below this, there's a tabbed interface with 'Notice' selected and 'Au format public' as an option. The main content area displays the following information:

- Type(s) de contenu et mode(s) de consultation :** Musique notée : sans médiation
- Auteur(s) :** Demortreux, Léopold (18.-1899). Compositeur
- Titre(s) :** Première fleur sibérienne. Paroles de Paul Argant [Musique imprimée]
- Publication :** Paris : E. Chatot, [s.d.]

Рис. 7. Запись на веб-сайте Национальной библиотеки Франции о наличии издания печатных нот к песне на стихи П. Арганта.

оставался верен себе и писал лирические стихи — в продолжение ранних книг, изданных во Франции в 1855–1859 гг.: *Argument poétique sur l'approche de l'hiver* («Поэтический спор о приближении зимы»), *Essai de poésie* («Эссе о поэзии»), *Rêves et pensées* («Мечты и мысли»), *Chant du souvenir* «Песнь памяти».

В 1874 г. в том же издательстве Крашевского — Лебинского выходит ещё одна книга Арганта «В память о моих учениках. Детская поэзия» [Исследовательский центр, с. 1].

Других трудов П. Арганта, кроме «Первого доклада о Сибири», в иностранном фонде библиотеки Минусинского музея на сегодняшний день не обнаружено.

* * *

Неизвестна достоверно и история появления этой брошюры в отдалённом сибирском городке. По номеру 61647 на библиотечном штампе инвентарная книга 1943 г. выдаёт запись только с переводным названием книги «Отчёт по Сибири», без авторства.

В рукописном каталоге иностранных книг до 1902 г. [АМКМ. Ф. 1. О. 4. Д. 30] нет записи о книге, хотя первоначальный реги-

страционный номер 8513 на обложке относится к поступлениям осени 1887 г.

В сводном отчёте за первое десятилетие работы библиотеки самым крупным дарителем за 1887 год назван Иннокентий Михайлович Сибиряков — иркутский золотопромышленник и меценат, передавший в указанном году 292 издания [АМКМ. Ф. 1. О. 2. Д. 61. Л. 34.].

Список этих книг приложен к отчёту за 1888 г., и под номером 257 в этом списке числится брошюра Арганта (рис. 8) [АМКМ. Ф. 1. О. 2. Д. 59. Лл. 9, 14.].

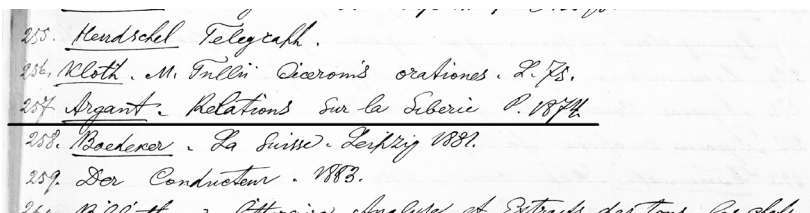

Рис. 8. Брошюра П. Арганта в списке книг, пожертвованных библиотеке Минусинского музея И. М. Сибиряковым в 1887 г.

Н. М. Мартьянов в письме 15 сентября 1887 г. [МКМ ОФ 10728-9, Лл. 10, 12, 12 об.] благодарит Сибирякова за крупную посылку, полученную в Минусинске из Москвы 20 августа через транспортную контору томского купца Е. Н. Кухтерина.

Некоторые дубликаты Мартьянов позже передал в Ачинскую библиотеку, открывшуюся в том же 1887 году.

История появления автографа Л. Немоёвского на обложке в настоящее время также не выяснена. Немоёвский был амнистирован в 1873 г.; из Енисейской губернии власти переселили его в Оренбургскую, затем в Казанскую, но уже в 1874 г. он вернулся в Варшаву [Леончик, с. 158]. В Казани Немоёвский теоретически мог встретиться с Мартьяновым, который, сам будучи родом из ближайшей к Польше Виленской губернии, мог интересоваться судьбой мятежников — своих земляков [Мартьянов, с. 14], или мог выйти на Немоёвского, собирая информацию о месте своего нового назначения, откуда бывший ссыльный только что приехал. Не исключено, что

книга Арганта потом была приобретена намеренно через общие контакты в Польше. О выходе её в Познани в 1874 г. Мартыанов мог узнать из второго номера журнала «Русский Архив» за 1875 год [Русский архив, с. 246] (вероятно, первое в России свидетельство о брошюре).

К сегодняшнему дню по электронным каталогам в открытом доступе обнаружен ещё один экземпляр книги Арганта в России, кроме минусинского, — в Российской национальной библиотеке (далее — РНБ) в Санкт-Петербурге. На нём отсутствуют какие-либо владельческие пометы; по нашему запросу специалистам РНБ не удалось выяснить источник и дату поступления брошюры в библиотеку. Примечательно, что в 1891 г. книга Поля Арганта (наряду с трудами других польских ссыльных, в том числе Людвига Немоёвского и Альбина Кона) упоминается [Межов, с. 277] в справочнике «Сибирская библиография» (книг на иностранных языках), изданном в Петербурге на средства И. М. Сибирякова библиографом Владимиром Измайловичем Межовым, который до того долгое время трудился в стенах Императорской публичной библиотеки (сегодня — РНБ).

Таким образом, относительно судьбы брошюры П. Арганта как самостоятельного музейного предмета мы пока видим несколько исторических совпадений, которые в ближайшее время могут быть подтверждены либо опровергнуты. Надеемся, в дальнейшем удастся продемонстрировать и полный перевод его «Отчётов о Сибири» с французского на русский язык.

Благодарности. За консультацию по биографии Л. Немоёвского выражаем благодарность г-ну Леончику С. В. — д. и. н., профессору Института истории Естественного-гуманитарного университета в г. Седльце (Польша), — на чьи ранее опубликованные работы мы также неоднократно ссылаемся в настоящей статье.

Список литературы и источников:

1. Архив Минусинского регионального краеведческого музея

им. Н. М. Мартьянова (АМКМ). Ф. 1. О. 2. Д. 1. Журнал регистрации входящей и исходящей корреспонденции 1874–1889 гг.

2. АМКМ. Ф. 1. О. 2. Д. 59. Лл. 9, 14. Отчёт о деятельности музея и библиотеки за 1888 г.

3. АМКМ. Ф. 1. О. 2. Д. 61. Л. 34. Документы об организации и деятельности Минусинской общественной библиотеки за 1878–1887 гг.

4. АМКМ. Ф. 1. О. 4. Д. 30. Рукописный каталог иностранных книг в библиотеке минусинского музея на 45 листах.

5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 3. Списки политссыльных, высланных в Енисейскую губернию за участие в польском восстании.

6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 2. Лл. 99 об., 100. Списки политссыльных, высланных в Енисейскую губернию, 1863 г.

7. Исследовательский центр научной библиотеки Ягеллонского университета (Польша) [Эл. ресурс]. URL:

<https://www.estreicher.uj.edu.pl/xixwieku/baza/wpis/?sort=tytul&order=1&id=3185&offset=52170&index=10> (Дата обращ. 08.03.2023).

8. Костров Н. А. Качинские татары. Казань, 1852. – 66 с.

9. Кубалов Б. Г. Французы-добровольцы польского восстания 1863 г. и общественность Красноярска. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока [Текст]: сборник материалов пленарного заседания и секции истории досоветского периода, археологии и этнографии, март 1960 / Сибирское отделение Академии наук РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН СССР, 1961. – С. 213–220.

10. Леончик С. В. Этнографические исследования народов Сибири польскими ссыльными во второй половине XIX в. // Уральский исторический вестник № 2 (71), 2021. – С. 154–160.

11. Н. М. Мартьянов. Жизнь и призвание. г. Минусинск, 2020. Т. 1. – С. 14.

12. Межов В. И. Сибирская библиография: указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания: [в 3 т.]. Т. 2: История. Биографии. География. Путешествия. Статистика. Этнография. Картография. Санкт-Петербург, 1891. Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета [Эл. ресурс]. URL: <https://>

vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000157200 (Дата обращ. 08.03.2023).

13. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова (МКМ), Основной фонд (ОФ) 10728-9, Лл. 10, 12, 12 об. Письмо Н. М. Мартянова И. М. Сибирякову. 15 сентября 1887 г.

14. *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. // Живая старина. СПб., 1903, вып. 3 – С. 297–357.

15. Русский архив. Историко-литературный сборник. Г. 13. 1875. Кн. 1–4. Москва, 1875. Электронная библиотека «Руниверс» [Эл. ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book7627/406231/> (Дата обращ. 08.03.2023).

16. *Adressbuch für die Stadt Posen.* Druck und Verlag von W. Decker & Co. 1872. S. 4. URL: <https://ia800902.us.archive.org/0/items/Posen/1872%20Adre%C3%9Fbuch%20der%20Stadt%20Posen.pdf> (Дата обращения 08.03.2023).

17. *Adressbuch für die Stadt Posen.* Druck und Verlag der Hofbuchdruckerei W. Decker & Co. 1886. S. 2. URL: <https://ia800902.us.archive.org/0/items/Posen/1886%20Adre%C3%9Fbuch%20der%20Stadt%20Posen.pdf> (Дата обращ. 08.03.2023).

18. *Archiwum Heleny Modrzejewskiej.* T 5, Korespondencja Heleny i Karola Chłapowskiego. Maplesson – Potkański. S. 226–228. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/doccontent?id=629911> (Дата обращения 08.03.2023).

19. *Argant P.* Argument poétique sur l'approche de l'hiver. Bordeaux. 1855. Национальная библиотека Франции [Эл. ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54752219?rk=85837;2> (Дата обращения 08.03.2023).

20. *Argant P.* Chant du souvenir. Nantes. 1859. Национальная библиотека Франции [Эл. ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5476821p?rk=42918;4> (Дата обращения 08.03.2023).

21. *Argant P.* Essai de poésie. Bordeaux. 1856. Национальная библиотека Франции [Эл. ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5475121z?rk=64378;0> (Дата обращ. 08.03.2023).

22. *Argant P.* Leçons sur la littérature française. Posen : J. K. Żupański Libraire Editeur. 1869. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/456026?id=456026> (Дата обращ. 08.03.2023).

23. *Argant P.* Relations sur la Sibérie. Posen : Imprimerie de J. I. Kraszewski (Dr. W. Lebinski). 1874. 40 p.

24. *Argant P.* Rêves et pensées. Paris. 1857. Национальная библиотека Франции [Эл. ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bp-t6k54936169?rk=21459;2> (Дата обращ. 08.03.2023).

25. *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel.* Leipzig, 1874, № 119, den 27. Mai. [Эл. ресурс]. URL: https://www.boersenblatt-digital.de/pageview?tx_dlf%5Bid%5D=14977&cHash=1cabfc66091ca7150c-0cd8dfa8b7e512 (Дата обращ. 08.03.2023).

26. *Chernyszew A., Leończyk S.* Działalność oświatowa zesłańców po Powstaniu Styczniowym 1863–1864 w guberni jeniisejskiej. // *Niepodległość i Pamięć* 22/2 (50). Warszawa, 2015. S. 115–132.

27. *Demortreux L.* Première fleur sibérienne. Paroles de Paul Argant [Musique imprimée]. Национальная библиотека Франции [Эл. ресурс]. URL: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb42946698s> (Дата обращения 08.03.2023).

28. *Dziennik Poznański*, № 285 (1870.12.08). Национальная библиотека Польши [Эл. ресурс]. URL: <https://polona.pl/item/dziennik-poznanski-wychodzi-codziennie-z-wyjatkciem-poniedzialkow-i-dni-poswieitych,NTAzMDAYNjg/0/#info:metadata> (Дата обращ. 08.03.2023).

29. *Jutrzenka.* Poznań, 1870, № 1, 20 maja. Ягеллонская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/660949/edition/626258/content?ref=aHR0cHM6Ly9qYmMuYmoud-WouZWR1LnBsL2RsaWJyYS9yZXN1bHRzP3E9YXJnYW50JmFjdGlvbj1TaW1wbGVtZWZyY2hBY3Rpb24mdHlwZT0tNiZwPTA> (Дата обращ. 08.03.2023).

30. *Katalog nakładowy i komisowy księgarń J. K. Zupańskiego w Poznaniu.* Poznań : Nakładem J. K. Zupańskiego, 1870. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/547452/edition/456219/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

31. *Katalog nakładowy i komisowy księgarń J. K. Zupańskiego w Poznaniu.* Poznań : Nakładem J. K. Zupańskiego, 1872. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/541161/edition/456213/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

32. *Katalog nakładowy i komisowy księgarń J. K. Zupańskiego w Poznaniu.* Poznań : Nakładem J. K. Zupańskiego, 1874. Великопольская

цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/547453/edition/456220/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

33. Katalog nakładowy i komisowy księgarń J. K. Zupańskiego w Poznaniu. Poznań : Nakładem J. K. Zupańskiego, 1876. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/541166/edition/456214/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

34. Katalog nakładowy i komisowy księgarń J. K. Zupańskiego w Poznaniu. Poznań : Nakładem J. K. Zupańskiego, 1880. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/541215/edition/456216/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

35. Katalog nakładowy i komisowy księgarń J. K. Zupańskiego w Poznaniu. Poznań : Księgarnia J. K. Zupańskiego, 1911. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/541108/edition/457825/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

36. Kowalski J. Powstanie styczniowe widziane z Kórniku. // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. 2014, № 31. – S. 65–92.

37. Kowalski J., Paciorek, T. Nieznana relacja francuskiego oficera o bitwach pod Nową Wsią i Brdowem. // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej 31, 2014. – S. 103–134.

38. Posener Zeitung № 77 (1870.04.01). Ягеллонская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/697155/edition/659318/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

39. Posener Zeitung № 122 (1869.05.29). Ягеллонская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/696887/edition/659003/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

40. Posener Zeitung № 214, (1868.09.13). Ягеллонская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/696674/edition/658790> (Дата обращ. 08.03.2023).

41. Posener Zeitung № 229 (1874.04.01). Ягеллонская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/698611/edition/660830/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

42. Rocznik koła towarzyskiego w Poznaniu. 1869. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/285544/edition/236188/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

43. Rocznik koła towarzyskiego w Poznaniu. 1871. Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/241062/edition/211891/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

44. Tydzień Polityczny, Naukowy, Literacki i Artystyczny № 49 (1870.12.04). Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/195278/edition/194991/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

45. Tydzień Polityczny, Naukowy, Literacki i Artystyczny № 50 (1870.12.11). Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/195296/edition/194992/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

46. Tydzień Polityczny, Naukowy, Literacki i Artystyczny № 51 (1870.12.18). Великопольская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/195298/edition/194993/content> (Дата обращ. 08.03.2023).

47. Tygodnik Wielkopolski. Czasopismo naukowe, literackie i artystyczne. Poznań, 1874, № 19, 9 maja. Ягеллонская цифровая библиотека [Эл. ресурс]. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/571057/edition/542747/content?ref=aHR0cHM6Ly9qYmMuYmoudWouZWRR1LnBsL2RsaWJyYS9yZXN1bHRzP3E9YXJnYW50JmFjdGlvbjlTaW-1wbGVtZWZyY2hBY3Rpb24mdHlwZT0tNiZwPTA> (Дата обращ. 08.03.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Матео Эль-Грумете Зарко

научный сотрудник

Минусинский региональный краеведческий

музей им. Н. М. Мартьянова г. Минусинск, Россия

mateozarko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Mateo El Grumete Zarko

Researcher

Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local Lore

Minusinsk, Russia

mateozarko@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....3

В. И. Молодин. О ДИАГНОСТИКЕ БРОНЗОВОГО КЕЛЬТА-ЛОПАТКИ ИЗ СОБРАНИЯ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА.....3

О. В. Минор. ГОЛОВНОЙ УБОР АНДРОНОВСКОГО (ФЁДОРОВСКОГО) НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ.....10

А. Л. Заика, Д. А. Гурулев, Ю. А. Гревцов. ПЕТРОГЛИФ «НИЖНИЙ БРАТ» НА РЕКЕ БИРЮСЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021 ГОДА).....35

В. Я. Бутанаев КЫРГЫЗСКИЕ ИЗВАЯНИЯ И КАМНЕРЕЗНОЕ ИСКУССТВО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА.....52

В. С. Волкова. ОБРАЗ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ» НА ПЕРЕКРЕСТИИ ТАГАРСКИХ КИНЖАЛОВ В ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ.....75

РАЗДЕЛ II. ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....81

Д. Г. Маликов. БОЛЬШЕРОГИЙ ОЛЕНЬ MEGALOCEROS GIGANTEUS BLUMENBACH, 1799 — РЕДКИЙ, НО ОБЫЧНЫЙ ВИД МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ.....81

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ СИБИРИ.....101

А. П. Шекшеев. ЕЩЁ РАЗ О «ШАРЫПОВСКОМ ДЕЛЕ», ИЛИ О КРАСНОМ БАНДИТИЗМЕ В АЧИНСКОМ УЕЗДЕ

ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ.....101

Г. М. Шапошников. СОСТОЯНИЕ АГРАРНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРОДУКТАМИ ЖИВОТНОВОДСТВА.....134

А. Шадрин. КАДРЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х — КОНЦЕ 1930-Х ГГ.142

Ю. А. Орешкова. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРИХОЖАН В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. ...152

А. В. Дерова. ГОРОД МИНУСИНСК В XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.....162

РАЗДЕЛ IV. МУЗЕЙ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ.....174

И. А. Максимова, Ю. С. Мурина. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАКАССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Л. Р. КЫЗЛАСОВА.....174

М. Зарко. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ: ПОЛЬ АРГАНТ.....183

Научное издание

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

Сборник статей

Выпуск 5

Редактор – В. Г. Чернышёва
Оригинал-макет – А. Р. Ртищева

Подписано в печать:
Формат: 60х84^{1/16} Гарнитура: Minion Pro
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Издательские решения»